

Annotation

Роковой стала случайная встреча юной англичанки Сабин Уонтидж и цыганского короля. Сабина — невеста аристократа Артура Тетфорда, но отныне ее сердце принадлежит красавцу цыгану. Невозможность быть вдали от любимого толкает девушку на отчаянный шаг, но оказалось, что все это зря.

- [Барбара Картленд](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Барбара Картленд
Королевская клятва

Глава 1

— Будь я проклята! Мы похожи на погребальную процессию! — неестественным баском проговорила Сабина и залиvisto рассмеялась.

Ее сестры всегда заискивающе хихикали над тем, как она передразнивала сквайра, когда тот, бормоча себе под нос эти проклятия, вел свою дочь к алтарю. Отец, конечно, был бы огорчен и разгневан, узнай он о том, как над ним потешается старшая дочь.

Действительно, старый, поскрипывающий каждым своим суставом дилижанс, то и дело подпрыгивая на ухабах, казалось, двигался все медленнее. Сабина выглянула в окошко, которое не мешало бы протереть, — уже стемнело, на небе проступили звезды, и на морской глади заиграли мерцающие блики.

После стольких задержек и недоразумений девушке казалось, будто она уже никогда не доберется до Монте-Карло, но, с другой стороны, беспокоиться об этом было бы глупо.

Сабина глубоко вздохнула, не в силах сдержать рвущейся из нее радости, и посмотрела на далекое море и черные причудливые очертания деревьев, ветви которых плели прихотливый узор на ночном небе. Она во Франции! Даже в самых своих сокровенных мечтах она и помыслить не могла о том, что ей доведется посетить эти места.

— Слава богу! Как мне повезло! — прошептала Сабина и снова засмеялась.

Как это глупо — громко разговаривать с собой! Всякий, кто узнает об этом, подумает, что она — как тот мальчик-идиот, живший у них в деревне. Она всегда вздрагивала, когда видела его бесцельно бродящего по извилистым тропинкам, — он всегда что-то говорил своим высоким звенящим голосом.

Какими далекими казались ей теперь Кобблфилд и Глостершир, а ведь она покинула их всего лишь несколько дней назад. В этот час ее семья, должно быть, сидит в гостиной, давно покончив со своей незатейливой трапезой, которую отец настойчиво требовал называть ужином, хотя мама всегда говорила о ней как об обеде.

Девочки, наверное, заняты каждая своим делом: Гарриет трудится над вышивкой, достойной наивысших похвал, а Меллони усердно пытается подражать ей, но у нее ничего не выходит, как она ни

старается, бедняжка. Ангелина, может быть, играет на фортепьяно — папе всегда нравилось слушать ее, отмечая успехи дочери на уроках музыки, а Клер — та, скорее всего, уже спит, потому что девочкам до пятнадцати лет не разрешалось засиживаться до ужина.

Мама наверняка сидит в своем любимом кресле, и на ее красивые золотые волосы, сквозь которые уже начинают пробиваться седые прядки, золотя их, падает свет от лампы. А папа, если он уже закончил готовиться к своей проповеди, сейчас выйдет из кабинета, сядет по другую сторону камина, напротив мамы, и заведет разговор. У них найдется о чем поговорить, хотя весь день они и провели вместе, возможно даже, в эту самую секунду один из них говорит: «Интересно, как там Сабина, наша крошка, и приехала ли она уже в Монте-Карло?»

«Если бы они знали, — подумала Сабина, — как ужаснулся бы папа, знай он, что я еще не добралась до Монте-Карло и сейчас еду в дилижансе, совсем одна!»

Но что она могла поделать?

Когда мисс Ремингтон сломала ногу, сходя с поезда в Ницце, Сабине на секунду показалось, будто какой-то злой рок хочет помешать ей добраться до места назначения. Правда, несколько мгновений спустя она устыдилась и, ужаснувшись тому, насколько эгоистичны могут быть ее мысли, постаралась достойно справиться с потрясением, причиной которого стал этот несчастный случай.

Мисс Ремингтон, кузина епископа и женщина солидного возраста — иначе ей бы не доверили сопровождать Сабину, — вела себя, как посчитала последняя, очень глупо. Она взвизгнула, закричала и тут же упала в обморок, так что девушка с трудом привела ее в сознание, поднося ей попеременно то нюхательную соль, то прикладывая холодные компрессы и даже окуривая ее дымом от двух сожженных птичьих перьев.

Чтобы добыть перья, Сабине пришлось проявить немалую изобретательность. На железнодорожной станции в Ницце стояло несколько клеток с живыми совами в ожидании поезда, который доставит их в Монте-Карло. Сабина увидела ярлычок, когда просунула свои пальчики сквозь прутья, чтобы поднять упавшие перья. Хотя она и очень беспокоилась о состоянии мисс Ремингтон, при виде заветных слов ее сердце невольно подпрыгнуло от радости, но одновременно с

этим ее охватило и чувство раздражения, ведь путешествие придется отложить, пока мисс Ремингтон не осмотрит врач.

Девушке показалось, будто прошли годы, прежде чем позвали доктора. Тем временем мисс Ремингтон лежала на жесткой, неудобной скамеечке в зале ожидания, сквозь слезы жалуясь на боль, которую она испытывает, при этом впадая в обморочное состояние по крайней мере раз двенадцать. Наконец в стеклянных дверях показался француз с густой бородкой и маленьким черным саквояжем в руках.

К Сабине вновь вернулось ее прежнее радостное состояние, в котором она пребывала на протяжении всего путешествия, — слава богу, она достаточно хорошо знала французский язык. Мама особенно настаивала на том, чтобы ее дочь прилежно относилась к учебе, даже если ради этого приходилось жертвовать другими делами, и теперь Сабина искренне радовалась, и не без тщеславия, которое она была не в силах скрыть, — ее произношение безупречно.

— Я должна извиниться, месье, за то, что мы причинили вам столько неудобств, — начала она, и доктор, который поначалу казался сердитым и раздраженным — он явно куда-то торопился, — снял шляпу самым что ни на есть изысканным жестом и даже изобразил некое подобие улыбки.

— Мне сказали, что здесь произошел несчастный случай, мадемуазель.

— К несчастью, да, — ответила Сабина. — Моя подруга, которая сопровождает меня в Монте-Карло, упала, сходя с поезда. Она не такая уж легонькая, как вы видите, и я боюсь, что она сломала ногу.

— Это действительно большое несчастье, мадемуазель, — согласился доктор, продолжая рассматривать девушку, и, как той показалось, вовсе не торопился приступить к осмотру больной.

Однако мисс Ремингтон не преминула привлечь его внимание к своей особе тем, что издала негромкий визг и, когда он повернулся к ней, быстренько упала в обморок в очередной раз. Сабина бросилась к ней на помощь.

— Лучше осмотреть ее ногу, пока она без сознания, — сказала она со знанием дела. — Иначе она не даст к ней прикоснуться.

Доктор провел очень беглый осмотр.

— Перелом, — констатировал он. — Нужно отправить мадам в больницу.

— В больницу? — в страхе переспросила Сабина. Она надеялась, что доктор просто наложит повязку и они смогут продолжить свой путь.

— Ногу надо зафиксировать, — объяснил он. — И наложить шину.

— А это займет много времени? — поинтересовалась Сабина.

— Мадам, возможно, сможет покинуть больницу недели через три, — ответил доктор.

— Через три недели! — воскликнула Сабина.

— Если все пойдет хорошо, — подтвердил доктор.

— Вот так дела! — воскликнула Сабина. — Мисс Ремингтон должна была отправиться завтра в Италию. Она сопровождала меня до Монте-Карло, а оттуда намеревалась поехать в Рим.

— Боюсь, визит мадам в этот город придется отложить, — сказал врач. — Но вы-то, мадемуазель, несомненно, можете продолжить свой путь в Монте-Карло.

— Да-да, конечно.

После этих слов тревога Сабины улеглась. Да, конечно, она продолжит путь. Никто и не ждет от нее, что она останется с мисс Ремингтон. Да это и невозможно, хотя бы потому, что ее денег хватит строго на поездку.

Именно деньги и волновали Сабину, когда несколько часов спустя она вышла из больницы и вернулась на железнодорожную станцию. К тому времени на ногу мисс Ремингтон уже наложили шину и она лежала в постели в маленькой, но уютной палате, из окон которой можно было видеть море.

Монахини, которым принадлежала больница, были очень добры и обходительны, но Сабина все же чувствовала себя немного подавленной от вида бедности больницы и отсутствия минимального комфорта. Правда, пациенты, которых она видела в палатах, были в достаточно веселом расположении духа, и мисс Ремингтон, почувствовав себя довольно хорошо, чтобы говорить, шепотом уверила девушку в том, что с ней все будет нормально.

— Мне бы не хотелось оставлять вас одну, — сказала Сабина.

— Нет, ты должна ехать дальше, — ответила мисс Ремингтон. — Ты не можешь оставаться одна в Ницце. Подумай, что бы сказал твой отец, узнай он об этом. Мне тоже доводилось слышать много историй

об этом городе, и я уверена, что это не самое подходящее место для молодой девушки.

Сабина почувствовала облегчение от того, что мнение мисс Ремингтон совпало с мнением доктора — она должна продолжить свой путь в Монте-Карло. В то же время именно из-за того, что ей так этого хотелось, она и ощутила укол совести — подумать только, она бросала бедную мисс Ремингтон одну, без друзей, в чужом городе.

— Со мной все будет в порядке, — возразила мисс Ремингтон, как только Сабина поведала ей о своей тревоге. — Садись на следующий же поезд и объясни леди Тетфорд, что я очень сожалею, что не смогла сопровождать тебя на последнем этапе твоего путешествия. Мне бы не хотелось, чтобы и она, и твои дорогие родители подумали, будто я не выполнила свой долг.

— О, мисс Ремингтон, это не ваша вина! Это был ужасный несчастный случай. Виноваты эти никчемные управляющие станцией, они допустили, что платформа слишком низка для поездов.

— Тише, дорогая, мы не должны позволять себе осуждать другие страны или судить о них по собственной мерке, — зашипела мисс Ремингтон. — Хотя я нисколько не сомневаюсь, что в Англии все устроено намного лучше.

Сабина наклонилась и поцеловала ее на прощание.

— Я непременно постараюсь приехать и навестить вас через день-два, — сказала она. — Я уверена, леди Тетфорд охотно отпустит меня к вам, когда услышит, где вы. Надеюсь, вам здесь будет не слишком плохо.

— Господь Бог часто посылает нам испытания, дорогая! — многозначительно заметила мисс Ремингтон.

Перед лицом такого смирения Сабина вновь почувствовала себя виноватой в том, что ей показалось, будто мисс Ремингтон была неосмотрительна и не контролировала себя должным образом на железнодорожной станции.

Она попрощалась с монахинями, не преминув заверить мать настоятельницу, что вдова леди Тетфорд, у которой она намерена остановиться в Монте-Карло, будет надеяться, что ей сообщат, если мисс Ремингтон будет нуждаться в чем-то или в ее состоянии наступит ухудшение.

На мать настоятельницу, далекую от мирской жизни, имя леди Тетфорд все же произвело впечатление. Но стоило ей услышать, что место назначения Сабины было Монте-Карло, как она тут же забормотала какие-то слова на латыни, и Сабина поняла, что она читала молитву за спасение ее души.

Только покинув больницу и торопливо пройдя по узеньким улочкам, которые привели ее обратно на станцию, девушка поняла, что уже очень поздно. О том, что день уже давно закончился, свидетельствовало не только заходящее солнце и потемневшее небо. Спазмы в желудке напомнили Сабине, что она уже очень давно ничего не ела. Чувство голода было и впрямь сильным, и, когда кофейный аромат, струящийся из дверей кондитерской, достиг ее ноздрей, она остановилась и после минутного колебания зашла внутрь.

Кофе оказался таким же вкусным, как и его запах, а пирожные, щедро покрытые кремом и шоколадом, были даже еще лучше на вкус, чем на вид. Заплатив по счету, Сабина со страхом взглянула на позвякивающие монетки в ее кошельке.

Она дала на чай носильщикам, которые донесли мисс Ремингтон до вызванной врачом кареты. Затем надо было заплатить за эту самую карету, а когда они добрались до больницы, доктор, явно пренебрегая тактом, напрямик спросил про свой гонорар. Это была не крупная сумма, но для кошелька Сабины — ощутимая. Конечно, подумала она, мисс Ремингтон все ей возместит, но стоило ей войти в палату после того, как доктор забинтовал ногу, и увидеть свою спутницу такой слабой и разбитой, как все мысли о деньгах мгновенно исчезли из ее головы.

Ей хватит, подумала она, стараясь утешить саму себя, ведь ее железнодорожный билет до Монте-Карло уже оплачен.

Утолив голод и сгорая от нетерпения продолжить свое путешествие, Сабина вышла из кондитерской и бросилась на станцию. На платформе царил тишина и пустота, что уже само по себе не предвещало ничего хорошего.

На то, чтобы найти хоть кого-нибудь из служащих, потребовалось некоторое время. Наконец она наткнулась на великолепно одетого человека с золотой лентой, которого она приняла за начальника станции.

— Простите, месье, не подскажете ли вы мне, когда следующий поезд на Монте-Карло? — спросила Сабина.

— В девять часов завтра утром, мадемуазель, — последовал ответ.

— Завтра утром! — воскликнула девушка. — Неужели нет ни одного вечером?

— Сожалею, мадемуазель, но последний поезд в Монте-Карло ушел около получаса назад.

— Здесь, должно быть, какая-то ошибка... — начала Сабина, но поняла, что спорить бесполезно.

Начальник станции уже повернулся к ней спиной и погрузился в какие-то трудные вычисления, утонув в бумагах, которыми был завален его стол. Девушка вышла, но потом снова вернулась.

— Мне необходимо добраться до Монте-Карло сегодня же вечером. Как мне это сделать? — спросила она в отчаянии.

— *En voiture*, — ответил он, не поднимая головы.

«Ну конечно, карета!» — подумала Сабина с облегчением. Как глупо было думать, что другого способа, кроме как поездом, добраться до Монте-Карло не существует! В самом деле, она тут же вспомнила, как папа рассказывал ей, что прежде, чем построить железную дорогу, а это было четыре года назад, в 1868 году, месье Блан, сделавший Монте-Карло таким популярным местом, зафрахтовал пароход на 300 мест, который ежедневно курсировал между Ниццей и Монте-Карло. И, продолжал папа, к тому же нанял целый флот дилижансов с первоклассными лошадьми, доставлявшими азартных игроков в город, который ранее считался труднодоступной и почти разорившейся столицей Монако.

Пароход, должно быть, уже отплыл, подумала Сабина, а вот карета может доставить ее в Монте-Карло за несколько часов, если, конечно, папа не ошибался!

Она нашла носильщика, низенького человечка, от которого сильно пахло чесноком, и попросила его отнести свой круглый дорожный сундук и черную брезентовую дорожную корзину ко входу на станцию. Там она приказала ему найти для нее экипаж.

— В какую гостиницу, мадемуазель?

— В Монте-Карло.

— Монте-Карло! — повторил он, улыбнулся и пожелал ей удачи за игровым столом.

— Я еду туда не для того, чтобы играть, — возразила Сабина. — Я еду к друзьям. А раз я пропустила последний поезд, мне нужна карета, которая меня доставит на место.

— Я найду мадемуазель экипаж с двумя» хорошими лошадьми — очень быстрыми! — пообещал носильщик.

Он было уже хотел отправиться на поиски, но Сабина остановила его.

— Одну секундочку, — сказала она. — Сколько это будет стоить?

Носильщик пожал плечами и назвал сумму, от которой она в отчаянии вскрикнула:

— О нет, это очень дорого!

— *Se depend* , — ответил носильщик, успокаивая ее. — Очень быстрая карета — много франков, не очень хорошие лошади и менее быстрая карета — не так много франков.

Сабина назвала ему сумму, которую могла позволить себе потратить на эту поездку, и носильщик, поставив ее багаж на тележку, повел ее туда, где в ряд выстроились ожидающие своих седоков экипажи. То, что последовало за этим, показалось девушке кошмаром из споров, увещеваний и чуть ли не хамства. Но носильщик взял ее под свое крылышко. Он двинулся по» ряду, торгуясь с каждым из возниц по очереди. Они говорили с акцентом, который временами Сабине трудно было понять, но это было к лучшему: ей повезло, что она не могла понять возниц.

Наконец несколько деталей из разговора ей все же удалось уловить. Во-первых, на горной дороге Корниш-Инферьюр случился обвал, а это значило, что любому, кто отправится этим вечером в Монте-Карло, придется ехать по верхнему карнизу — старой, извилистой и неровной дороге высоко в горах. Она была почти заброшена с тех пор, как из Ниццы до Монте-Карло построили железную дорогу, а с ней и дорогу через нижний карниз. Во-вторых, сумма, которую Сабина рассчитывала заплатить, не могла заставить кучеров погнать своих лошадей в столь длительное и утомительное путешествие, если, как они дружно заявляли, выразительно жестикулируя, они могли бы заработать раза в два больше и в самой Ницце.

Они дошли до конца ряда, и Сабина уже начинала терять надежду на то, что им вообще удастся найти кучера, который возьмется ее

отвезти, но тут какой-то возница с двумя тощими несчастными клячами и хлипким, старомодным дилижансом, от дверей которого уже отслаивалась краска, согласился на это путешествие.

Носильщик взвалил ее багаж на крышу, и не успела Сабина с сомнением взглянуть на лошадей и с еще большим сомнением на внутреннюю отделку экипажа, как она оказалась внутри и дверца захлопнулась. Носильщик замахал шапкой, очевидно довольный своими щедрыми *rouge*, и они тронулись мелкой рысью под ироничный смех других кучеров, которые все до единого ей отказали.

Вскоре лошади оставили всякие попытки двигаться рысью и, несмотря на звонкое щелканье кнута, тащились все медленнее и медленнее. Сабине даже захотелось взобраться на козлы и самой взять поводья.

Она умела управлять тележкой с впряженной в нее пони, в которой ее мать разъезжала по округе, правда, лошади, что стояли в стойлах у них дома, были хорошо откормлены и за ними должным образом ухаживали, — на чем бы ни экономили в доме священника, преподобный Адольфус Уонтидж очень заботился о том, чтобы его лошади чувствовали себя хорошо.

Когда Сабина выехала из Ниццы, было что-то часов семь, и, даже если не принимать в расчет медлительность лошадей и более длинный и сложный путь, она подумала, что должна прибыть на место около десяти.

Однако все ее расчеты пошли насмарку — не успели они покинуть окраины Ниццы, как возникли проблемы с колесом, и им пришлось остановиться у кузницы. Лишь через полчаса они снова смогли тронуться в путь.

Сабине, сгоравшей от нетерпения, казалось, что во Франции люди, прежде чем что-либо сделать, разговаривали и спорили слишком долго. Но вот наконец и новую шпильку, или что там требовалось для починки оси, принесли, и в конце концов после обмена любезностями, пожеланий всего хорошего и прочих церемоний они вновь тронулись в путь.

К этому времени солнце уже село. Красота неба, кусты мимозы в полном цвету, целые рощи апельсиновых и лимонных деревьев в садах, сиреневая бугенвиллея, увивающая серые стены домов, заставили девушку позабыть обо всех печалях. Она не могла поверить,

что своими собственными глазами видит все то, о чем раньше читала только в книгах.

«Надо же! Апельсины растут на деревьях, словно яблоки!» — вспоминала она, как говорила своим сестрам дома, прибавляя: «Если захочешь лимон, достаточно выйти на улицу и сорвать его».

Как же ей хотелось рассказать ему про свое путешествие! Медленно проезжали они миля за милей, и Сабина от нечего делать начала репетировать, как она изобразит мисс Ремингтон визжащей на платформе. Нехорошо, конечно, смеяться над больной женщиной, но это рассмешит девочек, они всегда говорили, что Сабина очень точно копирует людей, можно без труда угадать, кого именно она изображает.

Она покажет им в лицах все — и как носильщик торговался с возницами, изобразит и доктора с его черным саквояжем и потрепанным цилиндром. То-то они повеселятся, когда она вернется домой! Воспоминания о пережитом — это всегда замечательно.

Вдруг Сабина замерла. Она забывала — да она уже забыла! — про Артура. Через четыре месяца, к началу июня, она не вернется домой — она станет замужней дамой и будет жить в своем собственном доме. Сабина сжала руки. Незнакомое щемящее чувство сдавило грудь. Она встрепенулась.

Как смешно этого бояться. Именно благодаря Артуру она и была сейчас здесь, с ней происходило самое восхитительное приключение, которое только может выпасть на долю девушки. Именно Артур заставил маму гордиться своей дочерью, изгнал из глубины ее души Страх, который жил в ней так долго, — убеждение, что она неудачница. И вот теперь за Артура она выйдет замуж!

Карета резко накренилась, и Сабину швырнуло в угол. Она ушибла руку и ударилась головой, да так, что ее капор съехал на нос. Раздался окрик кучера, и карета резко остановилась.

Мгновение она переживала шок, потом сняла капор, поднялась на ноги, приоткрыла дверцу и высунула голову наружу. Кучер уже слез с козел.

— Что случилось? — спросила она.

Он разразился целым потоком слов, из которых она поняла, что кузнец, от которого они уехали в таком веселом расположении духа, оказался самым большим злодеем во всем христианском мире, проходимцем, мошенником и болваном со злыми намерениями, он

небось не мог осенить себя крестным знаменем, не говоря уж о том, чтобы починить колесо.

Сабина спустилась на землю. Ее худшие ожидания подтвердились — колесо валялось в пыли, словно пьянчужка, а карета стояла на оси. Она огляделась. Было светлее, чем она ожидала, — неторопливо поднимающаяся по усеянному звездами небу луна бросала вокруг бледный свет.

Они находились высоко в горах, и отсюда море казалось таким далеким. С одной стороны дороги зияла глубокая пропасть, с другой высились деревья, сливающиеся с темнотой у скал и высоких утесов.

— Что мы можем сделать? — спросила девушка. Кучер пожал плечами и снова разразился потоком ругательств и обвинений в адрес кузнеца.

Сабина огляделась. Возможно, неподалеку был дом, подумала она, где им могли бы помочь. Она отошла в сторонку от изрыгающего потоки проклятий кучера и вдруг заметила неподалеку золотистый свет костра.

— Может быть, там есть кто-то, кто сумеет нам помочь, — перебила она возницу.

Он посмотрел в направлении, которое она указывала, и пожал плечами, словно сама мысль о том, что может быть найдено решение их проблемы, казалась ему невероятной.

— Нельзя оставлять лошадей, — пробормотал он угрюмо.

— Я сама пойду и посмотрю, есть ли там люди, которые могли бы нам помочь, — заявила Сабина.

Она подняла с пола упавший ридикюль, в котором лежал ее кошелек, и, подобрав юбки, осторожно ступая по жесткой траве и камням, направилась к огню, который поблескивал во мраке, словно спасительный маяк.

По мере того как она подходила ближе, языки пламени, казалось, взметались все выше и выше. Костер горел много дальше, чем она полагала, и она не раз спотыкалась о кочки и камни, которыми была усеяна тропинка. Чем дальше она отходила от дороги, тем ровнее становилась земля, а огонь ярче. Вскоре она уже могла различить, что вокруг него расположились люди — люди и фургоны.

Прежде чем она смогла разглядеть все подробнее, она услышала музыку — пение скрипки, звон гитары, других каких-то музыкальных

инструментов, звучание которых ей никак не удавалось распознать.

Звучала разудалая неистовая мелодия, которая показалась Сабине словно приглашением к танцу и веселью, так что почти неосознанно тревога и беспокойство, которые она испытывала из-за аварии с каретой, были забыты. Она почувствовала, как ее настроение поднимается, а шаги убыстряются, словно ее ноги невольно задвигались в ритм мелодии, которая звучала все громче и громче, пока Сабине не показалось, что ее душа и тело оказались во власти ритма гармонии.

Вступив в свет костра, она в тот же миг поняла, что это цыганский табор. Однако она не ожидала, что цыган будет так много, а одежда их столь пестра.

Большая группа мужчин и женщин расселась вокруг огня и на ступеньках фургонов, которые стояли кругом позади них. Перед костром танцевала женщина. Золотая вышивка на корсете ее платья, серьги и браслеты сверкали в свете пламени, ее длинные темные волосы развевались за спиной, когда она кружилась, а босые смуглые ноги быстро переступали.

Остальные молча смотрели на нее. Музыка была негромкой, она только отбивала ритм и скорее походила на стук крови в ушах или биение взволнованного сердца. Браслеты танцовщицы тихонько позвякивали, и она резко щелкала пальцами, как, должно быть, испанцы щелкают своими кастаньетами. Взметнув юбки и наклонившись к огню, она вдруг увидела Сабину и в тот же миг замерла на месте.

Музыка смолкла, и к Сабине повернулись все. Девушка увидела множество смуглых лиц и подозрительных глаз, поблескивающих в свете костра. Внезапно пятна цвета пришли в движение — красное, оранжевое, зеленое, — люди вскочили на ноги, явно намереваясь подойти к ней.

И тут Сабина испугалась. Впервые в жизни она боялась людей.

Она знала цыган, даже говорила с ними, когда те разбивали свой лагерь на окраине деревни у ее дома. Один и тот же табор из года в год приходил на то место, так что местные жители познакомились с цыганами и даже радовались каждому их возвращению. Правда, фермеры поговаривали, будто у них исчезают куры и яиц уж больно мало на этой неделе, но в целом от цыган не было зла.

Смуглые мужчины нет-нет да и помогут в уборке урожая, а женщины с темными миндалевидными глазами частенько приходили к черному ходу, продавая вешалки для одежды, искусно сплетенные корзины или ручки для швабр, и обещали открыть будущее всякому, кто позолотит им ручку.

Но люди, смотревшие на Сабину сейчас, были мало похожи на тех цыган, которых она знала раньше. Во-первых, эти были хорошо одеты. Мужчины в белых рубашках с длинными рукавами, украшенных тесьмой и лентами; женщины носили золотые украшения, пестрые юбки со множеством разноцветных оборок и черные бархатные корсеты, тесно зашнурованные на белых блузах с глубоким вырезом. Но в выражениях их лиц, стремительных, словно у хищников, движениях что-то дикое и первобытное, отчего их одежды казались просто лишними.

Внезапная остановка музыки и страх, что она вторгается во что-то секретное и запретное, заставили девушку задрожать и чуть ли не лишиться дара речи. Наступившая тишина с каждой секундой становилась все тяжелее и мучительнее. Наконец с противоположной стороны костра поднялся какой-то мужчина и направился к ней.

Он был одет, как и подобает цыганам, в обтягивающие брюки и блузу с широкими рукавами, искусно расшитыми по краям. Вокруг его талии был повязан широкий пояс, а за ним заткнут нож с ручкой, украшенной драгоценными камнями. Он был чрезвычайно красив: его кожа отливала золотом, словно черпая свой цвет у самого солнца, у него были темные пронизательные глаза и рот, резко очерченный, но тем не менее чувственный и страстный.

Он был цыган и все же чем-то отличался от остальных; и Сабина догадалась, что перед ней сам предводитель. Она не знала почему, но тут же почувствовала, что ей не надо его бояться. В нем чувствовалась властность и привычка командовать — об этом говорило многое — как он двигался, как гордо нес голову, — но в тот момент, когда он приблизился к ней, дрожь прекратилась, и она вновь могла говорить.

Она приоткрыла рот, но он опередил ее:

— Мадемуазель требуется помощь?

К ее величайшему облегчению, он заговорил с ней на французском, а не на каком-то цыганском наречии, которое было бы недоступно ее пониманию.

— Да, мне нужна помощь, — ответила она. — У кареты, в которой я еду в Монте-Карло, отвалилось колесо. Я была бы чрезвычайно признательна за любую помощь, которую можете оказать мне вы и ваши люди.

— Ну конечно. Мои люди сейчас же посмотрят, что можно сделать, — сказал он. — А пока, мадемуазель, не присесть ли вам у огня и не погреться?

Озноб от страха прошел, но Сабина прекрасно понимала, что ее руки и в самом деле были едва ли теплее льда, да и тепло дня уступило место ночи, которая, несомненно, отдавала холодом. Он идет с гор, подумала она и, улыбнувшись, отвечала:

— Я с удовольствием посижу секундочку у огня, если можно. Я могу лишь надеяться, что с колесом ничего серьезного.

Цыган отдал какое-то приказание на языке, которого Сабина не могла понять, и двое или трое мужчин тут же побежали по направлению к карете. Немного застенчиво Сабина обошла вокруг костра и присела на импровизированный диван из листьев папоротника и деревьев, на который указывал ее собеседник. Сверху на него была наброшена шкура медведя. Не успела она сесть, как цыган преподнес ей стакан вина.

Сабина покачала головой:

— Нет, благодарю вас.

— Выпейте, мадемуазель, — настаивал, он. — Вино снимет дорожную усталость.

Сабина решила, что отказываться значило бы проявить неблагодарность, и, взяв бокал, отпила маленький глоток. У вина оказался мягкий, вкусный запах. Девушка мгновенно согрелась и почувствовала себя чуть увереннее.

Только сейчас, сидя у костра, она вдруг вспомнила, что была с непокрытой головой, и, поднеся руку к волосам, попыталась пригладить непослушные и растрепанные локоны.

— Не волнуйтесь, ваши волосы прекрасны, — тихо проговорил цыган.

Сабина взглянула на него, широко раскрыв глаза и едва веря в то, что верно расслышала его слова. Но, увидев выражение его лица, она робко потупилась, не в силах выдержать столь пристального взгляда. Никогда раньше не видела она подобного выражения в глазах

мужчины. Такое неприкрытое, откровенное восхищение заставило неуверенность вернуться к ней.

Ее щеки налились румянцем. Смотреть на нее подобным образом — просто вопиющая наглость со стороны цыгана, какой бы ни была его национальность! Сабина не поднимала глаз — она и так чувствовала его взгляд на своих светло-золотых волосах, которые унаследовала от матери. Вдоволь налюбовавшись волосами, цыган принялся рассматривать ее лицо.

У нее были мелкие, тонкие черты, это Сабина знала. Правда, ее щеки часто бывали слишком бледны, и она считала, что выглядит слишком худой и слишком хрупкой для настоящей красавицы. Как часто ей хотелось быть высокой, как отец, и полной и румяной, как Гарриет, которой, казалось, все и всегда восхищались, стоило ей пойти на вечеринку, и которая никогда не испытывала недостатка в партнерах, если дело касалось танцев.

«Никто не замечает меня!» — часто говорила Сабина.

Но вот Артур заметил ее, и как она была ему за это благодарна! И все же Артур никогда не смотрел на нее так, как смотрел этот цыган — слегка прищутив глаза и тем не менее видя и запечатлевая в памяти все до мельчайших подробностей. Невольно ее рука потянулась к груди.

Именно из-за того, что она чувствовала себя такой смущенной, она и принялась говорить.

— Мне необходимо добраться до Монте-Карло сегодня, — сказала она. — К несчастью, в Ницце я опоздала на последний поезд, так что я была вынуждена нанять дилижанс.

— Но почему же, мадемуазель, вы приехали дорогой Гранд-Корниш? — спросил цыган.

— В Ницце мне сказали, что на дороге Корниш-Инферьор произошел обвал.

— А-а. Это все объясняет! — воскликнул он. — Но этот путь очень опасен ночью, если, конечно, у вас нет опытного кучера и хороших лошадей.

Сабина улыбнулась:

— Боюсь, никто не сможет назвать лошадей, на которых я путешествую, хорошими. Они выглядят так, словно их плохо кормят, и, по всей вероятности, с ними, беднягами, плохо обращаются.

— Тогда жестоко отправлять их в такой долгий путь, а? — с намеком спросил цыган.

— Я согласна, но как иначе я могла поступить? — сказала Сабина.

— Вы могли бы остаться в Ницце на ночь, а утром сесть на поезд.

— Но не могу же я оставаться в гостинице одна! — воскликнула Сабина.

— И все же разве вы путешествуете сейчас не одна? — заметил ее собеседник, и ей стало неловко из-за того, что ей приходится объяснять столь очевидное нарушение условностей этому смуглому незнакомцу.

— Да, я одна, — ответила она. — Но это только потому, что с моей провожатой, дамой, которая

сопровождала меня в Монте-Карло, произошел несчастный случай. Она сломала ногу, сходя с поезда в Ницце. Поэтому я и еду так поздно.

— Понимаю. Это все объясняет. Мне всегда казалось, что быть ночью одной очень несвойственно молодым женщинам, а англичанками в особенности. Это может быть опасно.

— Если вы говорите о бандитах и грабителях, — улыбнулась Сабина, — мне сказали, что месье Блан избавил от этих ужасов всех, кто желает посетить Монте-Карло. Подобное беззаконие не очень хорошо для тех, кто играет, не правда ли?

— Я не думаю, что даже предпринятые месье Бланом меры гарантируют безопасность молодым девушкам, которые путешествуют по дорогам в одиночестве после наступления темноты, — высказал свое мнение цыган немного сухо.

— Я ничего не боюсь, — возразила Сабина. — Никто не сможет меня ограбить по одной простой причине — у меня ничего нет.

— Я говорил не о деньгах, — ответил цыган.

— Тогда что же еще грабителям может быть нужно от меня? — наивно спросила Сабина.

В уголках его рта заиграла улыбка.

— С нами мадемуазель в безопасности. Мгновение Сабина колебалась, а потом тихо пробормотала:

— Я думаю... это будет правильно сказать вам... что я не могу заплатить вам за починку колеса моей кареты... у меня осталось очень мало денег.

— Что бы ни делали цыгане, они делают это ради дружбы или... любви.

Прежде чем произнести эти последние два слова, цыган сделал небольшую паузу, и снова в его глазах появилось выражение, которое заставило Сабину покраснеть и потупить взгляд, взмахнув длинными ресницами.

— Как вы думаете, колесо уже починили? — спросила она, все еще не осмеливаясь взглянуть на него. — Мне нужно ехать. Моя хозяйка... мать моего fiancé, будет волноваться, не случилось ли со мной чего дурного.

— Так вы помолвлены? — спросил цыган. Сабина кивнула:

— С английским аристократом.

— Ему повезло, — сказал цыган. — Интересно, он хоть понимает, как ему повезло?

— Мне кажется, повезло не ему, а мне, — ответила Сабина со свойственной ей прямоотой и вдруг поняла, что говорит о своих личных делах с незнакомцем, да к тому же еще и с цыганом. Это-то папа как раз и не одобрял в ней больше всего на свете, именно за неосмотрительность ей больше всего и доставалось от родителей.

— Я уверена, мне пора, — поспешно прибавила она.

— Вы не сможете уехать до тех пор, пока ваше колесо не будет исправно, — напомнил ей цыган. — И простите меня, но мы не успели повеселить вас.

Он щелкнул пальцами, и в тот же миг снова зазвучала музыка. Цыган, игравший на скрипке, выступил вперед и встал в свете костра, чтобы Сабина могла видеть его смуглое морщинистое лицо, сверкающие серьги, цветной пояс на талии и широкие рукава блузы, качающиеся из стороны в сторону при каждом движении. Но танцовщица, которая танцевала, когда Сабина только что пришла, осталась стоять в стороне, картинно облокотившись на ступеньки фургона. Ее ноги были неподвижны, полные алые губы сжаты, а глаза горели недобрым огнем.

Сабина хотела молча послушать музыку, но любопытство взяло верх.

— Вы французские цыгане? — спросила она. Главный цыган покачал головой.

— Если бы мы не знали, что вы не знакомы с нашими обычаями, мы бы сочли это за оскорбление, — ответил он. — Мы венгры. Очень древнее племя, известное по всей Европе.

— А вы их предводитель?

— Их атаман, или, скорее, как вам будет более понятно, их король.

— О, как интересно! — воскликнула Сабина. — Я всегда мечтала встретить настоящего цыганского короля. Мы с сестрами однажды прочли книгу про графов Малого Египта — вы разве не так себя называете?

— Иногда.

— Нам было очень интересно, особенно когда мы читали про золотые слитки, которые вы передаете из поколения в поколение, слитки, которые используются во всех ваших обрядах. А теперь я встретила настоящего короля — как они будут мне завидовать!

— В Монте-Карло вы встретите намного больше обладателей влиятельных титулов.

— Но не таких романтических, — поспешно ответила Сабина.

Он рассмеялся.

— Теперь, когда я сообщил вам, кто я, — сказал он, — не назовете ли и вы мне своего имени?

— Меня зовут Сабина... Сабина Уонтидж.

— Сабина! Красивое имя, вам идет. Знаете, что я подумал, увидев вас, когда вы стояли вон там, при свете костра?

— Нет, а что вы подумали?

— На мгновение мне показалось, будто музыка, которую играет Жика, вызвала к жизни одного из духов или одну из нимф, что жили здесь задолго до того, как сюда пришли римляне и финикийцы, до того, как цивилизованные люди открыли прелести Средиземного моря. Вы выглядели такой хрупкой и светлой, ваши волосы так отсвечивали золотом в свете пламени, что мне на секунду представилось, будто вы босы и в руке держите венок из роз — корону, которую возлагают на голову простой смертной девушки, которая на одну ночь становится бессмертной.

Он говорил очень тихо, и, когда он закончил, Сабина глубоко вздохнула.

— Как красиво! — воскликнула она. — Как бы мне хотелось, чтобы это было так. Я в самом деле хотела бы стать нимфой и войти в

вашу жизнь, принеся с собой волшебство, какого вы не знали раньше.

— Возможно, вы только что это и сделали, — очень тихо проговорил цыган. Так тихо, что она едва расслышала его слова.

Она посмотрела ему прямо в глаза. Словно неведомой силой ее притягивало, манило, толкало к нему против ее воли — она не знала, почему так происходило.

— Я должна идти, — пробормотала она, и, как ни странно, это прозвучало скорее как мольба, а не утверждение.

Ему словно передалось чувство смущения, внезапно охватившее ее, он взглянул туда, где появились три цыгана, которые отправились чинить карету, они уже вернулись и стояли чуть в стороне от толпы, собравшейся у огня.

— Ваша карета ждет вас, — сказал один из них.

— О, они починили колесо! Я так вам благодарна. Сабина поднялась.

— Благодарю вас, — еще раз сказала она и протянула руку.

Цыган взял ее и поднес к губам.

— Позвольте мне проводить вас до вашей кареты.

— Что вы, в этом нет необходимости... — начала она, но ее голос тут же пресекся.

Все еще сжимая ее руку, он повел ее сквозь толпу цыган в темноту, прочь от света костра. Он бережно поддерживал ее, помогая обойти неровности дороги, и Сабина чувствовала мощь в его руках, — впечатление, которое не могло оставить равнодушной ни одну женщину. Он волновал ее, и все же она его не боялась — только выражение его глаз внушало ей безотчетный страх.

Они молча шли, пока наконец впереди не показался ожидавший ее экипаж, освещенный лунным светом, уставшие лошади, понурившие головы, кучер, сидящий на козлах, и факелы, слабо и неярко мерцающие на фоне светлого неба.

Дойдя до кареты, Сабина чуть ли не с сожалением вынула свою руку из его горячей ладони. Подняв голову, она взглянула на него. В темноте трудно было прочесть выражение его лица, но она и без того знала, каково оно.

— Спокойной ночи, — сказала она. — Спасибо вам. Я вам очень благодарна за все, что вы для меня сделали.

И снова он поднес ее пальцы к губам. Она ощутила их тепло, и легкая дрожь пробежала по ее телу.

— Мы обязательно еще встретимся, — сказал он.

Она хотела было что-то ответить, но, как ни странно, никак не могла подобрать нужные слова. В этот миг дверца захлопнулась, кучер хлестнул лошадей, и карета покатилась.

Она замахала рукой ему на прощание и обернулась назад, чтобы еще раз взглянуть на него через маленькое окошко за спинкой сиденья. Он стоял на дороге и смотрел ей вслед, и его белая блуза *будто светилась в темноте*.

Она глядела на это белое пятнышко, пока лошади, неумолимо бегущие по петляющей дороге, не скрыли ее из виду.

Глава 2

Когда уставшие лошади наконец добрались до Монте-Карло, была уже почти полночь. На протяжении последних двух миль пути Сабина репетировала про себя те извинения, которые она должна будет принести обитателям дома, где ее ждали, за то, что разбудила их в столь поздний час. Но, подъехав к вилле «Мимоза», девушка с удивлением обнаружила, что из открытых настежь окон струится свет. Ждавшие у дверей слуги бросились вниз по широким каменным ступеням, чтобы помочь ей спуститься.

Когда она ступила в квадратную, ярко освещенную залу, она уже с ног валилась от усталости. При мысли о том, как, должно быть, нелепо она выглядит в своем измятом, покрытом дорожной пылью жалком платье и с растрепанными волосами на фоне лакеев в шикарных ливреях, изящной позолоченной мебели и изысканно расставленных на каждом столике ваз с цветами, ей стало неловко.

Она мельком увидела свое отражение во множестве зеркал в великолепных резных рамах, украшавших стены дома, но не успела толком оглядеться, как дворецкий распахнул одну из огромных полированных дверей и объявил о ее приезде.

— Мисс Сабина Уонтидж, миледи, — провозгласил он зычным голосом, свойственным всем дворецким, обучавшимся в Англии, и Сабина, торопливо пройдя мимо него, очутилась в комнате, где у камина расположилось добрых полдюжины человек.

Ее взор уловил бледных тонов стены, украшенные великолепными картинами и зеркалами; канделябры, испускающие мерцающий свет сотен свечей, освещали фарфор, стекло, украшения из нефрита и серебра, мягкие шелковые шторы, подушечки и ковры. Все было таким дорогим, да попросту бесценным, что Сабина поняла: каждая из вещей здесь уникальна.

Но все ее внимание было сосредоточено на людях, кому, всем вместе и каждому в отдельности, все эти драгоценности служили лишь фоном. Она очень часто задавалась вопросом: как выглядит леди Тетфорд, ее будущая свекровь, но реальность превзошла ее воображение.

Высокая, статная женщина поднялась с кресла и направилась к девушке. Она была чрезвычайно грациозна и словно не шла, а плыла по ковру. На ней было платье, обнажавшее шею и плечи, и Сабина вдруг подумала, что бы сказал папа, если бы увидел такой наряд. Да к тому же на леди Тетфорд было столько драгоценностей, что она буквально вся блестела — с головы до пят.

Бриллианты сверкали у нее в прическе, в ушах и на запястьях, высокий бриллиантовый ошейник прикрывал шею, доходя почти до подбородка, ослепительный кулон с камнями размером с шиллинг покоился на груди. Ее волосы были удивительного цвета, раньше Сабина такого никогда не видела — ярко-рыжего, и они выглядели какими-то искусственными, как и лицо, которое они обрамляли.

Не сводя глаз с приближающейся к ней женщины, Сабина вдруг подумала, что она не может быть матерью Артура. Она знала, что есть такие женщины, которые используют косметику, но с ними ей не следует общаться. Ее брат Гарри однажды шепнул ей на ушко, что у женщин в мюзик-холлах в Лондоне губы алые, словно почтовые ящики на улице, а ресницы так густо накрашены, что выдаются на половину дюйма. И это был тот тип женщин, с которыми ей не следовало даже заговаривать.

Леди так не поступали. Леди никогда не пудрили лицо — если только тайком, да и то почти незаметно. У настоящих леди были бледные Губы, а если их ресницы оказывались светлого или песочного цвета, так что поделаешь — это досадное упущение со стороны природы, с которым нельзя бороться.

Так Сабина считала до сих пор, но теперь, глядя в лицо хозяйки, она поняла, что ошибки природы, несомненно, можно исправить, если только набраться достаточно смелости.

К ней было обращено прекрасное лицо — то есть лицо, которое когда-то было прекрасным, а теперь немного постарело: контур подбородка был уже не столь четким, под накрашенными глазами появились темные круги, а на белоснежном лбу, некогда таком спокойном и благородном, появились морщинки. Даже искусно наложенные румяна на скулах и помада на улыбающихся губах были не в силах скрыть тот факт, что молодость прошла. И тем не менее вдовствующая леди Тетфорд все еще была красива!

— Моя дорогая девочка! — воскликнула она, протягивая руки к Сабине. — Я уже и не ждала тебя. Мне казалось, нет ни единого шанса, что ты окажешься здесь раньше завтрашнего дня.

— Я приехала в экипаже, — ответила Сабина.

— В экипаже! — повторила хозяйка. — Как утомительно! Это такое длительное путешествие, что ты, наверняка, смертельно устала. Иди, присядь с нами, но сперва позволь мне представить тебя моим друзьям.

Она обернулась к собравшемуся обществу, которое смотрело на Сабину с нескрываемым любопытством. Оно состояло из двух женщин, столь же великолепно одетых, как и сама хозяйка, и трех мужчин: ни один из них не был молод, но все, судя по их виду, отличались знатностью и властью.

Сабина едва ли расслышала все их имена и титулы. Робкая и смущенная, она думала о том, что они подумают о ее внешности. Она прекрасно знала, каким некрасивым должно показаться им ее платье. Однажды она уже в этом убедилась и теперь не испытывала никаких иллюзий по поводу способностей деревенского портного, который изобразил простенькое платьице из бледно-голубого тарлатана и маленькой мантильи.

— Подойди же к огню, деточка, — взмолилась леди Тетфорд и повела Сабину к камину, тихо шурша по ковру шлейфом из расшитого атласа. — А теперь расскажи нам, что произошло, — попросила она. — Мы ждали тебя сегодня после полудня, но, когда пришел последний поезд, а тебя на нем не оказалось, я подумала, что, должно быть, случилось что-нибудь ужасное.

— С мисс Ремингтон произошел несчастный случай, — начала Сабина.

— Ну вот, я была уверена, что это был какой-то несчастный случай, — перебила ее леди Тетфорд. — Разве я не говорила тебе, Жюли, что именно этого я и ожидала?

— Говорила, — ответила одна из дам. — Ты ужасно точна в своих предчувствиях, Виолета. Было бы славно, если бы ты смогла использовать свои возможности и в рулетке.

— Да, это действительно было бы недурно, — ответила леди Тетфорд. — Но продолжай же, крошка. Что же произошло с мисс Ремингтон?

Сабина рассказала им о несчастном случае на станции в Ницце и о том, что мисс Ремингтон в данный момент находилась в больнице.

— Бедняжка, как мне жаль, что ей пришлось там остаться! — воскликнула леди Тетфорд. — Монахини, несомненно, очень добры, но у них так мало денег, которые они могут потратить на свою работу, да и мне говорили, что еда там просто жалкая.

— Это зависит от того, по каким меркам о ней судить, — заявил один из джентльменов. — Один мой знакомый попал туда после несчастного случая, который произошел с ним на его яхте, и был приятно удивлен!

— Уверена, я скорее умру, чем лягу в больницу! — воскликнула одна из женщин, как сочла Сабина, достаточно глупо, и леди Тетфорд, не обратив внимания на подобное преувеличение-, попросила Сабину продолжить свой рассказ.

— После того как мисс Ремингтон устроилась, я вернулась на станцию, — продолжила девушка. — Но последний поезд уже ушел, так что мне ничего не оставалось другого — только попытаться нанять экипаж, который доставил бы меня сюда.

— Но почему же это заняло столько времени? — поинтересовалась леди Тетфорд.

— Мы вынуждены были задержаться, и виной тому колесо, которое отвалилось по дороге.

— Ну вот, разве я не говорила вам, что эти кареты небезопасны! — воскликнула гостя, к которой обращались по имени Жюли. — Я помню, как однажды мы мчались на огромной скорости, и вдруг порвались повода. Это была, разумеется, простая халатность, но она так свойственна французам. Я не устаю повторять, что боюсь ездить в их поездах — вдруг вагоны связаны между собой простой ниточкой?

— Жюли, ты, как обычно, слишком драматизируешь, — улыбнулась леди Тетфорд. — Ну и как же вам удалось починить это колесо, Сабина?

— Поначалу я боялась, что мне придется провести на дороге всю ночь, — ответила Сабина. — Ведь эта авария произошла в очень глухом месте. К счастью, там были цыгане...

Не успела она договорить, как ее прервал хор голосов, одновременно воскликнувших:

— Цыгане!

— Да, цыгане, — продолжала Сабина. — Они стояли табором неподалеку от места нашей аварии.

— Цыгане на дороге Корниш-Инферьор! — воскликнул один из джентльменов. — А я-то думал, что хоть там их нет!

— О нет, мы ехали не по этой дороге, — объяснила Сабина. — На ней случился обвал, так что нам пришлось выбрать путь по верхнему карнизу.

— Вы приехали по дороге Гранд-Корниш? — В их голосах теперь звучал несомненный ужас.

— Моя дорогая деточка, — сказала леди Тетфорд, когда ей наконец удалось перекричать остальных. — Это самая ужасная вещь, которую я только могу себе представить. Дорога Гранд-Корниш небезопасна. Никто не ездит по ней теперь. Сама дорога крайне нуждается в ремонте, не говоря уж о том, что там могли быть грабители и всякие ужасы, подстерегающие одиноких путников.

— А вы и вправду разговаривали с цыганами? — спросила одна из дам благоговейным шепотом. — Неужели вам не было страшно?

— Не очень, — ответила Сабина. — Они очень добрые. Они пригласили меня присесть у их костра и предложили вина. Их король послал трех человек, чтобы они починили колесо.

Король! Тоже мне! — фыркнул один из джентльменов. — Все они бродяги и негодяи, все до единого. Я ни за что не позволю им остановиться в моих владениях в Дорсете, уж это точно. Я приказал им держаться подальше от моего дома. Когда именем управлял мой отец, их пускали, и ничто не могло укрыться от их воровских пальчиков.

— Сабина, дорогая, они же могли убить тебя! — воскликнула леди Тетфорд.

— Это не имело смысла, — ответила Сабина, улыбнувшись. — Понимаете ли, у меня с собой было мало денег.

— Но ты молода и одна! Ну... ну... они могли сделать с тобой что угодно.

Леди Тетфорд взглянула на присутствовавших женщин, так что не оставалось сомнений в истинном смысле ее слов.

— Они были очень вежливы и чрезвычайно добры, упрямо повторила Сабина.

— Могу только сказать, что вы — очень везучая девушка, — вставил другой джентльмен. — Я бы не считал себя в безопасности и в миле от цыган, особенно тех, которых вы, скорее всего, и встретили на дороге Гранд-Корниш. Вы говорите, один из них назвался их королем. Можете мне поверить, он, скорее всего, обыкновенный конокрад, без признаков королевских кровей!

— Они мне не показались такими уж бедными, да и в деньгах, по моему, не очень-то нуждаются, — сказала Сабина. — Они помогли мне бесплатно.

Произнося эти слова, она вспомнила цыгана, как бы вновь видела, как он смотрел ей в глаза, и в ее ушах вновь зазвучал его голос: «Что бы ни делали цыгане, они делают это за дружбу... или за любовь».

— Что ж, если они не нуждаются в деньгах, так это значит одно: кто-то по соседству стал сегодня ночью беднее. Как вам удалось говорить на их языке?

— Цыган, который назвался королем, говорил по-французски, — объяснила Сабина. — Но он сказал мне, что они — венгры.

— Неужели? О! Я полагаю, они с легкостью могут принять любую национальность и разговаривать на любом языке, лишь бы это отвечало их целям. Если вы по какой-то причине хотите пообщаться с ними, а они не желают вас слушать, то становятся такими же глухонемыми и непонятливыми, как деревенский дурачок.

— Но мне все же казалось, что некоторые из венгерских цыган на редкость романтичные личности! — воскликнула одна из дам. — Когда Берта, моя сестра, ездила в Венгрию в прошлом году, ее глубоко взволновал цыганский оркестр, который каждый вечер приходил играть в замок, где она остановилась.

— А я бы не потерпел никаких цыган в своем замке, абсолютно точно, — возразил сердитый джентльмен. — Если, конечно, я не хочу, чтобы меня обворовали а потом преспокойненько смылись безнаказанными.

— Я думаю, мы должны быть очень благодарны судьбе за то, что ты доехала сюда в целости и сохранности, несмотря на все ужасные опасности, которым ты подвергалась, — тихонько сказала леди Тетфорд Сабине. — А, вот и Бейтс принес тебе ужин. Я полагаю, после этого тебе захочется немедленно лечь в постель. Я уверена,

последние несколько ночей ты и глаз не сомкнула. Когда я в дороге, лично мне ни за что не уснуть.

— А кому это удастся в этих кошмарно грязных поездах? — воскликнула Жюли.

Сабина нашла суп, курицу и свежие персики, которые поднес ей дворецкий на подносе, одновременно и вкусными и питательными. Кофе и пирожные, которыми она подкрепилась в Ницце, не очень-то могли по-настоящему утолить голод, и хотя вино, которое она выпила с цыганами, на некоторое время согрело и вернуло ей бодрость, но к тому времени, как она добралась до виллы, именно отсутствие еды стало причиной ее слабости.

Сабина смаковала каждый кусочек, который ела, и, хотя жевать в то время, как леди Тетфорд и ее друзья засыпали ее вопросами и комплиментами, было неловко, она была слишком голодна, чтобы отодвинуть тарелку, и, только проглотив последний кусочек, она вдруг вспомнила о правилах вежливости, которые велели оставлять что-то на тарелке для «господина Такта».

— А теперь, дорогая, я провожу тебя в твою спальню, — сказала леди Тетфорд. — Полагаю, ты слишком устала, чтобы составить нам компанию сегодня вечером. А нам с тобой нужно многое делать, чтобы ты достойно появилась в свете.

— Вы едете на прием сегодня вечером, в такую пору? — спросила Сабина, и ее глаза округлились от удивления.

Один из гостей рассмеялся.

— Вам не загнать Виолету в постель, прежде чем в ее руках не побывают карты. «.

— Вы собираетесь в казино? — поинтересовалась Сабина.

— Да, разумеется, в казино, — ответила леди Тетфорд, слегка улыбнувшись. — А теперь позволь мне проводить тебя наверх.

Сабина скоро обнаружила, что на вилле было всего два этажа, но это была хоть и невысокая, но длинная постройка, которая вмещала, как ей показалось, огромное число комнат, часть из которых были расположены так, что выходили окнами на море. На верхнем этаже по всей длине шел балкон, и леди Тетфорд открыла на него высокое французское окно спальни Сабины.

— Здесь можно завтракать, нежась в утреннем солнечном свете, — сказала она. — Позвони, когда проснешься, и скажи Ивонне,

чего бы ты хотела. Мои горничные — француженки, и конечно же мой управляющий, но Бейтс, дворецкий, и большинство лакеев англичане.

— Очень мило с вашей стороны, что вы пригласили меня, — сказала Сабина.

— Дорогая, неужели ты думаешь, что мне не интересно, кого Артур выбрал себе в жены? Кроме того, я знала твою мать с детства.

— Мама посылала вам столько уверений в любви.

— Я помню Эвелин, когда ей было столько же лет, сколько тебе сейчас, — задумчиво проговорила леди Тетфорд. — Ты не очень похожа на нее, хотя и унаследовала ее цвет волос.

— Мама была очень красива, — с нежностью сказала Сабина. — Все говорили, что она была самой красивой дебютанткой в том году, когда она впервые вышла в свет.

— Это верно, — ответила леди Тетфорд. — И ты тоже будешь красива. Подожди только, я покажу тебе платья, которые я заказала для тебя в Париже.

Сабина всплеснула руками.

— Из Парижа! — ахнула она.

— Да, разумеется, — сказала леди Тетфорд. — Когда я написала твоей маме, что хотела бы *trousseau* невесте преподнести ей в качестве подарка за ее приезд ко мне в Монте-Карло, твоя мать оказалась достаточно мудра, чтобы принять мое предложение. Она послала мне твои мерки, и я тут же отправила их знаменитому *couturier* в Париж. Мистер Уорт, как тебе должно быть известно, одевает саму императрицу Евгению.

— О, как это мило! — воскликнула Сабина. — Просто восхитительно.

— Ты все это увидишь завтра, — пообещала леди Тетфорд. — А теперь, когда Ивонна закончит разбирать твой багаж, ложись в постель и спи спокойно. Я пошлю свою служанку позвать тебя, когда проснешься, а потом мы поговорим и составим наш план на день, Спокойной ночи, детка.

Леди Тетфорд наклонилась и поцеловала Сабину в щеку. От нее исходил сладкий аромат экзотических духов, бриллианты блестели, а шелк ее платья едва слышно шуршал. Наконец она ушла с лебединой грацией, оставив девушку наедине со своими переживаниями.

Сабина присела на краешек кровати и закрыла глаза руками. Она едва могла поверить в происходящее. Она была здесь — в Монте-Карло, — и у нее будут новые платья, модные туалеты из самого Парижа!

Она не хотела верить, когда ее мать сказала ей, что леди Тетфорд написала ей письмо и сделала подобное предложение. Мама позвала ее в маленькую столовую, примыкающую к кухне, сразу после завтрака и попросила закрыть за собой дверь. В руках она держала письмо, и на мгновение Сабина испугалась, что в нем были какие-то неприятные известия, с которыми хотела поделиться с ней ее мама.

— Я получила письмо от леди Тетфорд, Сабина, — начала леди Эвелин. — Артур рассказал ей о вашей помолвке, и, разумеется, как ты знаешь, не может быть никакого публичного оглашения до тех пор, пока ты не познакомишься с его матерью и не получишь ее официального согласия.

— Артур не считает, что это разрешение столь уж необходимо, — возразила Сабина.

— Не могу поверить, что это действительно идея Артура, — твердо ответила леди Эвелин. — Его мать — моя давняя подруга. Я знала ее с детства, и нам с отцом не очень понравится, если ты не будешь ей представлена должным образом. Ты непременно должна получить ее благословение — в конце концов, она — ближайший родственник твоего жениха.

— Мне конечно же хотелось бы с ней познакомиться, — вставила Сабина.

— Не сомневаюсь, так оно и будет, дорогая, — подтвердила леди Эвелин.

Сабине трудно было это объяснить, но, как ни странно, у нее сложилось впечатление, будто Артур не очень-то желал, чтобы она знакомилась с его матерью.

Она и представить себе не могла, почему это так, а он не любил слишком уж распространяться на эту тему. Тем не менее, она была уверена, что он не только не желал говорить о своей матери, но и писать ей о своей помолвке и заручаться ее согласием.

Это ее мама настояла на их знакомстве.

— Твоя мать и отец часто приезжали и гостили у нас во время охотничьих балов, — сказала она лорду Тетфорду. — Я помню, как в

детстве выглядывала из-за перил лестницы со второго этажа и смотрела, как твоя мама расхаживает вниз. Она была похожа на королеву, и, когда я стала старше, я часто скучала по ней и страстно желала, чтобы она приехала и осталась у нас погостить тогда бы я смогла смотреть на нее, лишний раз убеждаясь, что она самая красивая женщина, которую я когда-либо знала.

— Уверена, что моя мать была бы чрезвычайно польщена, узнай она, что вы помните ее, — сказал Артур своим внятным, холодноватым голосом.

— Я в восторге, Сабина, — продолжала леди Эвелин, — что леди Тетфорд пригласила тебя погостить у нее в доме. Сама она никогда не приезжает в Англию, но она любезно пригласила тебя в Монте-Карло, где у нее есть вилла.

— Монте-Карло } О, мама! — воскликнула Сабина.

— Мы должны надеяться, что папа будет не очень шокирован, услышав об этом, — сказала леди Эвелин. Кстати, она предлагает и еще кое-что, о чем, Сабина, я думаю, будет более разумно ему вообще не говорить. Мужчины понятия не имеют, что значит одежда в жизни женщины. Папа очень гордый человек, так что, я полагаю, будет лучше, если мы сохраним это в тайне. Дело в том, что леди Тетфорд предложила купить тебе одежду и для твоего визита в Монте-Карло, и для твоего *trousseau*.

— О, мама, как это прекрасно! Знаешь... — Сабина запнулась, и леди Эвелин продолжала:

— Да, Сабина, я знаю! Как тебе прекрасно известно, у нас всегда не хватало денег на такие пустяки, как модные наряды. Я это знаю. Я совершила ошибку, отправив тебя в Лондон, не убедившись в том, что ты была соответствующим образом одета. Но ты ведь знаешь, у нас столько платежей, а с каждым годом все так дорожает.

Леди Эвелин нахмурилась, и Сабина невольно протянула к ней руки, чтобы ее утешить:

— Дорогая мамочка, ты такая милая! Поверь, мы не беспокоимся о том, как выйдем, — по крайней мере, не сильно.

— Я знаю, дорогая, но одежда многое значит для человека. Этого нельзя отрицать. Мужчины всегда думают, что женщины тщеславны, но одежда не только прикрывает наши тела, она влияет на наш разум. Красивые платья дают нам веру в себя и уверенность, они даже

заставляют нас чувствовать себя умнее и очаровательнее и, возможно, в некотором роде, возвышают нас духовно.

— О, мамочка, ты все так понимаешь! — воскликнула Сабина. — В Лондоне было... так ужасно!

— Да-да, я знаю, — ответила леди Эвелин. — Но давай больше не будем об этом. В конце концов, все обернулось как нельзя лучше, разве не так, дорогая?

— Да, верно, — согласилась Сабина.

Произнося эти слова, она думала о том, как отправится в Монте-Карло, и о своих новых платьях, а вот леди Эвелин думала об Артуре.

Именно Артур и был всему настоящей причиной, думала Сабина, ложась в постель. Она положила голову на мягкую подушку, и ее тело обнял мягкий, словно нежное облако, матрац.

Но как ни странно, ее мысли не задержались на Артуре. В который раз перед ее мысленным взором предстал высокий темноволосый цыган. Он смотрел на нее, и огненные блики от пламени костра играли на его лице. Ей сказали сейчас, что цыгане воры и грабители, но ей в это почему-то не верилось. Но, подумав об этом, она вдруг резко села в постели.

Лунный свет струился через расшторенное открытое окно. Не тратя времени на то, чтобы зажечь свечу, Сабина бросилась к туалетному столику. Ее руки начали лихорадочно шарить среди вещей, которые лежали на нем, — расчесок, гребней, маленьких шкатулочек, в которых хранились всяческие безделушки, подушечки для булавок в форме сердечек. Спустя пару секунд она принялась за ящики. В них лежали аккуратно сложенные ее вещи, которые перед сном распаковала служанка. Она пристально оглядела их и резко захлопнула ящик.

Она должна быть здесь, должна быть! Ну, вспомни, когда ты снимала ее! Перебежав комнату босиком, она распахнула дверцу гардероба. Там висело ее голубое платье, но на нем не было и следа броши, хотя она точно знала, что прикалывала ее над верхней пуговицей лифа.

Сабина захлопнула дверцу шкафа и подошла к окну. Сияние лунного света лежало на кронах пальмовых деревьев, заливало роскошный сад, весь дворец с его островерхими крышами, бескрайнюю гладь моря — но она ничего этого не видела. Она

вспоминала, когда последний раз ее пальцы прикасались к маленькой бриллиантовой броши у основания шеи. Украшение было выполнено в форме звезды и принадлежало ее матери. Леди Эвелин дала ей его в то самое утро, когда она уезжала в Монте-Карло.

— Мне было бы приятно думать, что ты будешь носить что-то, принадлежащее мне, дорогая, — сказала она. — И я знаю, что ты будешь аккуратно обращаться с ней и не потеряешь. Когда мне исполнился двадцать один год, ее подарил мне твой дед. С тех пор я берегу ее как зеницу ока.

— Но это же твоя лучшая брошь, мама, — запротестовала Сабина.

У меня были броши побольше и пороскошнее, — улыбнулась леди Эвелин. — Но все они были проданы в уплату за услуги гувернантки-и школу для Гарри, а одна пошла в счет ремонта крыши. Лучше я буду спать в сухой постели, чем носить бриллианты по воскресеньям да на званых обедах.

— О, мамочка! Ведь это единственное украшение, что у тебя осталось!

— Единственное, — согласилась леди Эвелин. — Так что привези ее мне назад в целости и сохранности. Я очень люблю мою маленькую звездочку, мне кажется, что она приносит удачу, и мне хочется, чтобы она принесла удачу и тебе.

— Мне и так уже повезло.

— Ты скоро поймешь, что для еще одной капельки удачи всегда найдется место, как бы сильно тебе ни везло, — рассмеялась леди Эвелин и приколола брошку к дорожному платью дочери.

Гарриет, Меллони, Ангеяина и Клер ждали, когда же она наконец выйдет в коридор, готовая к поездке.

— Ты восхитительно выглядишь, — прошептала Гарриет, целуя сестру в щеку.

Мисс Ремингтон тоже присутствовала при этом, суетясь с багажом и не переставая проверять билеты, словно боялась, что они растают в воздухе, если она отведет от них взгляд хоть на секунду.

Прощаясь, Сабина чуть не расплакалась, но, как только они покатали по дороге, ведущей к станции, она приложила пальцы к броши, воображая, будто каждый, кто попадетс ей на пути,

неприменно должен будет заметить ее и позавидовать, что она владеет такими великолепными драгоценностями.

А теперь она пропала! Она была на месте еще в Ницце — Сабина мельком увидела ее сияние в зеркале, висящем на стене маленькой *patisserie*, где она лакомялась пирожными и кофе. Она помнила, как потрогала ее, проверяя замочек, чтобы убедиться, что он действительно заперт.

Воры и грабители! Неужели это правда: сказав, что они починят колесо ее кареты за дружбу, они взяли ее бриллиантовую брошку в качестве платы за работу? Думать о том, что это могло оказаться именно так, было обидно и почему-то очень горько.

«Ты прекрасна», — говорил цыганский король, не скрывая своего восхищения, которое светилось в его глазах. Ни один человек не мог бы так искусно притворяться. И тем не менее он взял ее брошь! Может быть, когда они шли рука об руку по неровной тропинке к ее экипажу, может быть, когда он помогал ей сесть и поднес ее пальцы к своим губам. А она, наивная глупышка, так ему доверяла!

Вдруг Сабина отпрянула от окна. Ей показалось, словно какое-то волшебство, какое-то чудо, что сопровождало ее с тех самых пор, как она уехала из родного дома, покинуло ее. Она вдруг почувствовала себя несчастной и подавленной. «Это потому, что я потеряла мамину брошку, — подумала она. — И потому, что рано или поздно, но мне придется сказать ей, что маленькая звездочка, которую она так любила, безвозвратно пропала». Но в самой глубине сердца Сабина понимала, что это была отнюдь не единственная причина ее печали. Больше всего ее ранило разочарование. В чем — этого она не смела объяснить даже самой себе.

Сабина уткнулась лицом в подушку. Наверное, это случилось потому, что она очень устала, но так или иначе в первую ночь в заветном Монте-Карло она заснула со слезами на глазах...

Однако молодость настолько жизнерадостна, что часто утром бывает трудно вспомнить, что причинило грусть ночью. Сабина проснулась. Солнце заливало своим радостным светом комнату, превращая все в ней — стены, мебель, ковер — в чистое золото. Это сияние слепило глаза.

Она спрыгнула с кровати, подбежала к окну, и, стоило солнечному лучу ласково прикоснуться к ее щекам и телу сквозь тончайший батист

ее ночной рубашки, как ей захотелось плакать от счастья.

Вокруг все было такое яркое и красочное. До сих пор Сабина считала, что такое разнообразие цвета могло жить только в коробке с красками. Яркая синева неба, темные тона моря, зелень деревьев, золото фруктов. А цветы! Фиолетовые и розовые, гелиотропы и петунии! Они усеивали клумбы в саду, пышно увивали стены дома. Казалось, будто радуга упала на землю. Сабина не знала, смеяться ей или плакать от такой красоты.

Она взглянула на часы и обнаружила, что было уже восемь часов — она редко вставала так поздно, дома обычно просыпалась около семи и до завтрака еще успевала прокатиться верхом. Но сейчас она никак не решалась позвонить в колокольчик, висевший у нее в комнате, и позвать служанку, как сказала ей леди Тетфорд.

Единственное, что Сабине всегда давалось с трудом, так это отдавать приказания слугам. В доме священника их было так мало — только старая няня, которая служила у них с тех пор, как родился Гарри, первый ребенок леди Эвелин, и которая ходила за всеми остальными ее детьми, а теперь, когда они выросли, готовила им еду, да Глэдис — девушка, которую леди Эвелин старательно обучала ее обязанностям.

Насколько Сабина себя помнила, таких Глэдис было множество.

— Это бесполезно, Адольфус, — жаловалась леди Эвелин, когда ее муж возражал против ухода очередной подопечной своей жены. — Как только они заканчивают обучение, они могут получать больше денег, и они это знают. Пока мы не сможем позволить себе платить им больше, они так и будут уходить от нас, чтобы устроиться получше.

— Мне кажется, это несправедливо с их стороны, особенно после того, как ты их всему научила, — однажды высказал свое мнение преподобный Адольфус Уонтидж.

— Дорогой, задерживать их — вот что было бы несправедливо. Жалкие гроши, которые мы даем им в качестве недельного жалованья, их едва хватает на то, чтобы свети концы с концами!

Леди Эвелин говорила с беспечностью, и Сабина, присутствовавшая при этом разговоре, ожидала, что отец рассмеется. Но вместо этого он встал из-за стола, за которым они завтракали, и подошел к жене. Он взял ее за подбородок и повернул ее лицо к себе.

— Я же предупреждал, что тебе не следовало выходить за человека, у которого нет ни гроша за душой, — сказал он.

В голосе отца звучали нотки, которые Сабина никогда раньше не слышала, и, затаив дыхание, она ждала, что же ответит мать.

— Ты думаешь, я сожалею об этом? — с нежностью спросила леди Эвелин. — Дорогой, да я самая богатая женщина на свете.

Отец наклонился и поцеловал маму в лоб, но Сабина увидела его лицо, когда он выходил из комнаты, и заметила боль в его глазах и крепко сжатые губы.

Папу было так легко расстроить. Он огорчился, когда они капризничали или когда на них жаловались, когда у мамы не хватало денег, чтобы заплатить торговцам, или когда конюх, который ухаживал за лошадьми, увольнялся, потому что ему приходилось слишком много работать.

— Папа, может, и святой, — однажды сказала Гарриет. — Но святые должны жить на небесах и не портить жизнь другим только потому, что они случайно очутились на земле.

Тогда Гарриет была в ярости из-за того, что папа чего-то ей не разрешил. Но с того момента Сабина часто думала, что в ее словах было много правды. Высокая духовность отца только все усложняла: он не понимал и не хотел понимать трудностей земного бытия.

Как прекрасно, думала сейчас Сабина, быть богатой и иметь много слуг! Дюжины слуг, готовых броситься наверх по первому зову с великолепно приготовленным завтраком, готовых забрать и отгладить платье, которое вы надевали вчера, готовых стоять позади вас и покорно ждать, пока не понадобится уложить ваши волосы в прическу, принести нужные туфли, платок, пояс или ожерелье — все, что бы вам ни понадобилось.

Только через час, когда Сабина искупалась, оделась, позавтракала и осмотрела сад, леди Тетфорд послала за ней. Узнав, что ее зовут, девушка с волнением последовала за служанкой своей гостеприимной хозяйки в просторную спальную. Леди Тетфорд еще лежала в постели.

Сабина открыла рот от удивления, увидев все великолепие этой комнаты — огромный куполовидный потолок, серебряную кровать в форме гигантской ракушки с перламутровыми украшениями, зеркало в серебряной раме у туалетного столика с изображенными на ней двумя обнимающимися купидонами, которые держали высоко над головой

корону, шторы и ковры нежного цвета незабудок, как раз под цвет глаз самой хозяйки.

— Хорошо ли тебе спалось, деточка? — спросила леди Тетфорд.

Мягкие муслиновые занавески были задернуты, чтобы приглушить яркий солнечный свет, и в комнате царили сумерки. Но тем не менее здесь было достаточно светло, чтобы разглядеть морщинки вокруг глаз леди Тетфорд, морщинистую шею, мягкие опущенные уголки рта и слегка пожелтевшую кожу: сейчас на ней не было ни румян, ни пудры.

Не успела Сабина ответить, как она прибавила:

— Как молодо ты выглядишь! Твоя кожа так бела, ты должна быть осторожной, чтобы не загореть.

— Кажется, я никогда не загораю, — вздохнула Сабина. — А вот у Гарриет лицо ужасно покрывается веснушками. Мама всегда говорит ей, что она портит свое лицо, стоит ей выйти на улицу, но моя кожа всегда оставалась белой — боюсь, слишком уж белой.

— Да, немного румян пойдут тебе на пользу, — критично заметила леди Тетфорд, и Сабине стало неловко.

— Боюсь, папа...

Леди Тетфорд рассмеялась.

— Я знаю в точности, что скажет на это твой папа! — воскликнула она. — Не бойся, детка. Мари наложит тебе румяна так искусно, что никто, даже самый критичный и придирчивый человек, не догадается, что твой румянец не настоящий. Ты не будешь казаться накрашенной, как я, обещаю.

Сабина вспыхнула, словно это она сказала что-то неприятное, но леди Тетфорд снова рассмеялась.

— О, от меня не укрылось выражение твоего лица вчера вечером, когда ты впервые увидела меня, — сказала она. — Я забыла, что в Англии все еще считается, будто леди должны выглядеть *ai naturel*. В Париже это не так, и здесь тоже. Я так давно живу за границей, что почти позабыла условности и жеманство английского общества.

— Вам нравится жить за границей? — спросила Сабина.

— Большую часть времени мне здесь не хуже, чем в любом другом месте, — ответила леди Тетфорд. — Но в других местах я тоскую по дому. Да, тоскую по Англии, по ее серому небу и грохоту

карет на Парк-Лейн, по моим друзьям, которые только и знают, что сидеть в парке да злобно сплетничать друг о друге!

— И вы никогда не приезжаете в Англию? — задала следующий вопрос Сабина.

— Нет, никогда, — ответила леди Тетфорд.

В ее голосе звучала такая твердость, что Сабина не решилась продолжить расспросы. После секундной паузы ее хозяйка сказала:

— Но давай поговорим о тебе. Мари! — Она повысила голос и захлопала в ладоши. — Мари, Мари, ну где же ты?

Темноволосая француженка, которая и привела Сабину в спальню леди Тетфорд, вбежала в двери:

— Oui, madame .

— Платья, Мари. Платья для мадемуазель. Давай-ка посмотрим, подходят ли они ей. Если нет, бездельничать сегодня тебе не придется.

Выйдя из комнаты, Мари вернулась несколько секунд спустя с целым ворохом платьев и бережно опустила их на диван, покрытый атласным покрывалом. Сабина не могла отвести от них глаз. Леди Тетфорд сказала скороговоркой:

— А теперь снимай-ка это ужасное платьишко, в котором, бесспорно, угадывается рука деревенской швеи, да побыстрее. И вот, надень одно из этих платьев, которые были сшиты настоящим artiste , знатоком своего дела.

— Какое мы примерим первым, мадам? — спросила Мари.

— Платье на сегодняшний вечер, Мари. Так, дайте-ка мне подумать. Бирюзовый шифон с лентами из кружев на юбке. Я хочу, чтобы мадемуазель произвела впечатление, я хочу, чтобы люди смотрели на нее. Бирюзовый шифон уже сам по себе великолепен.

— А разве мы куда-то идем сегодня вечером? — спросила Сабина.

— Разумеется. Одна из моих приятельниц, графиня де Бофлер, дает прием, и кстати, в твою честь. Мы поужинаем у нее на вилле, а затем отправимся в казино.

— О, как замечательно! — ахнула Сабина, и ее глаза засияли, словно две вспыхнувших свечи.

— Если, конечно, платье подойдет, — сказала леди Тетфорд. — Первое впечатление — самое главное. Примерь-ка.

Сабина едва дышала, боясь, что платье, которое Мари накинула ей через голову, будет слишком велико или мало или что оно придется

леди Тетфорд не по вкусу. Но нет: оно прекрасно сидело, подчеркивая все достоинства ее фигуры, осиную талию, придавая телу плавные изгибы и грациозные линии, о существовании которых она даже не подозревала.

Сабина пристально посмотрела на свое отражение в высоком зеркале рядом с туалетным столиком леди Тетфорд, потом повернулась и прерывающимся голосом произнесла:

— Оно... оно прекрасно. Как мне благодарить вас? Я всегда мечтала о таком сказочном платье! Оно так великолепно сидит! О, это невозможно описать словами!

— Не благодари меня, — отрезала леди Тетфорд, пристально наблюдая за девушкой из-под одеяла. — Я наслаждалась, делая для тебя покупки. Когда я покупаю что-нибудь себе, я редко испытываю такое удовольствие. Как ты думаешь, Артуру понравится?

Сабина ответила не сразу:

— Ну конечно же! Я уверена, что понравится. Разве может быть иначе?

— Ты действительно уверена в этом? — спросила леди Тетфорд. — Что ж, поверю тебе на слово. Я убеждена, ты знаешь вкус Артура лучше меня.

Сабина рассматривала свое отражение в зеркале. Слово небольшое облачко на миг заслонило солнце ее радости. Не сочтет ли ее Артур слишком уж расфуфыренной? Не слишком ли оно элегантно? Слишком дорого? Она решительно отмахнулась от этих мыслей. Нет-нет, конечно, он захочет, чтобы она выглядела изящно, красиво, непременно захочет.

— Когда приезжает Артур? — спросила она.

— Послезавтра, по-моему, — ответила леди Тетфорд. — Ты ведь знаешь, он приедет в королевском поезде вместе с принцем и принцессой Уэльскими.

— Да, он написал мне перед моим отъездом и сказал, что собирается ехать именно так.

— Мой муж служил камердинером у его величества много лет, — сказала леди Тетфорд. — Служение членам королевской семьи у Артура в крови, он никогда не забывает об этом.

Тон, с которым леди Тетфорд произнесла эти слова, удивил Сабину, но она тут же посчитала, что, должно быть, ошиблась.

— Вы, наверное, очень гордитесь сыном, — сказала она.

— Горжусь? — Теперь в голосе пожилой женщины Сабине почудилась издевка. — Да, конечно, Артур очень ловко устроился в жизни, — прибавила она, взглянув на девушку. — Он очень способный и умный молодой человек.

Сабина взглянула на свое отражение в зеркале и отвернулась.

— Я так боюсь, что не оправдаю его ожиданий, призналась она дрожащим голосом.

Глава 3

Сабина стояла на балконе и смотрела в небо. Было три часа утра, но она не чувствовала усталости. Волнения прошедшего дня и события этого вечера заставляли ее трепетать. Ей хотелось танцевать, но отнюдь не в постель.

Никогда в жизни она и представить себе не могла, что Монте-Карло окажется таким прекрасным городом. И дело не только в красоте его — вилл из белого камня, окруженных великолепными садами, лимонными и апельсиновыми рощами с кустиками экзотических растений, не в льющейся из них музыке и щебетанье голосистых птиц, не в казино с его великолепными шелково-серыми стенами, ослепительно сверкающими огнями канделябрами, позолоченными креслами рядом с крытыми зеленым сукном столами. И все же дело не только в этом.

Главное — это радушный прием, который ей оказали в этой пленительно сказочной стране, куда съезжалась поиграть вся знать Европы.

Появившись в тот вечер в обществе под руку с леди Тетфорд, в своем бирюзовом платье, с волосами, уложенными искусной рукой Мари, она имела огромный успех. При всей скромности она отдавала в этом себе отчет, и джентльмены всех возрастов стремились оказать ей внимание, а дамы, сплошь знатные и влиятельные особы, по-доброму улыбались ей и говорили самые приятные и лестные слова о ней и леди Тетфорд.

Сабина чувствовала себя немного пьяной, словно от бокала вина. Пока они не покинули виллу «Мимоза» тем вечером, она боялась, что даже ее великолепного платья и прекрасно уложенных волос окажется недостаточно для успеха на светском вечере, а она знала, что единственный критерий, по которому леди Тетфорд будет судить о ней, — оценка света, то, какой она покажется невестой для ее сына.

Когда Мари закончила одевать ее, девушка дрожала от охватившего ее волнения.

— Ты выглядишь так, словно сейчас упадешь в обморок, детка, — сказала леди Тетфорд, входя в ее комнату, и Сабина виновато опустила голову, уловив нотки упрека в голосе будущей свекрови.

— Боюсь, я всегда излишне бледна, — сказала она дрожащим голосом.

— Мы это исправим, — улыбнулась леди Тетфорд. — Мари, принеси румяна и пудру, которые были доставлены из Парижа на прошлой неделе. Они так нежны, что кажутся сделанными из шелка.

— Но что скажет папа? — воскликнула Сабина. — А если ему кто-нибудь расскажет об этом?

Леди Тетфорд рассмеялась.

— — Хочешь, я раскрою тебе маленькую тайну? — спросила она. — Однажды, когда твоей матери было всего семнадцать лет, я зашла в ее комнату до приема и увидела, как она втирает листья герани в свои щечки.

— Вы видели, как мама это делает? — усомнилась Сабина.

— Ну конечно! Я тоже так делала в юности, но, так как я была старше твоей матери на десять лет, я уже давно узнала способ получше. Я дала ей немного моих румян, и ни ее отец, ни ее мать, ни кто-либо еще из присутствовавших на том вечере не имели ни малейшего понятия, почему у Эвелин, которая всегда была очень бледной и хрупкой, вдруг появился нежный живой румянец.

— Не могу поверить, что мама так поступала! — воскликнула Сабина.

— Я раскрою тебе еще один секрет. После этого она еще много раз брала мои румяна, особенно с тех пор, как влюбилась в твоего отца.

— Папа ужаснулся бы, узнай он об этом.

— Неведение избавляет многие человеческие сердца от ненужных переживаний, — сухо заметила леди Тетфорд. — А теперь Мари посмотрит, что можно сделать с твоим лицом. Поверь, никто ничего не заметит.

Румянец, несомненно, выглядит абсолютно естественным, подумала Сабина, глядя на свое отражение. Из зеркала на нее глядело знакомое до боли личико, и все же легкий румянец на щеках и губах и невидимый слой пудры на маленьком носике придавали ему новое выражение.

— Вот теперь ты выглядишь просто восхитительно, — одобрила леди Тетфорд. — Когда ты станешь такой же старой, как я, ты

поймешь: вопреки известному выражению, что грех золотить лилию, нет на свете такой лилии, которую нельзя было бы украсить позолотой.

Сабина рассмеялась и сквозь смех проговорила:

— Благодарю вас, вы так добры ко мне. И за платье. Я лишь надеюсь, что на этом рауте не допущу какой-нибудь глупости. Я не часто бывала на приемах.

— Но ты же, разумеется, бывала в свете в Лондоне? — спросила леди Тетфорд. — Я смутно помню, как читала о твоём дебюте.

— Да, я гостила у маминой сестры. Она живет на Он-слоу-сквер, — пояснила Сабина. При этом воспоминании по ее лицу пробежала тень, леди Тетфорд заметила это и воздержалась от дальнейших расспросов.

— Пойдем, детка, — сказала она, беря свою длинную накидку из бесценного меха шиншиллы.

Мари принесла накидку и для Сабины. Накидка из бледно-голубого бархата была подбита нежнейшим лебяжьим пухом, и девушка, тихонько ахнув от восторга, немедленно закуталась в нее по самый подбородок.

— Это последний писк моды в Париже, — объяснила леди Тетфорд.

— Как же вы добры ко мне, очень, очень добры! — проговорила Сабина, чуть дыша от переполнявших ее чувств.

Леди Тетфорд взглянула сверху вниз на обращенное к ней взволнованное личико.

— Когда-то я мечтала о дочери, — ответила она. — И теперь, быть может, она у меня появилась.

Сабина почувствовала, как ее глаза тут же наполнились слезами. В голосе леди Тетфорд слышалась грусть одинокого человека, и эти печальные нотки глубоко тронули девушку, хотя она не могла знать об их истинной причине. Подчиняясь внезапно охватившему ее порыву, она протянула руки к старой женщине, но леди Тетфорд уже направилась к дверям. В ее крашенных волосах сверкали бриллианты, а оборки ее юбки колоколом вздымались позади нее, когда она спускалась по лестнице.

Сабина была преисполнена еще большей благодарности к своей благодетельнице, когда они вернулись домой в ту ночь, но почему-то ей так и не удалось найти слова, чтобы выразить свои чувства, да и

леди Тетфорд не могла говорить ни о чем, кроме своего выигрыша в рулетку.

— Я знала, что моя система наконец-то оправдывает себя, — говорила она. — Я проигрывала всю неделю, но сегодня вечером все мои шаги оказались верными.

— Это было так увлекательно, видеть, что числа, на которые вы ставите, неизменно выпадают, — согласилась Сабина.

— Увлекательно! — повторила леди Тетфорд, тихонько засмеявшись. — В целом мире не сыскать подобного волнения, но тебе пока этого не понять. Тебе придется подождать, пока ты доживешь до моего возраста. Только тогда ты поймешь, о чем я говорю.

Ее глаза блестели, и, глядя на нее, Сабина почувствовала, что сейчас перед ней совсем другой человек. Леди Тетфорд была лихорадочно возбуждена, напряжена. Все ее внимание было сосредоточено на игровом столе; казалось, она забыла обо всем на свете и не видела ничего вокруг — только этот крутящийся шарик, бегущий по колесу рулетки.

Старая дама никак не хотела уходить, хотя перед ней уже собралась внушительная горка монет, и Сабина была весьма удивлена, когда к леди Тетфорд подошел служащий в ливрее, наклонил свою напудренную голову и что-то прошептал ей на ухо. Девушка стояла рядом и невольно расслышала его слова:

— Уже три часа, мадам.

Какое-то мгновение леди Тетфорд не двигалась, продолжая пристально наблюдать за происходящим на игорном столе, и казалось, не слышала его слов. А потом, почти не разжимая губ проговорила:

— Вы, должно быть, ошиблись. Неужто уже так поздно?

— Да, уже три часа, мадам, — ответил человек в ливрее.

С явной неохотой леди Тетфорд поднялась из-за стола. Она механически собрала свои деньги, все еще не отрывая глаз от крутящегося колеса рулетки, и наконец повернулась к столу спиной. На ее лице словно погас какой-то таинственный свет.

— Мы должны ехать домой, Сабина.

Они прошли по сверкающим, залитым светом залам, И леди Тетфорд машинально улыбалась женщинам, которые желали ей доброй ночи, и мужчинам, которые отвешивали ей вежливые поклоны,

когда она проходила мимо. Усевшись в карету, она начала говорить о своей игре в этот вечер, и оживление вернулось к ней.

— Я была уверена, что моя система сработает. Сегодня вечером я выиграла больше двух тысяч фунтов.

— Так много? — спросила Сабина с благоговейным испугом.

— Но если учесть мою игру за месяц, я все еще в проигрыше, — заметила леди Тетфорд. — Я уже начала было думать... нет, система должна работать, и завтра я выиграю снова.

— Вы ходите сюда каждый вечер? — поинтересовалась Сабина.

— Ну разумеется! А для чего же еще жить в Монте-Карло? — воскликнула леди Тетфорд.

Сабина смолкла, но потом, мучимая любопытством, осмелилась спросить:

— Вы всегда уходите в три часа? Леди Тетфорд тихонько вздохнула:

— Всегда. Я попросила их говорить мне, когда наступит этот час. Но сегодня трудно было уйти, трудно заставить себя остановиться. Если бы я могла остаться еще на час, я могла бы удвоить свой выигрыш — но я дала обещание.

Наступила длинная пауза, и, когда Сабине уже показалось, будто ее спутница забыла о ее присутствии, леди Тетфорд закончила:

— Я дала его человеку, которому была небезразлична, человеку, который всегда знал, что для меня хорошо, человеку, которого я очень любила.

Больше она ничего не успела сказать — они приехали на виллу. Лошади лихо развернулись у парадного входа, и слуги, к удивлению Сабины все еще ждавшие у дверей, бросились вниз по ступеням, чтобы открыть дверь кареты.

— Мы немедленно ложимся, Бейтс, — бросила леди Тетфорд дворецкому.

— Очень хорошо, миледи. Вам что-нибудь нужно?

— Ничего, кроме сна.

— Надеюсь, ваша светлость приятно провели вечер.

— Очень приятно, Бейтс. Сегодня я выиграла.

— Я рад, ваша светлость.

Леди Тетфорд медленно поднималась по ступеням.

— Пойдем, Сабина, — сказала она. — Твоей красоте нужно немного отдохнуть. Да и мне тоже. К тому же я хочу, чтобы побыстрее наступило завтра. Я смогу вернуться к игорным столам и продолжить свою полосу удачи.

У дверей спальни она наклонилась, поцеловала Сабину и спустилась вниз — величественно, но с невыразимой грацией, придающей каждому ее движению, каждому жесту редкостную элегантность.

Сабина вошла к себе в комнату. У кровати и на туалетном столике стояли зажженные свечи — она знала, что леди Тетфорд не желала, чтобы в ее лучших комнатах использовалось освещение новомодным газом.

— Он слишком яркий и к тому же не к лицу женщине, — говорила она. — Женщины выглядят намного лучше при свете свечей.

Но свечи были так тусклы по сравнению с серебряным лунным светом, струящимся через окно! Сабина раздвинула шторы и вышла на балкон. Как прелестно выглядел сад с его загадочными тенями и высокими пальмовыми деревьями, чьи черные силуэты вырисовывались на фоне ночного неба! Еще ниже на склоне холма виднелись огни казино, а далеко в море мерцали зеленые и красные огоньки корабля, заходящего в порт.

Все это было очень красиво и таинственно. Перед ней раскинулся мир, который она еще не знала, мир, столь отличный от тихого, однообразного существования, которое она вела дома. Ей показалось, будто в данную секунду она стоит на пороге открытия чего-то еще более чудесного, нежели то, что она видела вокруг себя. Сам воздух был полон священного трепета, трепетало и ее сердце.

Из сада исходил сладкий аромат — от цветов, от апельсиновых деревьев. Запах был необычным, будоражащим.

И тут Сабина вдруг услышала странную, неистовую мелодию, которая, казалось, доносилась откуда-то из тени под кронами деревьев. Она была едва уловима, но, прежде чем Сабина успела это осознать, музыка уже завладела всем ее существом.

Да, она знает эту навязчивую, зовущую за собой мелодию, она слышала ее раньше! Это же цыганская музыка. Она перегнулась через перила балкона и принялась пристально вглядываться в тень сада. Музыка стала громче, и в то же мгновение лунный свет озарил

цыганского короля — его белая блуза засияла во мраке ночи. Подбородком он прижимал к плечу скрипку.

Он закончил свою песнь внезапным крещендо журчащих нот, положил на землю смычок и запрокинул голову, чтобы взглянуть на Сабину.

— Приветствую вас, мадемуазель.

Его голос был тих, едва ли громче шепота, и все же она слышала каждое его слово.

— Как вы узнали, что я здесь?

Это был первый вопрос, который пришел ей в голову, и она увидела, как он улыбнулся в ответ:

— Вы сами сказали мне об этом.

— О, но... — Она было хотела возразить, но он приложил палец к губам.

— Спускайтесь сюда, — сказал он. — Я хочу видеть вас.

— Но как я могу это сделать? Все уже спят. Кроме того...

— Я хочу кое-что вам дать, — настаивал он.

— Дать... мне? — не поняла Сабина.

Он сунул руку в карман, вытащил оттуда какую-то вещицу, и та мгновенно вспыхнула в лунном свете.

— Моя брошка! — воскликнула она и почувствовала не только облегчение оттого, что ей вернули столь ценную для ее матери вещь, но и кое-что еще — ее охватила огромная радость: он не украл ее! Она никогда не верила в то, что цыгане способны на такое. Или верила? Ей вдруг безудержно захотелось извиниться, покаяться перед ним за тот грех, который, хотя он и не подозревал об этом, она совершила.

Сабина огляделась и вспомнила, что на дальнем конце балкона была маленькая, крутая деревянная лестница, которая вела в сад. Она заметила ее еще утром, когда завтракала на улице, купаясь в лучах солнца.

Она бросилась к ступенькам и начала медленно, держась одной рукой за поручни, спускаться вниз. Из-за роскошных крон деревьев в саду было темно, да и лунный свет не падал на эту сторону дома. Но успела она осторожно ступить на последнюю ступеньку, как он бережно взял ее за руку и помог спуститься на землю.

— Будьте осторожны. — предупредил он и повел ее сквозь брешь в изгороди цветущих фуксий в ту часть сада, где она еще не бывала.

Узкая тропинка бежала между кустами и цветами туда, где у покрытой цветами стены спряталась увитая жимолостью и розами пагода.

Сабина сразу догадалась, куда вел ее цыганский ко роль, но ничего не сказала. Здесь, возле пагоды, прямо у их ног раскинулся маленький прудик с кувшинками, — в самой его середине бил фонтан. Цыган остановился и протянул ей на ладони брошь.

— Где вы нашли ее? — спросила Сабина.

— Вы, должно быть, обронили ее, когда выходили из кареты, — ответил он. — Один из моих людей нашел ее в пыли сегодня утром.

— И вы догадались, что она моя?

— Я был в этом уверен.

— Я так рада, что она вернулась ко мне, — сказала Сабина, беря брошь из его рук.

— Когда же вы обнаружили, что потеряли ее? — поинтересовался он.

— Прошлой ночью, — ответила Сабина. — Я легла в постель и вдруг вспомнила, что не сняла ее, когда раздевалась.

— И что же вы подумали? Ее щеки зарделись.

— Что вы имеете в виду?

— Разве вы не подумали, что это цыгане украли ее у вас?

Лунный свет озарил ее пунцовые щеки, ее глаза вспыхнули, но в тот же миг она потупилась под его пристальным взглядом.

— Я так и знал, что вы это подумаете, — тихо сказал он. — Именно поэтому я сам принес ее вам. Но на это была и иная причина.

— И какая же? — спросила Сабина.

— Я хотел снова увидеть вас. Я хотел убедиться в том, что вы так же прекрасны, какой я вас запомнил.

Она молча стояла, вертя в руках бриллиантовую звезду. Ей было стыдно: стыдно за свой румянец, который выдал ее сомнения в его честности, стыдно за внезапно охватившую ее радость. Неужели он все еще восхищался ею, все еще считал ее красивой!

— И теперь... вы... разочарованы? — шепотом спросила она.

Она не могла удержаться, чтобы не задать этот вопрос. Он просто невольно сорвался с ее губ.

— Взгляните на меня!

Это было приказание, данное голосом человека, который привык повелевать, и почти инстинктивно она подчинилась ему. Боже, она уже и позабыла, каким он был высоким, каким красивым, но странной, чужой красотой, к которой она не привыкла. Лунный свет падал на их лица, и она снова увидела в его глазах восхищение, точь-в-точь как тогда, у костра.

— Разве вы не знаете, — спросил он тихо, — что вы самая красивая девушка, которую я только встречал? Когда вы уехали прошлой ночью, я подумал, что вы не можете быть настоящей, живой девушкой, что вы нимфа, дух, решивший навестить этот смертный мир, чтобы затем снова вознестись на небо, туда, куда я не смог бы последовать за вами. Но теперь я вижу, что ошибался. Вы настоящая — и от этого кажется мне еще красивее.

— Вы не должны говорить мне подобные вещи, поспешно сказала Сабина. — Правда, возможно, они звучат не так уж и неправильно потому, что вы говорите по-французски, но, даже если и так, я не должна вас слушать.

— Мне повторить их на вашем языке? — спросил цыган по-английски.

Сабина тихонько ахнула от удивления:

— Вы говорите по-английски!

— Немного. Не так хорошо, как вы по-французски.

— Это неправда. Вы говорите отлично.

— Благодарю. Ну вот, теперь вы говорите мне комплименты.

Сабина рассмеялась:

— Может быть, так будет лучше. Но я еще не поблагодарила вас за то, что вы вернули мою брошку.

— Я же сказал, что был рад любому предлогу. Не то чтобы он мне был очень нужен. Я в любом случае пришел бы повидать вас.

Сабина бросила быстрый взгляд через плечо. Спрятанную за деревьями и изгородью из фуксий виллу почти не было видно. Цыганский король внимательно следил за ней.

— Вы стыдитесь того, что разговариваете со мной?

Нет, что вы, нет! — воскликнула Сабина с негодованием. — Не стыжусь, как можно? Просто моей хозяйке может показаться странным и, возможно, неподобающим, что я брожу ночью по саду. Вы знаете не

хуже моего, что, если меня увидят разговаривающей с мужчиной... с любимым мужчиной, это... будет... неправильно истолковано.

— А вы всегда поступаете так, как надо?

Сабина улыбнулась, и на ее щеках появились очаровательные ямочки.

— Боюсь, не всегда. Из-за этого-то папа часто на меня и сердится. Например, однажды мы с сестрой Гарриет тайком отправились в цирк, который приехал в соседнюю деревню. Кто-то увидел нас и рассказал папе. Он был страшно разгневан и обижен, что мы совершили такой поступок, не спросив его разрешения.

Цыганский король улыбнулся:

— Вы в цирке видели цыган?

— О да, в цирке были цыгане, да и в нашей деревне их тоже много — но они совсем на вас непохожи.

— А чем они отличались?

— Ну, английские цыгане ходят в лохмотьях, и они бедны, и...

— И грязные?

— Э... да. Но прошу вас, не подумайте, будто я как-то сравниваю вас с ними. Вы — другие, совсем-совсем другие.

— Значит, вы снова говорите мне комплименты. Это так мило с вашей стороны. Но я уверен, стоит вам сказать живущим здесь людям, что в ту ночь вам помогли цыгане, у них тут же найдутся упреки и обвинения в адрес моего народа. Сабина смутилась:

— Это были в основном англичане, так что они судили о вас по своим меркам. А это не всегда верно.

Это великодушно с вашей стороны, но вы скоро обнаружите, что и французы не очень-то нас жалуют. В Венгрии все иначе. Нас везде принимают. В моей стране цыгане занимают особое место. Они могут, если захотят, овладеть любой профессией и достичь любых общественных высот.

— А их музыка прекрасна, как мне говорили, — подхватила Сабина. — Но какая же я глупая — я это и сама знаю! Я слышала, как играли ваши люди вчера ночью — а сегодня я слышала, как играли вы!

— Благодарю еще раз, — сказал цыган. — Если бы вы знали, как мне приятно слышать вас, ведь так часто нам приписывают лишь всевозможные пороки, злобу и брань.

— Возможно, это происходит оттого, что люди вас попросту боятся? — предположила Сабина.

— Боятся?

— Да. Вы кажетесь такими свободными и счастливыми. Вы идете туда, куда хотите, и вы не обременены ни собственностью, ни ограничениями, навязанными обществом. Кроме того, они считают, будто вы владеете приемами колдовства.

Цыган улыбнулся:

— Хотите, я прочитаю ваше будущее?

— Нет, — поспешно сказала Сабина. — Я не хочу знать свое будущее. Настоящее так... прекрасно.

— Вам нравится в Монте-Карло?

— Это просто чудесно! Я не могу вам передать, как сегодня все было увлекательно.

— Вы выглядите счастливой, — тихо сказал он.

— А я и счастлива, — ответила Сабина. — Кто же может быть несчастлив в таком прекрасном месте? А се го дня вечером все были так добры ко мне. Я и забыла о своей робости, не волновалась о том, что сделаю что-нибудь не так. — Она тихонько вздохнула. — Я думаю, это благодаря моему платью.

— Вашему платью? — переспросил цыган. Сабина кивнула:

— Видите ли, у меня никогда еще не было такого прекрасного платья. О, вы не понимаете, но я знаю, это не вокруг меня суетились люди, не мне говорили комплименты, а... моему платью.

— Возможно, я не очень хорошо вас понимаю, — сказал цыган. — Будьте добры, объясните мне.

Сабина всплеснула руками:

— Мне не следует говорить о себе. Это не может быть вам интересно.

— Наоборот, это мне очень интересно. Вы должны все объяснить мне, иначе я умру от любопытства.

— Хорошо, это было так, — начала Сабина. — Когда я приехала в Лондон вскоре после того, как мне исполнилось семнадцать, я гостила у моей тетушки. Она представила меня ко двору и отвела на несколько балов, и я думала, что все будет просто замечательно, как сегодня вечером, но... я ошиблась. — Сабина горестно вздохнула и задумалась. — Моя одежда причинила маме столько беспокойств.

Видите ли, мы не могли себе позволить купить роскошные наряды. Но деревенская портниха, которая всегда чинит наши вещи, приходила к нам каждый день в течение трех недель, и платья, что она сшила мне, выглядели очень модными и даже шикарными, когда мы примеряли их дома. Но когда я приехала в Лондон, я поняла, насколько они безнадежно безвкусны. Девушки смеялись надо мной, а мужчины... ну... они не приглашали меня танцевать.

Сабина не имела представления, что в эти мгновения в ее голосе звучало неподдельное страдание, не знала, что ее слова раскрывали всю ту боль, которую ей довелось тогда пережить. Но от него укрылось все же, что ее обида была намного глубже, и причина ее крылась отнюдь не в отсутствии партнеров по танцам.

Перед ее отъездом в Лондон мать отвела ее в сторонку и сказала:

— Хорошо проведи время, Сабина, дорогая». Я знаю, тетушка Эдит старомодна и иногда просто невыносима, но с ее стороны так мило, что она пригласила тебя погостить в своем доме в течение всего сезона и предложила представить тебя ко двору. Мне бы очень хотелось, чтобы это смогла сделать я, но, дорогая, у нас просто нет денег, а для тебя иметь эту возможность сейчас многое значит. Помни, твои сестры тоже скоро вырастут.

Глаза матери и дочери встретились, и Сабина поняла все то, что осталось невысказанным. Четыре другие дочери должны последовать за ней, четыре другие девушки, каждой из которых нужна была одежда и возможность отправиться в Лондон — пять девушек, для которых нужно найти мужей, и все это зависело теперь только от нее. Она ни за что не должна была упустить свой шанс.

О, если бы хоть один человек, хоть один мужчина, пусть плохонький, незавидный, влюбился бы в нее, позже размышляла Сабина, это бы смягчило ее боль, она не столь остро чувствовала бы себя полной неудачницей в мире моды.

Она настолько глубоко погрузилась в собственные мысли, что голос цыгана даже удивил ее.

— Сколько вам было тогда лет? — спросил он.

— Когда я поехала в Лондон? — спросила Сабина. Мне только что исполнилось семнадцать.

— Вы когда-нибудь видели жеребенка? — спросил он. Девушка удивилась, но ответила:

— Конечно. Дома у нас есть несколько лошадей. Незадолго до того, как я уехала, у них как раз родился жеребенок — милое крохотное создание с белой звездочкой на лбу.

— Вы никогда не замечали, — сказал цыган, — что у жеребенка всегда длинные, нескладные ноги и голова, которая кажется слишком маленькой по сравнению с туловищем, он неуклюж и робок и тут же бросается наутек, стоит кому-то к нему приблизиться?

— Да, конечно, замечала, — ответила Сабина в недоумении.

— И вдруг, — продолжал он, — почти за одну ночь этот жеребенок превращается в прекрасную лошадь с совершенными пропорциями.

— Теперь я понимаю! — воскликнула Сабина. — Вы пытаетесь сказать мне, что, когда я отправилась в Лондон, я была неуклюжая, как этот жеребенок. И все же я не думаю, что сильно изменилась за эти последние три года.

— Нет, вы изменились. Вы стали взрослее и красивее и, может быть, немного мудрее.

— Мне кажется, вы смеетесь надо мной, — сказала Сабина. — Я не знаю, зачем я все это вам рассказываю. Я никому еще этого не говорила. Никогда.

— Даже человеку, за которого вы собираетесь выйти замуж? — спросил цыган.

— Как я могу сказать лорду Тетфорду что-нибудь подобное? — спросила Сабина. — Он бы меня не понял. Но вы же видите, как чудесно, что я помолвлена, что меня пригласили погостить в Монте-Карло, что у меня есть такие прекрасные наряды и... и что я, кажется, нравлюсь людям.

— И всем этим вы обязаны лорду Тетфорду, — подытожил цыган.

Сабина кивнула. И вдруг, словно очнувшись от долгого сна, она представила себе, что сказал бы Артур, если бы видел ее в этот момент.

— Я должна идти, право, должна идти! — торопливо пробормотала она. — Ума не приложу, как это произошло, что я так долго стою тут и разговариваю с вами. Вы были добры, чрезвычайно добры, что вернули мне мою брошь. Я вам очень, очень за это признательна, и... спокойной ночи.

Она протянула руку, и цыган крепко сжал ее.

— То, что вы говорили со мной, доставило мне огромное наслаждение, — сказал он. — Я рад, что вы, в отличие от стольких людей, не считаете, что цыгане сплошь подлецы да грабители.

При этих словах Сабина чуть заметно вздрогнула. Именно так и говорили ей друзья леди Тетфорд, и она подумала про себя, что по-английски это звучит намного, намного хуже.

— Пожалуйста, пожалуйста, забудьте об этом, — взмолилась она. — Вы не такие, как остальные, и я уверена, никто из знавших вас не стал бы ни на секунду подозревать вас в дурном.

Цыган поднес ее пальцы к губам.

— Благодарю, — ласково произнес он. — Могу я прийти и увидеть вас еще раз?

— Нет, разумеется, нет, — ответила Сабина. — Артур... то есть я хочу сказать, лорд Тетфорд приезжает завтра. Он будет ужасно шокирован, если узнает, что я приходила сюда, как сегодня ночью, или что я говорила с вами, как говорю сейчас. Мне не следовало этого делать...

— Не бойтесь, — тихо сказал цыган. — Я никому не скажу.

— Нет, конечно нет. Какая я глупая. Просто было так приятно поговорить с... кем-то, кто, кажется, тебя понимает.

— Даже несмотря на то, что этот кто-то всего лишь цыган?

— Может быть, именно потому, что вы цыган, вы и поняли меня. Я же говорила вам, что люди считают, будто вы умеете колдовать.

— Если я умею колдовать, почему бы не попробовать прямо сейчас? — сказал цыган. — Клянусь вам, что однажды вы найдете настоящее счастье, но принесут его вам не красивые платья, не успех на приеме и даже ваша помолвка с английским лордом. Вы будете счастливы от того, что вы любите и любимы.

Его голос был очень тих, но Сабина всем телом затрепетала от его слов.

— У цыган есть песня, в которой поется о любви, — продолжал он. — Я постараюсь перевести ее вам на английский. Она начинается так: «Любовь словно бурное море, вы должны подчиниться ее силе и величию. Она может завладеть вами, и вам ни за что не совладать с нею».

Сабина вдруг вырвала свою руку из его.

— Мне кажется, я бы испугалась такой любви, — сказала она и отвернулась.

— Подождите, — взмолился цыган. — Я хочу запомнить вас такой, какая вы сейчас, хотя на самом деле я знаю, что никогда не смогу вас забыть. О, дорогая, столько еще мужчин будут говорить вам слова любви! В вас есть что-то, что будит сердце мужчины и заставляет его тянуться к вам.

— Мне не следует слушать вас, — прошептала Сабина, но не шевельнулась.

— Поэты всегда сравнивают англичанок с розами, — сказал цыган. — Но вы не похожи на розу, вы похожи на звезду — маленькую звезду, совсем как та, что я вам только что отдал, — она мерцает высоко в поднебесье и ведет за собой мужчину. Она вдохновляет его и манит вперед и все же все время остается недосыгаемой. Звезда Сабина, недосыгаемая для цыгана.

— Почему вы так стыдитесь того, что вы цыган? — спросила Сабина. — Вы должны гордиться... гордиться своим народом, который честен и смел и добр к тем, кто попадает в беду. Кроме того, вы же король.

— Какой прок от того, что я король, если то, чего я хочу, мне никогда не получить? — спросил цыган.

— Как я могу ответить на подобный вопрос? — спросила Сабина. — Кроме того, вы же не серьезно это говорите. Вы заставляете вещи звучать романтично и волнующе, не важно, говорите ли вы их по-французски или по-английски. Но возможно, это из-за того, что сейчас ночь и потому что это очень романтическое место.

Цыган тихо засмеялся:

— Вы что, пытаетесь оправдать собственную совесть, маленькая Сабина? То, что я только что сказал вам, — абсолютно серьезно. Но сегодня вечером я больше не буду вам надоедать.

Он снова взял ее руку в свои, но на этот раз он повернул ее ладонью вверх, и его губы коснулись нежной бархатистой кожи ее ладони. Она почувствовала его поцелуй, горячий, крепкий, страстный, и задрожала. Дыхание перехватило, словно этот единственный момент запечатлелся в вечности.

В этот миг ее внезапно охватила паника, и она бросилась прочь от него через сад, сквозь изгородь и вверх по деревянной лестнице на

балкон. Не оглядываясь и ничего не видя перед собой, она устремилась в свою спальную, задернула шторы, чтобы закрыть лунный свет, и тогда, только тогда, она наконец остановилась и прислушалась, сложив обе руки на колотящемся сердце, которое, казалось, было готово порвать нежный атлас ее корсета и выпрыгнуть из груди.

Вдалеке, словно вздох ветра, раздавался тихий плач скрипки!

Когда Сабина наконец заснула, уже почти рассвело. Прежде чем она наконец погрузилась в беспокойную дрему, последний тусклый серебряный лунный луч исчез в щелке между шторами, и небосвод озарило первое бледное сияние утреннего солнца, пришедшего на смену луне и рассеявшего темноту. Сперва ей снились сны — невероятные сны, в которых цыган спасал ее из черных пучин океана, от непонятных ужасов, которые так полностью и не материализовались и все же были еще страшнее как раз потому, что она никак не могла их распознать.

Уже рассвело, когда она наконец погрузилась в глубокий сон без сновидений, а когда проснулась, уже давно наступил день, и веселый солнечный свет заливал ее комнату золотым сиянием. Она проснулась с чувством чрезвычайного счастья и мыслью о том, что все ночное приключение, должно быть, ей просто приснилось. Но постепенно воспоминания об этих событиях вернулись к ней, и она убедилась — нет, все это происходило не во сне, а наяву.

Она никак не могла взять в толк, как она могла вести себя подобным образом. Да она просто помешалась!

Говорить о любви с цыганом, бродягой, мужчиной, который кочует по Европе, называясь венгром, но на самом деле не имеет национальности, потому что кочевые цыганские племена никому не принадлежат, кроме своего народа. Он называл себя королем, но чьим королем он был? Племени бродячих цыган!

Сабина вспыхнула, вспомнив, насколько интимным был их разговор, сколько всего она ему поведала о себе. Теперь она думала, что, должно быть, была пьяна, но она выпила не больше бокала вина за ужином, и оно никоим образом не могло заставить ее потерять голову — до четырех часов утра.

Но, даже упрекая себя за столь легкомысленное поведение, Сабина ни на секунду не забывала, каким высоким и красивым казался

этот король в лунном свете с откинутыми назад с высокого лба черными волосами и золотисто-коричневой кожей. Да, если сравнивать его с бело-розовыми англичанами, которых она встречала дома и в Лондоне, он выглядел более чем экзотично. И все же в нем, несомненно, было какое-то благородство, к тому же он хорошо говорил по-английски. Конечно, с акцентом, но при этом казалось, будто в совершенстве овладеть чужим языком было для него совсем не сложно.

Но он был тем, кем был, он понимал ее, но никогда не мог значить ничего серьезного в ее жизни. Что с того, что она поговорила с ним так, как не посмела бы говорить с мужчиной ее круга?

Просто невозможно представить, чтобы она была так же откровенна с Артуром, с которым была обручена! Сабина вдруг вспомнила, что Артур приезжает как раз сегодня. Ее сердце упало. Она должна, подумала она, радоваться при мысли о том, что скоро увидит его, но вместо радости в ее душе царил страх. Артур всегда заставлял ее чувствовать себя *gauche*, никчемной, и все же он выделил ее из всех прочих девиц и оказал ей огромную честь, предложив стать его женой. Она должна быть в восторге при мысли, что скоро больше не будет никому не нужной старой девой, она станет замужней женщиной. Артур все изменил в ее жизни — как благодарна она должна быть ему за это!

Она вспомнила, как впервые увидела его в тот вечер. Тогда сквайр послал записку в дом священника, где сообщал, что одна из гостей, которых он пригласил к себе в усадьбу, заболела, и спрашивал, не согласится ли леди Эвелин прислать одну из своих дочерей к нему на ужин, чтобы та заняла место заболевшей.

— Со стороны сэра Джорджа очень мило вспомнить о нас, — сказала леди Эвелин, прочтя записку, но по тому, как губы матери слегка поджались, Сабина догадалась, что ее слова противоречили ее мыслям.

— Мило! — фыркнула Гарриет, которая всегда говорила то, что думала. — По-моему, это совсем не мило, мама, это просто наглость с их стороны. Подумать только, приглашать нас в самый последний момент, словно мы слуги на побегушках у них. Они и не подумали пригласить ни одну из нас на этот прием обычным образом. Мне думается, это потому, что Лора и Дороти такие недалекие и

непривлекательные и они просто боятся подпускать нас и близко к своим драгоценным молодым людям!

— Гарриет! Гарриет! — взмолилась леди Эвелин. — Что бы сказал папа, услышь он твои слова?

— Папа хорошо устроился, — проворчала Гарриет. — Я знаю, что наша судьба полностью в руках сквайра, но он думает, что за это он может говорить и делать с нами все, что угодно. Но мы не какая-то там мебель, которую можно передвигать из угла в угол, чтобы семейству Бартрам было удобно!

Гарриет, если ты позволишь себе сказать еще хоть слово, я буду вынуждена все рассказать папе, — строго сказала леди Эвелин. — Я согласна, было бы куда лучше, если бы сэр Джордж и леди Бартрам время от времени присылали вам, девочки, приглашения, но не для того, чтобы заполнить вами пустое место за обеденным столом или чтобы заменить вами человека, который внезапно сообщил, что не приедет. Но мы должны помнить, что не должны чваниться.

— Не вижу причины, почему бы нам не быть гордыми, — возразила Гарриет. — Сквайр получил свое звание только из-за политики. Ты же сама говорила, мама, что твои предки восходят к Вильгельму Завоевателю и Уонтиджи вполне достойная семья. Я слышала, как дядя Герберт однажды сказал это, и кто-кто, а уж он-то не сноб.

— Гарриет, ты не должна так говорить. Это не подобает леди. В любом случае никто не заставляет тебя идти на этот прием. Сабина примет приглашение.

— О нет, мама, — запротестовала Сабина. — Ты же знаешь, как меня постоянно обижают Лора и Дороти, а я ничего не могу им ответить — просто не знаю, что им сказать. Они всегда так задирают носы перед нами.

— Можно я пойду, мама? — взмолилась Гарриет. — Я покажу им, что ничего не боюсь — пусть болтают и делают что хотят.

— Гарриет, это исключено. Ты еще не выходила в свет. На следующий год. Пойдет Сабина. К счастью, твое белое платье, Сабина, чистое, и мы добавим к нему синий кушак, чтобы оно выглядело повеселее.

На отчаянные возражения Сабины никто не обратил внимания, и, чувствуя себя несчастной и трясась от страха при одной мысли о

вечере в компании семейства Бартрам, она отправилась в наемной карете в усадьбу сквайра. Она ждала, что будет чувствовать себя как рыба, выброшенная волной на берег, среди расфуфыренной вульгарной толпы людей, обычных гостей в усадьбе, но была приятно удивлена, оказавшись на ужине рядом с молодым человеком, который рассуждал, правда немного напыщенно, о прочитанных книгах и пускался в пространные рассуждения о политической ситуации в Европе.

Сабина не понимала и половины того, что он говорил, но внимательно слушала, и в благодарность за это после ужина, когда мужчины вновь присоединились к дамам, он нашел ее. Вечер прошел вполне приятно, а при прощании леди Бартрам поинтересовалась, не приедет ли она на следующий день поиграть в крокет.

— Нас будет нечетное число, если вы не приедете, — сказала она. — Так что скажите своей маме, что я буду ждать вас в два тридцать.

Леди Эвелин снова поджала губы, услышав об этом приглашении в форме приказа, но Сабина отправилась в гости почти в хорошем расположении духа. Несмотря на то что она не очень-то отличилась в игре — крокет она ненавидела всем сердцем, — она чувствовала себя свободно и легко с молодым человеком, который был ее соседом на ужине. Он подошел к ней, как только она появилась на игровой площадке.

Только на следующий день Сабина узнала, что ее новоиспеченный знакомец был не кем иным, как лордом Тетфордом, и ее тут же охватил ужас. Она-то, глупышка, обходилась с ним без всяких церемоний, а отнюдь не так, как того требовал его титул!

— Мне кажется, ваша мать знает нескольких членов моей семьи, — сказал лорд Тетфорд тем вечером. — Я бы хотел засвидетельствовать мое почтение ей и вашему отцу. Если я навещу вас завтра после обеда, они будут дома?

— Я... передам маме, — пробормотала Сабина. Она была и поражена, и довольна. «Это будет Бартрамам уроком», — подумала она. Сквайр и его семья так важничали, что никогда не принимали приглашений в дом священника, хотя леди Эвелин считала своим долгом исправно приглашать их на чай по крайней мере раз в год.

— Я уверена, мама и папа будут очень рады видеть вас, — прибавила Сабина и ни капельки не удивилась, что леди Эвелин была в

восторге, услышав о предстоящем визите.

Девушка не имела представления, что за этим крылось нечто более серьезное. Не смутил ее и тот факт, что лорд Тетфорд, который приехал в усадьбу погостить на неделю, каждый день заходил к ним. Она водила его на прогулки по садам вокруг дома священника, показывала ему конюшни, но и то и другое на него не произвело ни малейшего впечатления. Его визиты проходили оживленнее и приятнее, когда он сидел на веранде и разговаривал со всей семьей — за исключением папы — о себе и своей жизни при дворе.

Леди Эвелин, у которой была крепкая память и глубокое почтение к его величеству и королеве, была очарована, а Гарриет с Меллони не переставали засыпать его вопросами о Лондоне и модных курортах, стоило ему только остановиться, чтобы перевести дух. Сабина тайком думала, что большая часть его историй были скорее скучными, но они с Гарриет сходились во мнении, что его желание проводить столько времени вне усадьбы можно было смело расценивать как победу над чванливыми девицами Бартрам.

Когда Артур Тетфорд в конце недели сделал предложение Сабине, она была ошеломлена.

— Я получил разрешение от вашего отца, — сказал он, — поговорить с вами на очень деликатную тему. Я хочу, Сабина, чтобы вы стали моей женой. Вы единственный человек, который, как я считаю, украсит мое положение, которое я занимаю при дворе.

— Вы разговаривали с папой? — ахнула Сабина.

— Ваш отец дал мне разрешение поговорить с вами. Чуть позже, пораженная и ошеломленная, Сабина приняла его предложение. Она была не вполне уверена, что действительно выразила свое согласие Словами, но Артур, несомненно, посчитал, что на его предложение руки и сердца мог быть только один-единственный ответ.

— Дорогая, я могла только мечтать об этом! — воскликнула леди Эвелин. — Представь себе, как это прекрасно! Лорд Тетфорд — конюший принца Уэльского! Ты будешь вращаться в придворных кругах, и подумай только, дорогая, что ты сможешь сделать для девочек, когда они выйдут в свет.

Гарриет выразилась еще яснее:

— Я приеду и останусь с тобой, Сабина. Ты устроишь бал для меня, разве нет? А принц и принцесса Уэльские обязательно там будут,

да? Я смогу произвести в Лондоне настоящий фурор, Сабина, меня не будут таскать за собой в общество зануд, как было с тобой у тетушки Эдит. Твой жених богат и ужасно влиятелен. О, Сабина, как же тебе повезло!

Конечно, ей повезло, говорила себе Сабина, она самая удачливая девушка на свете. Ей повезло, что она будет занимать такое положение, ведь тогда она сможет так много сделать для Гарриет, Ангелины, Меллони и Клер, ей повезло, что она будет жить в Лондоне, что встретит там принца и принцессу Уэльских и, может быть, даже саму королеву, ей повезло, что она приехала в Монте-Карло, что она лежит сейчас на кровати в этой комнате, залитой золотым светом, и знает, что сегодня, через несколько часов, она увидит... Артура.

Глава 4

Сабина спустилась в гостиную, где леди Тетфорд уже поджидала ее.

— Это платье просто великолепно! — воскликнула она, когда девушка остановилась на пороге в сиянии солнечного света, струящегося из окон, выходивших в сад.

— Это самое красивое платье, которое я когда-либо видела в своей жизни, — ответила Сабина. — Кроме, наверное, моих вечерних платьев, они еще прекраснее. О, как мне благодарить вас?

Леди Тетфорд улыбнулась:

— Ты платишь за одежду тем, что ее носишь. Так говорила моя старая английская служанка, которая прислуживала мне еще до Мари. Ты очень отличаешься от той деревенской девочки, какой приехала. Интересно, узнает ли тебя Артур...

— Мне тоже это интересно. Когда я смотрюсь в зеркало после того, как Мари закончит меня одевать, мне кажется, что на меня смотрит совсем другой человек. Это уже не бедняжка Сабина Уонтидж, у которой платья почему-то всегда были каким-то не такими.

— Одна из причин в том, что ты выбираешь не те цвета, — строго сказала леди Тетфорд. — Ну почему, почему англичанам так нравятся бежевые, серые и все эти тошнотворные линиялые оттенки, которые они называют пастельными? От них все лица приобретают желтоватый оттенок.

— Вы такая смешная, — рассмеялась Сабина. — Но вы правы. В Англии действительно носят пастельные тона. Должно быть, это из-за климата.

— С твоей-то кожей, — сказала леди Тетфорд. — Ты можешь носить практически все, что угодно, кроме бледного. Я ожидала, что у тебя будут такие же золотистые волосы, как и у твоей матери, но ее кожа не была такой нежной, как твоя, а глаза такими голубыми.

— Вы делаете меня тщеславной! — улыбнулась Сабина и вдруг, подчиняясь внезапно охватившему ее порыву, бросилась перед старой женщиной на колени. Подняв на нее глаза и свое маленькое красивое и доброе личико в форме сердца, она воскликнула: — Благодарю вас,

благодарю! Не могу передать, как много значат для меня все эти красивые наряды!

Леди Тетфорд нежно прикоснулась к ее щеке:

— Смешная девочка! Хватит меня благодарить. Это доставило мне колоссальное удовольствие, — а теперь посмотрим, что скажет об этом Артур.

Сабина поднялась с колен и взглянула на часы на камине.

— Он не сказал, что приедет в четыре? — спросила она.

— О нет! Артур никогда не свяжет себя подобной точностью, — ответила леди Тетфорд. — Он сказал, что приедет, как только его высочество сможет обойтись без его услуг. Но я узнала, что королевское entourage ожидают к обеду, и подумала, что Артур зайдет нас проведать где-то в это время.

— Он, полагаю, будет свободен не так скоро, — заметила Сабина.

В ее голосе звучали нотки досады. Ей бы хотелось думать, что Артур будет сгорать от нетерпения поскорее ее увидеть и устремится на виллу «Мимоза» в тот же миг, как только поезд прибудет на вокзал. Конечно, он обязан выполнять свой долг, она прекрасно это понимала, но тем не менее не могла ничего с собой поделать — ей было больно сознавать, что он мог прийти в любой удобный для него час.

Отведя взгляд от часов, Сабина краешком глаза увидела свое отражение в зеркале над камином, оправленным в позолоченную раму. Несомненно, ее платье из бенгалина, зеленого, как листва деревьев, цвета, украшенное бархатными лентами и оборками из плиссированного шифона, придавало ей почти воздушный, весенний вид, но стоило ей забыться, как она слышала голос, глубокий и трогательный ее сердце: «Вы выглядите словно нимфа».

Ей вдруг захотелось, чтобы цыганский король увидел ее сейчас, но, поймав себя на этом желании, она тут же решительно подавила его. Чем быстрее она забудет его, тем лучше. Она не сомневалась, что Артуру весьма не понравится ее приключение на дороге Гранд-Корниш, а уж о ее разговоре с цыганом в саду, когда тот пришел вернуть ей ее бриллиантовую брошь, и говорить не приходится.

Она должна была забрать украшение, поблагодарить его и тут же распрощаться, а она медлила, рассказывая ему о себе с той, несомненно, достойной порицания откровенностью, за которую ее так

часто ругали родители. А потом, что хуже всего, она позволила ему поцеловать свою руку.

Всю ночь она ощущала, как этот поцелуй жжет ее ладонь. Она пыталась забыть его, пыталась думать о чем-то другом, выбросить этот поцелуй из головы, убеждая себя, что это было крайне фамильярно и нагло со стороны цыгана, но тем не менее ее память вновь и вновь возвращалась к этому эпизоду. Она то вспоминала его мужественную грацию, когда он наклонял голову, то вновь переживала то странное чувство, которое, словно пламень, пробежало по ее телу при прикосновении его губ.

Сабина решительно отмахнулась от этих мыслей и, отвернувшись от собственного отражения в зеркале, беспокойно зашагала по комнате к окну.

— Нервничаешь?

Она и забыла, что леди Тетфорд смотрела на нее.

— Из-за Артура? — спросила она. — Почему я должна нервничать?

Леди Тетфорд улыбнулась:

— Нет, конечно, не должна, дорогая. Я просто спросила.

Сабина подошла к своей благотельнице и обезоруживающе улыбнулась.

— Немножко нервничаю, — призналась она. — Артур довольно странная личность, мне кажется.

Леди Тетфорд вздохнула, взглянула на Сабину и тихонько спросила:

— Ты его любишь, детка?

Вопрос был столь неожиданным, что девушка растерялась.

— Да... да, конечно, — пролепетала Сабина, запинаясь. — Я так ему благодарна... так, так благодарна.

Леди Тетфорд подняла брови:

— За то, что он попросил тебя стать его женой? Сабина кивнула:

— Это было так неожиданно. Я никак не могла представить себе, что даже нравлюсь ему. Он разговаривал со мной на званом ужине в усадьбе, потом мы вместе играли в крокет, но я считала, что это только потому, что я оказалась меньшим из зол. Если бы он не говорил со мной, ему пришлось бы слушать Лору и Дороти, а они так скучны. Даже папе, хорошему и доброму папе, бывает тяжело слушать их, когда

они бормочут какой-то вздор о вещах, о которых толком ничего не знают.

— Меньшее из зол? — переспросила леди Тетфорд с улыбкой. — Ты действительно так думала? Деточка, у тебя, должно быть, самое скромное мнение о своих достоинствах.

— А разве они у меня есть? — наивно спросила Сабина. Леди Тетфорд засмеялась.

— Ты же только что смотрелась в зеркало. И что ты там видела?

— Я видела красивое платье, — ответила Сабина. — И у меня элегантная прическа, сделанная умелыми руками. Если одежда может сделать женщину, то это именно тот случай, я могу гордиться своими туалетами.

— У тебя есть большее, — настаивала леди Тетфорд. — Ты слишком скромна. Разве ты не понимаешь, что ты прекрасна? Если бы ты только слышала, что говорили мне мои друзья, которые увидели тебя, твоя головка на этих красивых маленьких плечиках пошла бы кругом. Не надо недооценивать себя, Сабина. Ты красива, и куча других мужчин, не говоря уж об Артуре, еще скажут это тебе, прежде чем ты отсюда уедешь.

— О, как бы мне хотелось вам верить! — воскликнула Сабина.

Она обернулась, чтобы вновь взглянуть на свое отражение, но не успела — у парадного входа раздалось цоканье лошадиных копыт и стук колес.

— Артур!

Она произнесла его имя, чуть дыша от волнения, и леди Тетфорд, встав со своего кресла, улыбнулась:

— Да, Артур, наконец-то! Теперь-то он сможет подтвердить то, что говорила тебе я, — что ты прекрасно выглядишь, Сабина.

Две женщины стояли в тишине. Раздались шаги, тихое бормотание Бейтса, а затем дверь в гостиную распахнулась.

— Его светлость, миледи.

Артур неторопливо вошел в комнату. Это был мужчина среднего роста со светлыми волосами, ясным, скорее бледным лицом и маленькими усиками. Холодные серые глаза глубоко посажены под прямыми непреклонными бровями, а тонкие губы, которые были чаще

сурово поджаты, выдавали сухость его характера, не щедрого на эмоции.

Но все же первое впечатление о третьем лорде Тетфорде было благоприятным — это был симпатичный, хорошо одетый молодой человек с гордой осанкой, и, когда он вошел в гостиную, сердце Сабина подпрыгнуло от радости.

— Добрый день, Артур. Мы уже начали думать, не забыл ли ты нас, или, возможно, твой поезд опаздывает, — сказала леди Тетфорд, направляясь к сыну для приветствия.

— Наоборот, королевский поезд пришел точно по расписанию. Мы совершили прекрасную поездку, мама, и я пришел к вам, как только смог.

Он не поцеловал мать, что отметила Сабина, но на мгновение задержал ее протянутую руку в своих и повернулся к Сабине.

Улыбка вдруг исчезла с его губ.

— Что ты с собой сделала? — спросил он.

Слова приветствия, которые уже были готовы робко сорваться с губ девушки, застряли у нее в горле.

— Я... я не знаю, — пробормотала она. — Ты имеешь в виду, что я... выгляжу по-другому?

— Разумеется, это я и имею в виду, — ответил Артур. — Твои волосы, твое платье!

— Они тебе нравятся? — пылко спросила Сабина. Пожалуйста, скажи, что да. Твоя матушка была так добра ко мне. Платья, которые она мне купила, самые прекрасные вещи, которые у меня когда-либо были.

Артур повернулся к матери.

— Ты купила Сабине какую-то одежду? — спросил он. Леди Тетфорд, которая все это время неотрывно смотрела на сына, едва слышно ответила:

— Да. Я написала Эвелин и сказала ей, что мой свадебный подарок Сабине будет ее приданым и что ей стоит носить некоторые из нарядов сейчас, во время своего визита в Монте-Карло.

— Я полагал, что это не столь необходимо, — раздраженно сказал Артур.

— О, но мама была так довольна и благодарна, — вставила Сабина. — Понимаешь ли, она не могла позволить себе дать мне с

собой много вещей, особенно той одежды, которая потребуется мне в Монте-Карло, и даже если бы она купила все, что смогла, эти наряды все равно были бы неуместны здесь. А леди Тетфорд была так добра, что купила мне чудесные платья. Пожалуйста, Артур, скажи, что тебе нравится, — взмолилась Сабина.

Но судя по выражению его лица, она и без слов это знала, что Артур был недоволен, хотя не могла понять почему. Конечно же он не хотел видеть ее в безвкусных дешевых нарядах, которые были на ней, когда они впервые встретились. Даже по сравнению с платьями Лоры и Дороти они были жалкими и старомодными. При одной мысли о том, как бы она выглядела в них здесь, в модном и роскошном Монте-Карло, ее бросало в дрожь.

— Я была уверена, что ты придешь в восхищение от моего платья, — не сдавалась она. — А у меня есть еще красивее!

Наступила долгая пауза, и, не выдержав напряженной тишины, леди Тетфорд резко сказала:

— Не будь смешон, Артур. Девочка не может ходить по Монте-Карло в нарядах кухарки. Ты прекрасно это знаешь, как и я. Ты только создаешь лишние трудности и заставляешь нас чувствовать себя неловко.

Артур взглянул на свою мать. Его глаза стали стальными, а губы сжались.

— Очень хорошо, пусть будет по-вашему, но и у меня есть право слова, знаешь ли. Во всяком случае, то, как она выглядит, касается и меня, — проворчал он.

— Сабиной уже восхищались столько людей, — возразила леди Тетфорд.

— Неужели? И кто же это? — спросил Артур.

— Мои друзья, — ответила его мать.

На его губах появилась мрачная улыбка.

— Еще бы.

Сабина в замешательстве смотрела то на сына, то на мать, и вдруг, чувствуя, что в воздухе уже висит ссора, причину которой она не могла понять, девушка подошла к Артуру и положила руку ему на плечо.

— Это лишь для того, чтобы сделать тебе приятное, — нежным голосом сказала она. — А теперь разве ты не скажешь, что рад меня видеть?

Он взглянул на нее чуть теплее и затем, в первый раз с тех пор, как приехал, взял ее за руку.

— Я рад тебя видеть. Но я любил тебя такой, какой ты была в Кобблфилде.

— Я ни капельки не изменилась, поверь, — шепнула Сабина.

Он нежно смотрел на нее, и она уже подумала, что буря миновала, но вдруг он резко вырвал с»вою руку и вскрикнул:

— Иди сюда!

Схватив Сабину за локоть, он повел ее к окну. Вытащив из нагрудного кармана белоснежный платок, он принялся тереть им ее щеки, сначала одну, потом другую. Сабина тихонько вскрикнула от его грубости, но, прежде чем она успела пошевелиться, он отпустил ее и с мрачным видом уставился на платок, на котором остались предательские пятна от румян.

— Вот что ты сделала! — воскликнул он, с упреком глядя на леди Тетфорд, которая стояла в стороне и молча следила за происходящим.

Он бросил свое обвинение таким гневным голосом, что Сабина инстинктивно отпрянула к подоконнику и подняла руки к своему колотящемуся сердцу.

— Мой дорогой Артур! Не стоит пугать это дитя подобным проявлением чувств, — сказала леди Тетфорд.

— Проявлением чувств? — переспросил ее сын. — Но ведь ты размалевала ее, словно куклу! Да она выглядит словно шлюха из казино!

— Немного румян никак не повлияют на ее нравственные устои!

— Это ты так думаешь, — грубо сказал Артур. — Но я то знаю, что значат эти твои штучки. Ты хочешь сделать ее похожей на себя. Ты хочешь разложить ее, испортить и осквернить ее невинность для того, чтобы доказать мне, что все женщины одинаковы и что ни одна из них не лучше тебя.

Его голос звенел от ярости, но леди Тетфорд смотрела на него совершенно спокойно.

— Не стоит выходить из себя, Артур, и быть еще грубее, чем ты есть на самом деле. Сабина не была испорчена или уничтожена тем, что я всего-навсего прибавила румянца ее бледным щекам и наложила капельку пудры на ее носик. Она такая же нежная и добрая, какой была всегда, но один Господь знает, как долго она такой останется, если ей

придется выслушивать твои гневные речи в адрес женщин, от которых ты ждешь самого худшего.

Если твой пример и сделал меня циничным, ты должна винить в этом только себя, — зло ответил Артур. — Я позволил Сабине приехать сюда против своей воли и теперь вижу, насколько я был прав в своих опасениях.

— Ты позволил ей приехать, потому что был вынужден, — ответила леди Тетфорд. — Не стоит питать никаких иллюзий на этот счет.

— Что ж, хорошо. Но пойми, я не позволю разложить и испортить ее. Она сейчас же отправится наверх и умоется, и, если я еще хоть раз увижу ее накрашенной и напудренной, я отошлю ее домой первым же поездом. Это ясно?

Он обернулся к Сабине.

— О, Артур, пожалуйста... пожалуйста... не сердись. Глаза Сабины были полны слез, а голос срывался.

— Ты слышала, что я сказал! — рявкнул он. — Иди наверх и умойся, а в следующий раз, когда ты используешь краску, ты поймешь, что моя угроза не пустые слова.

Сабина кинулась к двери и, хлопнув ею, бросилась вверх по лестнице к себе в спальню. Добравшись до своей комнаты, она вытерла слезы платком и тут поняла — у нее дрожат руки и все тело ее бьет мелкая дрожь.

Как он мог позволить себе говорить со своей матерью подобным тоном? — спрашивала себя Сабина. Как мог такой пустяк разозлить его настолько, что его голос звенел от ярости и гнева?

Она снова промокнула глаза и пристально посмотрела на свое отражение в зеркале на туалетном столике. Затем она подбежала к раковине и, вылив немного воды из фарфорового кувшина с расписными цветами, начала мыть лицо губкой. На нем было так мало румян и всего лишь капля пудры, что она смыла их за секунду, и на полотенце, которым она вытерла лицо, не осталось и следа позорной краски.

Она вернулась к туалетному столику. Несомненно, раньше она выглядела намного красивее, чем теперь. Сделав все, как велел ей Артур, Сабина вдруг почувствовала гнев из-за той манеры, в которой он с ней говорил.

Он непозволительно груб со своей матерью! И с ней — тоже. Он позволяет себе приказывать ей еще до того, как она стала его женой! Обвинив его в грубости, Сабина вдруг почувствовала, как ее гнев исчезает. Ей захотелось, чтобы Артур был ею доволен, чтобы не сердился на нее. Она хотела нравиться ему, он не должен больше придирается к ней.

Прошлой ночью цыганский король сказал ей, что она прекрасна. Она видела восхищение в его глазах. Она знала, как знает любая женщина, что в его взгляде не было притворства. То же самое было и в казино. Все друзья леди Тетфорд говорили ей комплименты, а другие мужчины, которых она не знала, дарили ей восхищенные взгляды.

Артур должен был гордиться ею, а не бранить ее, и в груди Сабрины вновь вспыхнуло негодование. Но тут здравый смысл пришел ей на помощь. Он был прав, конечно, он был прав. И папа бы не одобрил, и мама тоже. Если бы кто-то из них увидел, что она накрашена, они, как и Артур, сказали бы, что она должна это смыть. Возможно, так она действительно выглядит красивее, но не в этом дело. Румяниться не просто легкомысленно, это не подобает леди, и она позволила леди Тетфорд убедить себя только потому, что думала, что это будет абсолютно незаметно.

«Я должна извиниться перед ним», — подумала она и заставила себя поверить в то, что это необходимо.

Медленно, словно к ногам ее были привязаны тяжелые камни, то и дело оглядываясь назад, она спускалась, ступенька за ступенькой, направляясь в залу. Потянувшись рукой к ручке двери гостиной, она вдруг почувствовала смертельную тоску по дому.

Дома у них никогда не бывало подобных сцен. Папа, как бы огорчен он ни был поступком своих дочерей, никогда не выходил из себя. Он укорял их, и все же всегда казалось, что он скорее опечален их плохим поведением, но не зол. Мама иногда теряла терпение, да и девочки, бывало, ссорились по пустякам, но она успокаивалась через несколько минут, и все они тут же целовались и вновь признавались друг другу в любви и были даже еще счастливее потому, что легкое облачко несогласия лишней раз подчеркивало сияние их счастья.

Держась за ручку двери, Сабина вдруг поняла то, чего раньше не знала.

«Я боюсь Артура», — сказала она самой себе. Да, она боялась его. Это открытие ошеломило ее. Как часто говорила она своим сестрам, что не боялась ничего — даже привидений или старости или смерти. А теперь она боялась человека — мужчину, за которого собиралась выйти замуж.

«Он не должен сердиться на меня, не должен», — сказала она себе и тут же устыдилась собственной трусости.

Он любил ее! Если она сделала что-то не так, она извинится, и он все поймет.

Сабина открыла дверь и вошла, уже репетируя в уме слова извинения, которые должна будет произнести. На мгновение она подумала, что комната пуста, но потом увидела, что Артура в ней нет, зато леди Тетфорд лежала на диване у окна.

Сначала Сабина подумала, что леди Тетфорд спит, но потом обнаружила, что та смотрит в сад. Ее невидящие глаза остановились на высоких кипарисах.

— Артур уехал? — задала вопрос Сабина тихим голосом.

— Да. Но он вернется к ужину.

— О! — Это был единственный ответ, который пришел ей в голову.

Леди Тетфорд неохотно повернула голову и взглянула на свою гостью:

— Подойди сюда, детка. Я хочу поговорить с тобой. Сабина покорно подошла к ней. Она встала у дивана и пристально посмотрела сверху вниз на старую леди. Та выглядела очень уставшей. Ее лицо было искажено страданием.

Леди Тетфорд взяла с дивана подушку и положила ее на пол рядом с собой.

— Сядь, Сабина, — сказала она.

Сабина сделала так, как ее просили. Ее зеленые юбки колоколом поднялись вокруг нее, она облокотилась о диван, ее глаза остановились на лице леди Тетфорд.

— Мне очень жаль, что все так получилось, — сказала леди Тетфорд. — Это моя вина. Я должна была понимать, что Артур будет рассержен — не только на меня, но и на тебя.

— Он все еще сердится? — спросила Сабина.

— Это пройдет.

— Я не думала, что он заметит.

— Никто другой не заметил бы, — ответила леди Тетфорд. — Но только не мой сын. Он искал это специально. Поскольку он всегда относится ко мне с подозрением, он заподозрил и тебя только потому, что ты была со мной.

— Но почему? — озадаченно спросила Сабина. — Почему он относится к вам с подозрением?

— Потому что он ненавидит меня, — просто ответила леди Тетфорд.

— Ненавидит вас?! — в ужасе переспросила Сабина. — О нет, этого не может быть. За что?

— Неужели тебе никто ничего не рассказывал обо мне? — воскликнула леди Тетфорд.

— Ничего особенного. Мама говорила, как вы были добры и милы по отношению к ней и как грустно, что она не видела вас столько лет. Ей было так приятно, что Артур оказался вашим сыном. Это была одна из причин, по которой она и папа с такой радостью дали свое согласие на наш брак.

— Я полагаю, именно поэтому Артур и не смел поносить меня при них, — задумчиво произнесла леди Тетфорд, словно обращаясь сама к себе.

— Поносить вас? — спросила Сабина. — Но почему он должен поносить вас? Неужели он посмеет?..

— Еще как посмеет, если это будет отвечать его целям или если он что-то сможет от этого выиграть, — ответила леди Тетфорд. — Но я вижу, ты мне все еще не веришь. Ты, которую вырастили в счастливом доме любящие родители, не можешь понять, что это такое, когда тебя ненавидит твое единственное дитя.

— Но за что? За что?! — воскликнула Сабина.

— Я расскажу тебе, — сказала леди Тетфорд. — Я сама хотела рассказать тебе все. Я не думала, что у Артура хватит деликатности, чтобы не поведать тебе его собственную версию моей истории. Это делает ему честь.

Она приложила платок к губам, а затем продолжила: ! — Артур очень похож на своего отца, моего мужа. У него был сильный характер, но очень узкий кругозор. Кроме того, ему не хватало терпимости. Если он принимал какое-то решение, он придерживался

его, каковы бы ни были аргументы против. Ничто не могло заставить его изменить свое решение, ничто не могло отклонить его от выбранного им курса. Артур такой же. Ни я, ни кто-либо другой не в силах изменить его мнение обо мне.

— Но что же вы такого сделали? — спросила Сабина в изумлении.

Позволь, я расскажу тебе все по порядку... — начала леди Тетфорд. — Когда я вышла замуж за отца Артура, мне было восемнадцать, а ему больше сорока. Он был вдовцом. Его первая жена была нервная женщина с тяжелым характером, но она не играла никакой роли в его жизни. Около пятнадцати лет она болела. Он привык обходиться без женщин и вел свою жизнь преимущественно в мужском кругу, не испытывая никакой нежности и очень мало симпатии к тем, кого называют слабым полом. Мы поженились, и родился Артур. Вскоре после этого я стала глубоко несчастной женщиной. Когда я выходила замуж, я не любила своего мужа. Я им восхищалась. Считала его красавцем и романтиком, но любви не было. Да, я была молода и глупа и не имела представления, что значит жизнь с мужчиной его темперамента. Из несчастной женщины я превратилась затем в жалкое существо. Но что было делать? Я умудрилась заставить всех окружающих поверить в то, что наш брак счастливый. Я заняла положение при дворе, и оно служило мне в некотором роде отдушиной. Я жила светской жизнью, насколько это было возможно, и много времени отдавала благотворительности — я занимала этим свою голову, лишь бы не думать и не оставаться наедине с мужем. Артур был огромной радостью в моей жизни, пока не пришло время отослать его в школу, а затем в университет. Он очень походил на своего отца, внешне и по характеру, и, возможно, был единственным человеком, к которому мой муж относился с долей доброты и понимания. Артур обожал отца. Шли годы. Наконец мой муж умер. Я не могу передать, что значат вдруг оказаться свободной — после замужества солнце скрылось для меня за черной тучей, и я уже начала привыкать к вечным сумеркам в душе. Скандалы и огорчения, ревность и несправедливость сделали мою жизнь невыносимой, и все это исчезло в одну ночь. Я стала свободна, свободна как в детстве. Тогда-то я и влюбилась в первый раз в жизни, влюбилась в человека, которого знала очень давно, — он полюбил меня задолго до того, как я

узнала, что его привязанность была отнюдь не дружеской. К несчастью, он был женат на женщине, которая находилась в психиатрической лечебнице уже больше двадцати лет. Он ничего не мог с этим поделать, на развод рассчитывать не приходилось, ведь закон запрещает разводиться с больными.

— Если жена или муж сумасшедшие, разве нет ни шанса освободиться? — спросила Сабина.

Ни единого, — ответила леди Тетфорд. — А Гай был мужчиной, который мечтал о детях, из него мог бы получиться прекрасный и очень чуткий отец. Именно за это я больше всего и любила его, наверное. Он был стар годами, но молод душой. Он так любил молодых людей. Казалось, он понимал их, а они обожали его. Все, кроме Артура, конечно. Артуру он никогда не нравился.

— А что вы могли сделать? — спросила Сабина.

— Этот вопрос мы задавали себе снова и снова, ответила леди Тетфорд. — Что мы могли сделать? Мы любили друг друга — два человека, которые были несчастливы и одиноки долгие годы. У него не было детей, о которых можно заботиться. У меня был только Артур, но он уже вырос и, казалось, никогда не вспоминал обо мне. Итак... да, Сабина, мы... мы вместе уехали. Не было никакого скандала. Я пренебрегла своим положением при дворе, сказав, что хочу жить за границей по состоянию здоровья. Гай запер свое имение в Дорсете, и мы отправились в крошечное местечко в Италии, где нас никто не знал. Я не думаю, что у кого-нибудь возникло хотя бы малейшее подозрение, что мы были вместе. Кроме Артура, разумеется.

— Вы сами сказали ему? — спросила Сабина.

— Да. Я сказала ему честно и откровенно, что я собиралась делать, — ответила леди Тетфорд. — Я никогда не забуду те слова, которые он сказал мне тогда.

Она на мгновение прикрыла глаза, словно то, что произошло, все еще причиняло ей нестерпимую боль.

— Он был очень рассержен? — тихонько спросила Сабина.

— Он сказал все, что сказал бы любой женщине при подобных обстоятельствах, — ответила леди Тетфорд. — А еще он сказал, как всегда не доверял мне, как думал, что я была недостаточно хороша для его отца, что я не сделала его счастливым, хотя и могла. Он обвинил меня во всем. Я была не права, а он и его отец правы были всегда. Я

сказала ему, что он скоро от меня избавится. Нет, я не опозорю его, потому что ни одна живая душа не будет знать, что со мной произошло. Ему надо было только молчать, и эта тайна навсегда останется тайной.

Я покинула Англию, но его проклятия долго еще звенели у меня в ушах. Но, приехав в Италию, я обо всем по забыла. Я стала по-настоящему счастливой в первый раз в своей жизни.

— И никто так ничего и не узнал? — спросила Сабина.

— Никто, насколько я знаю, — ответила леди Тетфорд. — Я жила свободной, не ограниченной условностями жизнью шесть лет. Не думая, что когда-то вернусь, в Англию, в это скучное, чопорное, консервативное общество. И я не вернулась...

— Что произошло через шесть лет? — спросила Сабина.

— Гай умер. Он умер, не проронив ни единого стона, от смертельной болезни, которая длилась, слава богу, очень короткое время. Его жена все еще жива, а вот он мертв!

— Вы никогда не жалели о том, что уехали с ним? — спросила Сабина.

— Жалела? Дорогая, это был единственный стоящий поступок, который я совершила за всю свою жизнь. Мы были очень счастливы, все было просто чудесно, и, умирая, Гай поблагодарил меня — поблагодарил за то, что я подарила ему рай на земле!

— И что вы сделали потом? — спросила Сабина.

— С тех пор я только и делаю, что пытаюсь убить время, — вздохнула леди Тетфорд. — Сначала я скиталась по Европе, а потом построила эту вот виллу. Азартная игра — единственное, что заставляет меня забыть одиночество. Некоторое время я провела в Гамбурге, но я люблю солнце, оно напоминает мне о тех счастливых годах, которые мы с Гаем провели в маленькой рыбацкой деревушке на берегу моря. Два человека, забытые миром, два человека, у которых было все, что только могут пожелать мужчина и женщина.

— А Артур никогда не приезжал вас навестить? спросила Сабина.

— Нет, конечно нет, — ответила леди Тетфорд. — Только один раз он написал мне письмо и спросил, можно ли ему приехать и увидеть меня, но этому я обязана некоторым юридическим трудностям, которые касались его имения. Видишь ли, Сабина, жизнь — странная штука, с неожиданными поворотами. Мой муж, который всегда

осуждал меня, утверждая, что я была безнадежно некомпетентна и глупа, оставил странное завещание. Большую часть своих денег он, разумеется, оставил сыну, но Артур не мог вступить в наследство до тех пор, пока ему не исполнится сорок или он не женится по моему согласию и одобрению. Странно, не правда ли, что муж поставил такое условие? Я-то думала, что мое мнение не имеет для него никакого значения, к тому же он так часто осуждал мой вкус. И все же так он написал в своем завещании, так что Артур, как бы ни осуждал меня, находится в затруднительном положении — он вынужден искать моего согласия на свою свадьбу.

— Так, значит, поэтому я и приехала сюда, — проговорила Сабина.

— Да, поэтому, — кивнула леди Тетфорд. — Артур написал мне письмо, в котором просил дать согласие на его брак, но я заявила, что не дам его, пока не увижу его невесту своими глазами.

— О, я так рада, что вы так сказали! — воскликнула Сабина.

— Да? — спросила леди Тетфорд. — Теперь я сомневаюсь, мудро ли я поступила.

— Я скажу Артуру, что сожалею о своем поступке, и он забудет об этом недоразумении.

Леди Тетфорд протянула руку и привлекла девушку к себе.

— У тебя очень милый характер, — сказала она. — Это я виновата, что Артур рассердился на тебя, и меня, только меня, следует в этом винить. Возможно, подсознательно я хотела его немножко задеть. Я крашусь более броско, когда он здесь, — это так его раздражает. Он не понимает иностранных обычаев и традиций. Он обо всем судит по своим понятиям и узким меркам, как и его отец. Если бы у них была возможность, они бы держали женщин в средневековом подчинении. По их мнению, мы — низший пол, привнесенный в этот мир только для того, чтобы рожать детей и удовлетворять прихоти всевластных мужчин.

— Артур и правда так считает? — спросила Сабина.

— Может быть, я несправедлива к нему, — быстро поправилась леди Тетфорд. — У Артура много достоинств, в этом я уверена, и ты можешь стать его спасением.

— Каким образом?

— Ты можешь сделать его более человечным, ты можешь даже научить его любить и ценить женщин.

— Я никогда не думала, что могу чему-то научить Артура. Мне всегда казалось, это он всему будет учить меня, — засомневалась Сабину.

— Артуру еще многому надо научиться в жизни, — возразила леди Тетфорд. — Но если он любит тебя достаточно сильно, тогда все возможно. Это единственное, в чем я уверена так же твердо, как и в том, что есть рай, — любовь может изменить самого что ни на есть упрямого осла. Может быть, самой моей большой ошибкой в жизни, самым страшным моим грехом было то, что я вышла замуж за отца Артура, не любя его. Видишь ли, я так мало знала о любви в то время, я не знала, какой она может быть — чудесной, прекрасной и всесильной.

— Как бушующее море, — нежно проговорила Сабина, вспомнив слова цыгана.

— Да, верно, — сказала леди Тетфорд. — Любовь словно бушующее море или, скорее, как огонь. Огонь может и очистить, и сжечь дотла, он может создавать и уничтожать.

— Вы думаете, Артур меня так любит? — спросила Сабина очень тихо.

Леди Тетфорд секунду помедлила, прежде чем ответить:

— Не думаю, что могу ответить на этот вопрос. Тебе лучше знать.

Сабина подняла голову и поцеловала леди Тетфорд в щеку.

— Спасибо, что рассказали мне о себе, — сказала она. — Я так рада, что вы нашли свое счастье, хоть оно длилось так недолго.

Леди Тетфорд тихонько вздохнула:

— С тех пор годы так медленно тянутся, но у меня есть память и мои прекрасные воспоминания, а этого достаточно для любой женщины.

Она нежно поцеловала девушку и поднялась с дивана.

— Пойдем, давай выберем платье, которое ты наденешь сегодня вечером. Ты должна выглядеть прелестно, но только не слишком броско.

В ее голосе и глазах был намек на озорство, и Сабина вдруг расхохоталась.

— Что так развеселило тебя? — спросила леди Тетфорд.

— Я просто представила себе, как я буду пытаться выглядеть не слишком броско во всех этих прекрасных платьях, которые вы купили мне в Париже, — ответила девушка. — Кроме того, мне не хочется выглядеть не броско. Я хочу выглядеть красивой и волнующей. Я хочу, чтобы Артур восхищался мной.

— Значит, мы должны его заставить, — улыbnулась леди Тетфорд.

— Да, мы должны заставить его, — повторила Сабина.

* * *

Она думала об этих словах, когда спустилась вниз в гостиную три часа спустя в платье из белого муслина, украшенного узкими лентами из черного бархата. Это было самое простое платье, которое у нее было, и тем не менее оно отличалось элегантностью и изысканностью, достичь которую мог только Париж, и она знала, что оно придавало ей и осанку, и подчеркивало все прелести ее фигуры.

Сабина слышала, как Артур приехал за несколько минут до этого, и Мари пришла из комнаты леди Тетфорд попросить ее поскорее спуститься вниз, так как ее светлость может запоздать на несколько минут. С колотящимся от волнения сердцем Сабина вошла в гостиную. Артур стоял спиной к камину. Он роскошно выглядел в своем вечернем костюме — в его петличке белела гардения.

Сабина медленно направилась к нему. Он ничего не говорил и не пошевелился, глядя мимо нее. От волнения Сабина нервно ломала пальцы. Он словно не замечал ее, и она вдруг почувствовала себя невероятно маленькой и беспомощной.

— Прощу тебя, Артур... прости меня... прости, — пробормотала она.

Он обернулся и уставился на ее щеки, словно не веря, что на них нет ничего искусственного и что нежный цвет ее лица вполне естествен.

— Так-то лучше, — сказал он со снисходительным одобрением, словно школьный учитель непослушному школяру.

— Ты больше... не сердись? — спросила Сабина и подумала, что похожа на боящуюся гнева отца малышку.

— Я был очень рассержен сегодня днем, уж можешь мне поверить.

— Я знаю, и мне... очень жаль. Я не думала, что ты.. заметишь, иначе... я бы так не поступила.

— Естественно, я все замечаю, что касается тебя, отрезал Артур.

Словно к нему только что вернулось хорошее настроение, он обнял ее и привлек к себе.

— Ты должна научиться тому, что правильно, а что нет. Ты не так часто выходила в свет и жила очень простой жизнью, так что я не могу полностью винить тебя в том, что ты совершила ошибку. Это больше вина моей матери. Но дай мне расставить все точки над «i» с самого начала. Я люблю тебя такой, какой увидел в первый раз. Мне не нужна разодетая французская кукла в качестве жены, мне нужна обычная английская сельская девушка — та, кому я могу доверять, та, кто будет довольствоваться тем, что она моя жена, и не захочет привлекать к себе острого внимания.

— Я понимаю тебя, — тихо сказала Сабина. — Но мне правда нравятся мои красивые наряды. Тебе же не могло понравиться то ужасное белое платье, в котором я была в тот вечер, когда мы впервые встретились. Оно мне совсем не шло. Кроме того, я носила его больше трех лет.

— Мне оно показалось вполне симпатичным, — рассеянно заметил Артур. — В нем ты выглядела как леди, а это мне больше всего и нравится в тебе.

— А сейчас разве я не выгляжу как леди? — спросила Сабина с озорством в голосе, которое она была не в силах подавить.

— Ты выглядишь хорошо, — согласился Артур. — Но мне больше нравилась твоя старая прическа. Она была не такой вычурной.

— Вчера ночью какой-то француз все время твердил «la belle Anglais». Я долго не могла понять, что он говорил обо мне.

— Это просто нагло с его стороны, — проворчал Артур. — Эти петухи все одинаковы, им нельзя доверять, когда дело касается женщины. Но ты не нуждаешься в подобных комплиментах. Тебе вообще не нужны никакие комплименты, если на то пошло. Это не по-английски, знаешь ли.

— Но мне нравится, когда мне говорят комплименты, — откровенно призналась Сабина. — Видишь ли... мне раньше их

никогда не говорили.

— И теперь они тебе не нужны, — отрезал Артур, но взглянув на нее, склонил голову и поцеловал ее в щеку. Ты очень хорошо выглядишь. Ты это хочешь услышать:

— Да, конечно, — улыбнулась Сабина. — Спасибо тебе за эти слова.

Он притянул ее к себе и снова чмокнул в щеку.

— Тогда все в порядке, — сказал он. — Ну теперь-то когда я здесь, ты же не захочешь слушать каких-то французов? Друзья моей матери, я полагаю, просто иностранный сброд.

— А мне, напротив, они показались обаятельными, и они были очень добры ко мне, — пробормотала Сабина.

Она не могла одобрить того, что Артур мог позволить себе критиковать свою мать в ее присутствии. Но Артур, казалось, не слышал ее.

— Мне вообще не нравятся другие страны — никогда не нравились, — напыщенно сказал он. — Но что меня раздражает больше всего, так это даго, которые в них живут.

Глава 5

— *Uingt-neuf, noir et impair*. — Артур потянулся за выигрышем. — Ты выиграл! — взволнованно воскликнула Сабина.

— Это не важно, — холодно ответил он. — Я не одобряю людей, которые всерьез относятся к азартным играм. Это просто времяпрепровождение.

Однако, когда несколько минут спустя он выиграл снова, его глаза заблестели от возбуждения. Он уселся на свободное место за игорным столом, и Сабина увидела, что, несмотря на все его равнодушие, он полностью сосредоточился на игре.

Она вышла из-за спинки его стула, а он даже не заметил, как она ушла. Она же направилась туда, где, не замечая ни шума, ни болтовни вокруг, ни своих друзей, которые то и дело заговаривали с ней, проходя мимо, леди Тетфорд играла в «*Chemin de fer*»¹.

К этому времени Сабина уже узнала, что леди Тетфорд не любит разговаривать во время игры, так что она просто постояла рядом, а потом отошла. Казино стало наполняться людьми — начали прибывать любители позднего ужина. Мужчины, веселые и уже сильно разогретые вином, курили огромные сигары, а женщины, сверкая драгоценностями под светом канделябров, переходили от стола к столу. Некоторые походили на пестрых, ярких павлинов, другие — на коршунов, ищущих добычу.

Сабина почувствовала себя одинокой. Казалось, никто не замечал ее. Все глаза были устремлены либо на крутящийся диск рулетки, либо на вновь открывшуюся карту. Если бы у нее были деньги, она бы рискнула и поставила несколько франков на рулетку. Но леди Тетфорд никогда не предлагала ей испытать удачу, и Сабина прекрасно понимала, попроси она об этом Артура, он был бы шокирован и удивлен, что у нее вообще может возникнуть такое желание.

Некоторое время она разглядывала людей и прислушивалась к голосам, звучащим на разных языках, бесцельно бродя по зале. Наконец ей попалась дверь, которая выходила на террасу. Служащий в ливрее поклонился ей и заметил по-французски:

— Сегодня холодно, мадемуазель. Если вы желаете погулять в саду, я принесу вам вашу накидку.

— Я только хочу глотнуть немного свежего воздуха, — улыбнулась Сабина и спустилась в сад.

Вокруг казино он был освещен сказочным светом, а Дальше растворялся в темноте под тенями высоких пальмовых деревьев.

Луна отражалась в море. Сабина на мгновение за мерла, очарованная красотой. Ей вдруг захотелось с кем-то поговорить, с кем-то, кому она могла бы поведать о странных движениях ее души, особом волнении когда она смотрела на окружающую ее красоту.

Время от времени она задавалась вопросом, а не вернуться ли в казино, чтобы привести сюда Артура. Покажется ли ему лунный свет таким же волшебным, каким он казался ей? Но на этот вопрос она заранее знала ответ: Артур подумает, что она слишком впечатлительна и наивна.

Сабина вспомнила свой разговор с цыганским королем прошлой ночью, но тут же решительно отогнала от себя эту мысль. Она не должна думать о нем. Это нехорошо, ей было даже немного стыдно, что ее мысли неизменно возвращались к мужчине, который был всего лишь бродягой, который вошел в ее жизнь по чистой случайности.

Словно желая убежать от собственных мыслей, Сабина двинулась вдоль террасы мимо цветочной клумбы, усыпанной яркими цветами, аромат которых ночью становился тяжелее и экзотичнее. И тут, едва она свернула, следуя за причудливо петляющей меж деревьев тропинкой, как она увидела впереди скамеечку, а на ней человека, чей силуэт мрачно вырисовывался на фоне более светлого ночного неба. Его рука была поднята к голове, и как только Сабина увидела его, она поняла, что он собирался сделать.

Это был «Сад самоубийств». Она много слышала с нем. Папа однажды рассказывал ей, что епископ Гибралтара даже написал письмо в «Тайме», сетуя на духовные опасности, подстерегающие людей в Монте-Карло, и на самоубийства тех глупых и беспечных людей, которые утрачивали всякое чувство приличия, проматывая свое состояние у игорных столов.

Это был один из них! Сабина в ужасе смотрела на него — на мгновение она оцепенела от страха. Каждый нерв напрягся в ее теле в

ожидании звука выстрела. Мгновение спустя, словно очнувшись от глубокого сна, она бросилась к нему.

Хотя она и казалась такой маленькой и хрупкой, в ней была некоторая сила, и, когда она бросилась всем своим весом на руку этому человеку, она почти стащила его со скамьи на землю, используя замешательство, которое вызвало ее внезапное нападение.

Незнакомец вскрикнул и тут же вскочил на ноги. Сабина все еще висела у него на руке.

— Черт возьми! Что это значит? — спросил он по-английски у Сабины, а та, задыхаясь, кричала:

— Вы не должны этого делать, не должны!

В растерянности она взглянула ему на руку и тут увидела, что он держал не пистолет, как она решила, а длинный узкий портсигар, который, если держать его одной рукой у виска, в темноте очень смахивал на смертельное оружие, с помощью которого, как она подумала, он собирался свести счеты с жизнью.

Сабина медленно выпустила его руку. Кровь бросилась ей в лицо.

— Мне... ужасно жаль... но я думала... думала... — пролепетала она.

— Что вы думали? — спросил англичанин.

— Что... у вас в руке пистолет, — пробормотала Сабина. — Пожалуйста, простите меня.

Англичанин переводил свой взгляд с портсигара на незнакомку, а потом вдруг запрокинул голову и расхохотался.

— Будь я проклят, это отличная шутка! — воскликнул он.

— Простите меня, — забормотала Сабина. — Но я слышала столько историй про... про то, что происходит здесь в саду, а когда я увидела, что вы что-то приставили к голове, я подумала...

— Что я собираюсь вышибить себе мозги, которых, как все считают, у меня нет, — смеялся англичанин.

— Я не знаю, что вы подумаете обо мне, — сказала Сабина. — Я могу только принести вам свои извинения, сэръ, и надеюсь, что вы простите мне мой про ступок.

Она повернулась, собираясь поскорее уйти, но англичанин остановил ее.

— Не оставляйте меня, — попросил он. — В самом деле, я должен быть чрезвычайно признателен вам за то, что вы бросились

спасать мне жизнь. Я знаю не так уж много людей, которые поступили бы так же, как вы. Кроме того, вы англичанка, и мне хотелось бы, чтобы вы остались и поговорили со мной. Меня уже тошнит от моей собственной компании.

— Я думаю, мне лучше вернуться в казино, — сказала Сабина, чувствуя неловкость. — Мой fiancé будет волноваться обо мне.

— Могу я узнать его имя? — поинтересовался англичанин. — Может быть, я с ним знаком.

— Это лорд Тетфорд, — ответила Сабина.

— Тетфорд! — воскликнул молодой человек. — Вы имеете в виду Артура, да? Мы учились вместе в Итоне. Мы тогда называли его Зануда.

— Имя моего fiancé Артур, — сказала Сабина немного чопорно.

— Боже мой! Представить только, старина Зануда женится! — воскликнул молодой человек. — Я должен непременно поздравить его — он выбрал в жены такую храбрую девушку. Если бы я делал то, о чем вы подумали, вы бы спасли меня от смерти.

— О, прошу вас, не говорите Артуру, что я сделала подобную глупость, — взмолилась Сабина. — Он не поймет. Он сочтет мой поступок нахальным.

— Нахальным, ну надо же! — фыркнул англичанин. Не может же он требовать от вас, чтобы вы прошли мимо человека, оставив его валяться в луже собственной крови. Так добросердечные женщины не поступают! Но если вы настаиваете, я ничего не скажу.

— Прошу вас, давайте забудем о моей невыдержанности, — попросила Сабина.

— Забуду, если вы назовете мне свое имя.

— Сабина Уонтидж.

— Я запомню. Но почему же мы стоим здесь, когда можно присесть?

— Я думаю, мне пора возвращаться, — с сомнением сказала Сабина.

— Прошу вас, задержитесь еще на несколько минут. Я представляюсь. Меня зовут Шерингем.

— Виконт Шерингем! — воскликнула Сабина. — Ну конечно, теперь я припоминаю вас. Я встретила вас на балу, когда приезжала в

Лондон два года назад. Нас представили друг другу, но вы не пригласили меня танцевать.

— Нет? А почему?

— Я не знаю, — улыбнулась Сабина. — Возможно, вам не понравилось, как я выгляжу.

— Вздор! Я... я хотел сказать, что даже при таком свете видно, что вы очень красивы. Какой же я тупица, что не пригласил вас на танец, если, конечно, мы действительно уже встречались.

— Но это правда, мы действительно встречались, — настаивала Сабина. — Я помню это вполне отчетливо. Только тогда я выглядела совсем иначе. У меня не было красивых нарядов. Я выглядела как безвкусно одетая девица.

— Боже мой! Не могу поверить! — воскликнул лорд Шерингем. — В любом случае я не собираюсь отрицать того, что мы уже встречались. Значит, мы добрые старые знакомые, не так ли? Знакомые с двухлетним сроком. Зануда не должен противиться тому, что мы знакомы.

— Вам не следует называть его Занудой, — сказала Сабина. — Ему это не понравится.

Она присела на скамью. Виконт уселся рядом. Он был очень элегантным молодым человеком с чрезвычайно высоким воротничком, по последней моде, а его вечерний костюм, казалось, сидел на нем так, словно его влили в него подобно тому, как раскаленный металл вливают в форму.

— Я бы не знал, о ком говорю, если бы называл его Артуром, — ответил он на упрек Сабины. — В Итоне его звали Занудой потому, что он вечно пережевывал одно и то же. И разумеется, он педант.

— Вы не должны говорить такие вещи! — воскликнула Сабина, но не могла не улыбнуться. Молодой англичанин говорил так смешно.

Он поднял брови и ответил:

— Вы же не можете требовать от меня явной лжи. Кроме того, мы ничего не можем поделать со своими прозвищами. Я знал одного человека — он был полковником в армии, — так в школе его дразнили Прыщ. Это к нему так прилипло, что и теперь его зовут так же. Такие вещи не забываются.

— А как звали вас? — поинтересовалась Сабина.

— Все звали меня Шерри, — был веселый ответ. — Полагаю, они просто поленились придумывать что-нибудь поглубже. Надеюсь, что и вы тоже будете звать меня Шерри.

— Мне кажется, это звучит слишком фамильярно, возразила Сабина. — А теперь мне правда пора идти.

Она поднялась со скамейки, и лорд Шерингем последовал ее примеру.

— Я провожу вас, — сказал он. — Вы не должны гулять одна по такому месту, как это. Да вы и сами это прекрасно поняли.

— Все так увлечены игрой, что мало обращают на меня внимание, — улыбнулась Сабина.

— Они, должно быть, просто слепцы! — воскликнул лорд Шерингем. — Но тем не менее я рад. Вы бы не пришли сюда одна и не встретили бы меня, если бы Зануда выполнял свой долг.

— А вы играете? — поинтересовалась Сабина.

— Я вполне безразличен к этим чужеземным азартным играм, — ответил он. — Я предпочитаю играть в заведении Уайта. Там я хоть знаю, где я нахожусь, да и друзья мои тоже частенько туда заходят. Кроме того, мой французский настолько плох, что я никогда не знаю, что там бормочет крупье. Очень трудно понимать их, по-моему.

Сабина заливчато рассмеялась.

— Тогда почему вы здесь? — спросила она.

— Я привез сюда отдохнуть свою мать. Она болела, а папа был очень занят в палате лордов в парламенте и не мог поехать. Я раньше никогда не был в Монте-Карло. Но по-моему, он очень разочаровывает.

— О-нет, как вы можете так говорить?

Сабина остановилась и в крайнем удивлении взглянула виконту в глаза. Они только что вышли из-под теней деревьев, лунный свет озарил ее красивое личико, ветер, дувший с моря, нежно перебирал ее светлые кудри.

— Это чудесное место, — настаивала она. — Вам не кажется, что оно полно волшебства? Я чувствую, что за каждым углом непременно должно таиться какое-нибудь приключение. Здесь нет ни скуки, ни однообразия, ни банальности. Это словно сказка, которая вдруг стала былью, да так внезапно, что все стали ее частью.

— Звучит прелестно, — отозвался лорд Шерингем. — Может быть, приключение, о котором вы говорите, это наша встреча? Что вы

думаете?

— Полагаю, в каком-то смысле это действительно приключение, — серьезно сказала Сабина. — Особенно если бы вы действительно пытались покончить жизнь самоубийством. Но раз...

Она отвернулась и зарделась.

— Я чувствую себя такой глупой, — сказала она.

— Не стоит, — возразил лорд Шерингем. — Кроме того, не вижу на это никаких причин. Никто не узнает. Это навсегда останется тайной — вашей и моей.

— Да, разумеется, тайной, — согласилась Сабина.

Рука об руку они вернулись в казино. После прохлады ночного воздуха духота, царившая в помещении, на мгновение показалась им невыносимой. Толпа сомкнулась вокруг них, и Сабина украдкой взглянула на своего нового друга. Тот пристально смотрел на нее с нескрываемым восхищением.

— Иисус Христос! Вы правы! Это действительно приключение! — воскликнул он. — А что до того, будто мы встречались и раньше, но я не пригласил вас на танец, так это самая вопиющая ложь на свете. Я бы ни за что не забыл человека, который выглядит как вы.

— Тем не менее, это правда, — возразила Сабина. — Полагаю, я слегка изменилась с тех пор.

— Два года назад, вы говорите? Не могу поверить, что два года как-то могли вас изменить. Что заставило вас обручиться с Занудой? Да он же скучен, как головная боль, бедняжка. С вашей-то красотой вы могли бы выйти замуж за кого только пожелали.

Он говорил так пылко и искренне, что Сабина не могла на него сердиться.

— Вы не должны говорить мне подобных вещей, — предостерегла она его строго, но про себя не могла не признать, что он так забавен.

Артур сидел за тем же игорным столом, где она его и оставила, но теперь удача отвернулась от него, и стопка монет, раньше гордо возвышавшаяся перед ним, уменьшилась до нескольких золотых louis .

— Артур, я встретила твоего старого друга, — сказала Сабина.

Собрав оставшиеся деньги, он поднялся из-за стола и неторопливо повернулся к ней.

— Тебе не повезло? — удивилась Сабина.

— Я проиграл деньги, которые выиграл, — ответил Артур. — Но если мне не изменяет память, я уже говорил тебе, что это не имеет ровно никакого значения. Это всего лишь глупый и очень дорогостоящий способ проводить время, потому что, по всем законам среднего арифметического, игрок не может вечно выигрывать.

— Вот ты где, Зануда, все нудишь, как и раньше! — воскликнул лорд Шерингем, хлопая его по спине и протягивая ему руку в знак приветствия.

— Привет, Шерри! Что ты здесь делаешь? — спросил Артур.

— Сопровождаю свою мать. Никогда не думал, что встречу тебя в этом притоне.

— Я здесь с их королевскими высочествами, — произнес Артур немного напыщенно. Во всяком случае так подумала Сабина.

— Боже! Лучше уж ты, чем я этим занимаюсь! — воскликнул лорд Шерингем. — Если я чего и не перевариваю, так это членов королевской семьи. Слишком уж они чопорные, на мой вкус.

— Ты всегда был бездумным и легкомысленным человеком, — холодно парировал Артур. — Я нахожу его высочество чрезвычайно приятным и испытываю, позволь тебя заверить, и уважение и восхищение перед ним.

— Боже! Зануда! Ты все такой же, — всплеснул руками Шерри. — Ты разговаривал точно таким же тоном и в Итоне, за что мы тебя шлепали, помнишь?

— А ты, Шерри, кажешься все таким же взбалмошным и непоследовательным, каким был в детстве, — ответил Артур. — Не пора ли тебе немного повзрослеть?

— Брось, Зануда, не ругайся со мной. Я этого не допущу. А если серьезно, я хочу тебя поздравить с помолвкой. Твоя fiancée только что мне о ней рассказала.

— Ты встретил Сабину, да?

— Встретил? Да я знаю ее несколько лет! — воскликнул лорд Шерингем. — Два года, если быть точным. Мы встречались на балу в Лондоне.

— Неужели! — холодно проговорил Артур.

— Вы должны оба прийти к нам в гости на ужин. Моя мать остановилась в гостинице «Отель де Пари». Вполне уютное местечко,

да и еда там приличная.

— Мы, несомненно, еще увидимся, — заметил Артур. Он поклонился и намеренно отошел в сторонку, увлекая за собой Сабину.

— Где ты встретила этого молодого идиота? — спросил он, когда они отошли на достаточное расстояние, чтобы тот не мог их услышать.

— В саду, — ответила Сабина.

— Очень безответственный молодой человек. Мне он никогда не нравился, — заявил Артур.

— О, а мне он понравился, — возразила Сабина. Он очень забавный.

— Значит, твое чувство юмора сильно отличается от моего.

— Но, Артур, встречать разных людей так прекрасно. Как всегда говорит папа, мир — единство непохожих.

— Но есть люди, которые излишне утомительны, отрезал Артур. — Я надеюсь, просто надеюсь, Сабина что их королевские высочества попросят, чтобы тебя представили им. Я, конечно, уже говорил о нашей помолвке и просил их разрешения объявить о ней публично. Я думаю, когда они узнают, что ты здесь, они обязательно пошлют за тобой. Это большая честь.

— Да, разумеется, — произнесла Сабина. — Но я буду очень нервничать.

— Не стоит, — ответил Артур. — Я скажу в точности, что ты должна делать, и, если ты будешь следовать моим указаниям, все пройдет хорошо.

— А твою мать они тоже захотят увидеть? — спросила Сабина.

— Более чем наверняка нет!

Ответ был резкий, и Сабина поняла, что была бестактна. Собственное волнение, которое она испытывала, если ее представят ко двору, заставило ее позабыть о том, насколько Артур не одобрял поведение своей матери.

Ей следовало бы сменить тему разговора, но какое-то внутреннее чувство, которое велело ей быть честной с людьми, заставило ее сказать:

— Твоя мать была очень добра ко мне.

— Моя мать — женщина с очень трудным характером, — ответил Артур. — Надеюсь, тебе не придется оставаться здесь долго.

— Но, Артур, я не хочу домой — во всяком случае не сейчас! — воскликнула девушка.

— Ты должна позволить мне судить о том, что для тебя лучше, — возразил Артур. — На свете есть много вещей, которых ты не понимаешь, дорогая Сабина.

— О твоей матери? — спросила Сабина. — Я думаю, я понимаю. Она рассказала мне о своей жизни и о том, почему ты осуждаешь ее.

— Она не имела никакого права поступать подобным образом, — отрезал Артур.

— Но как ты не понимаешь, она не могла поступить иначе!

— Я отказываюсь обсуждать эту тему, — перебил ее Артур. — Позор, что моя мать вообще позволила себе проявить подобную нескромность. Если бы я счел это необходимым, я бы сам проинформировал тебя о ее жизни. Но раз так, прошу, забудь об этом. И не смей никогда и никому об этом говорить — и меньше всего — своим родителям. Мне стыдно и горько, что тебе рассказали... этот позор лежит на всей моей семье.

— Но, Артур, в этом нет ничего позорного, — возразила Сабина. — Человек, которого любила, твоя мать, мертв.

— Ты замолчишь?! — Лицо Артура исказил неподдельный гнев. — Мало того, что тебе не пристало знать о подобных вещах, но ты еще позволяешь себе о них говорить! Если ты скажешь еще хоть слово, я сию же минуту отошлю тебя назад к родителям.

Наступила длинная пауза.

— Мне... мне не нравится, когда мне угрожают, — наконец еле слышно произнесла Сабина.

— Ты должна научиться быть сдержанной, — прошипел Артур. — Больше мы не будем об этом говорить. Ты здесь в качестве гостя моей матери, но именно ко мне ты должна обращаться за советом и к моим указаниям касательно своего поведения должна прислушиваться.

Сабина почувствовала, как в ней закипело негодование. Ей захотелось возразить ему, поспорить с ним, защитить себя и леди Тетфорд, но, если бы какие-то слова все же сорвались с ее губ, она бы об этом пожалела.

К счастью, в этот момент их прервали. К Артуру подошел пожилой джентльмен и представил ему свою жену и дочь — молодую,

очень красивую девушку с темными волосами, одетую по самой последней моде.

— Сесиль очень нравится здесь, — услышала Сабина слова пожилого господина.

Жизнерадостная брюнетка понравилась ей с первого взгляда, и после ужина они вместе отправились в гардеробную за своей верхней одеждой.

— Мы сможем встретиться завтра? — спросила Сесиль.

— Я в этом уверена, — ответила Сабина. — Я попрошу разрешение леди Тетфорд пригласить тебя на чай. Не сомневаюсь, она будет рада принять тебя у себя дома!

— Мне бы очень этого хотелось, — сказала Сесиль. Если я не смогу поговорить с кем-то моего возраста, я просто сойду с ума.

— Почему? У тебя что-то случилось? — поинтересовалась Сабина.

— Здесь я не могу этого сказать, — ответила девушка. — Не знаю, сможешь ли ты мне помочь — не думаю, что это вообще кому-нибудь под силу. Но довериться кому-то, кто умеет сочувствовать и сопереживать, было бы для меня большим облегчением.

В голосе девушки было столько волнения, что Сабина инстинктивно протянула к ней руки, словно желая утешить ее.

— Судя по твоему голосу, ты очень несчастна, — сказала она. — Это так?

Сесиль кивнула.

— Безнадёжно несчастна, — проговорила она. — Но я все расскажу тебе завтра. Пригласи меня на чай, если тебе это удастся, а если нет, позволь мне прийти и навестить тебя днем. Я бы пригласила тебя в гости, но мы остановились в гостинице, да и мама будет вечно с нами сидеть. Мы не сможем поговорить ни о чем важном.

— Я сделаю все, что смогу, — пообещала Сабина, когда они прощались у дверей казино.

Сесиль и ее родители направились к гостинице «Отель де Пари», а Артур повез ее домой на виллу «Мимоза».

— Расскажи мне об этих людях, — попросила Сабина, когда они уже ехали в карете.

— Сэр Эдвард Мейсон — очень талантливый финансист, — ответил Артур. — Он очень поздно женился, и Сесиль его

единственная дочь. Он очень предан ей, я полагаю.

— Мне бы хотелось, чтобы они пришли завтра к нам на чай, если, конечно, это возможно, — сказала Сабина.

— Это хорошая мысль, — одобрил Артур. — Сэр Эдвард был мне очень полезен в разные времена. Я уверен, он будет рад, если вы с Сесиль станете подругами.

Когда они подъехали ко входу виллы, Сабина вдруг сказала:

— Не понимаю, почему ты предпочитаешь жить в отеле, когда у твоей матери такой прекрасный дом...

— Я не испытываю ни малейшего желания находиться под крышей дома моей матери, — резко бросил Артур, и Сабина поняла, что снова совершила ошибку.

— Прости... меня, — пробормотала Сабина. — Спокойной ночи, Артур.

Он поцеловал ее в щеку и, выйдя из кареты первым, помог ей спуститься.

— Спокойной ночи, Сабина.

Он больше не сказал ей ни слова и ни разу не оглянулся.

Оказавшись наверху у себя в комнате, она обнаружила, что еще не было двух часов. Леди Тетфорд еще не возвращалась, ведь еще нет назначенных ею трех часов.

Сабина подошла к окну и раздвинула шторы. В саду было очень тихо. Она немного подождала, смутно надеясь — на что? А вдруг она услышит пение скрипки? Но вокруг царило безмолвие, и ее сердце внезапно наполнила пустота.

Она задернула шторы и начала раздеваться, продолжая прислушиваться. Но тщетно: заветная мелодия так и не прозвучала. Она представляла себе, как он сидит у костра вместе со своими людьми»; может, смотрит на танцовщицу, — та кружится, а ее длинные черные волосы развеваются у нее за спиной, словно языки пламени. Она конечно же покажется ему прекрасной: у нее такая золотистая кожа, черные горящие глаза и высокие скулы.

Сабина взглянула на свое отражение в зеркале. Какая же она бледная! Ее кожа почти прозрачна, а волосы в свете свечей казались лишь жалким подобием золота серег цыганской танцовщицы.

Она тихо вздохнула и задула свечи. Какой прок от всех этих мыслей? Цыганский король далеко, да и она должна думать только об

Артуре. Но стоило ей закрыть глаза, как в ее ушах снова зазвучал низкий голос: «Что бы ни делали цыгане, они делают это ради дружбы или... любви»

Утро началось с письма на подносе с завтраком Мгновение Сабина в растерянности смотрела на него, ломая голову над тем, кто бы мог написать ей, но стоило ей открыть конверт и взглянуть на подпись, как она все поняла — письмо от Сесиль.

«Пожалуйста, не забудь, что ты пообещала встретиться со мной сегодня. Я в отчаянии, иначе бы я тебя не просила об этом столь настойчиво».

— Что может ее так волновать? — вслух произнесла Сабина, но в этот момент ей сказали, что леди Тетфорд желает ее видеть.

Девушка отложила письмо и направилась к хозяйке.

— Могу я позвать мисс Сесиль Мейсон сегодня на чай? — спросила она после приветствия.

— Ну разумеется, детка. А кто она?

— Ее отец — друг Артура, и мне кажется, она очень несчастлива. Она сказала, что хотела бы со мной поговорить.

— Пригласи ее в четыре часа, в это время меня не будет, — сказала леди Тетфорд. — Я пообещала навестить графиню Этьенн д'Абрант. Обычное чаепитие для старушек — тебе там будет скучно. Так что лучше проведи это время со своей подругой. Вам никто не помешает наговориться вволю.

— Как мило с вашей стороны! Я немедленно напишу ей! — воскликнула Сабина.

— А теперь давай решим, что ты наденешь сегодня вечером, — сменила тему леди Тетфорд.

— Сегодня вечером?

— Да, разве Артур тебе еще не сказал? Во дворце состоится бал-маскарад. Принц Монако спрашивал у меня еще месяц назад, не устрою ли я перед ним званый ужин. Я надеялась, что Артур пойдет с нами, но он наверняка останется с членами королевской семьи. Весьма досадно — у нас будет мало мужчин, если, конечно, мне не вспомнится какой-нибудь милый молодой «человек».

Сабина мгновение колебалась.

— А мы не можем пригласить лорда Шерингема? — предложила она. — Я встретила его вчера вечером в казино. Мы были представлены друг другу два года назад, когда я была в Лондоне.

— Конечно, мы его пригласим! — воскликнула леди Тетфорд. — Я очень хорошо знаю его мать, леди Чеверон, это моя старая знакомая. Я слышала, что она приехала в Монте-Карло, но я не знала, что с ней и ее мальчик.

— Он учился вместе с Артуром в Итоне.

— Да, я знаю, — ответила леди Тетфорд. — Боюсь, они никогда не ладили.

Сабина улыбнулась:

— Он сказал, что Артура тогда называли Занудой, и он все еще так обращается к нему. Я думаю, Артуру не очень это нравится.

— Абсолютно уверена, что не нравится, — рассмеялась леди Тетфорд. — Но не думай об этом, мы пригласим лорда Шерингема сегодня на ужин, и тогда дам и кавалеров будет поровну. А теперь беги, детка, и напиши записку мисс Мейсон. Бейтс пошлет лакея с двумя приглашениями одновременно.

— Большое вам спасибо! — воскликнула Сабина. Она бросилась к себе в комнату, написала Сесиль, и час спустя лакей вернулся с ответом. Он был очень лаконичный:

«Ты — ангел! Сесиль».

Сабина провела все утро с Мари. Та переделывала маскарадный костюм, заказанный в Париже леди Тетфорд, но он, увы, требовал много изменений. Сабина должна была пойти на бал в образе Персефоны. Но костюм, который Уорт создал для богини весны, был столь прозрачен, что и леди Тетфорд, и Сабина не сомневались: с Артуром просто случится припадок, когда он его увидит.

— Он такой красивый, но... — с сомнением в голосе начала Сабина, и леди Тетфорд закончила за нее:

Но далеко, далеко не невинный! Мари придется добавить несколько ярдов шифона к юбке и закрыть одно плечо. Ты выглядишь прекрасно, детка, но, если ты появишься в таком виде, ты вызовешь шквал протестов со стороны моего очень придирчивого сына.

Мари отправилась за тканью, и, когда дверь за ней закрылась, Сабина, прижимая к груди букетик весенних цветов, сказала:

— Почему он вырос таким диктатором?

— Это не моя вина, — ответила леди Тетфорд. — Он — копия своего отца. Еще и теперь, когда я закрываю глаза, слышу, как мой муж, лежа на диване, что-то вещает, игнорируя мнения других людей и даже не допуская мысли, что у кого-то, кроме него, могут быть свои идеи. Большинство детей похожи на своих родителей, и Артур не исключение.

— А вы не могли на него повлиять? Сделать более терпимым? — спросила Сабина.

— Пыталась, но потерпела поражение, — вздохнула леди Тетфорд. — Теперь это твоя забота, дорогая. Нет такого, чего бы умная женщина не могла сделать с мужчиной, которого она любит и который любит ее. Я виню себя только в том, что не любила своего мужа достаточно сильно, чтобы смягчить его грубый и предвзятый взгляд на мир. Но тебе с Артуром это удастся — любовь может победить все.

Сабина ничего не успела ответить: в этот момент вернулась Мари. Наконец платье было закончено, и началась примерка. Пока Мари суежилась вокруг нее, Сабина задумчиво смотрела в сад. Гнетущее чувство в груди заставляло ее нервничать.

— Ну вот, мадемуазель, я закончила, — наконец удовлетворенно объявила Мари, вытаскивая изо рта несколько булавок и втыкая их в маленькую, в форме сердечка, подушечку для иголок, которая висела у нее на поясе.

— О, как красиво, Мари! — воскликнула Сабина, разглядывая розы, фиалки, нарциссы и незабудки из нежно-зеленого газа, разбросанные по лифу и юбке и обвивающие ее, словно они и в самом деле как живые росли у ее ног.

— *Mademoiselle est ravissante!* — восторгалась Мари.

— Я надеюсь, что все так подумают. Я раньше никогда не была на балах-маскарадах, — улыбнулась Сабина.

— А вот и маска, — сказала Мари. — Видите, она из зеленого бархата, а я вышию розы по краям, и мы привяжем ее на затылке серебряной лентой.

— Как это весело — быть неузнанной! — воскликнула Сабина. — И можно танцевать с кем угодно, независимо от того, представлены вы друг другу или нет?

— *Mais oui, mademoiselle*, — ответила Мари. — Поэтому и устраивают балы-маскарады. Только когда пробьет двенадцать, вы

должны снять маску и увидеть того, с кем вы флиртовали весь вечер.

— Мари, судя по вашим словам, это еще более захватывающе, чем я думала, — сказала Сабина. — Правда, я уверена, мы будем придерживаться своего круга и конечно же будем знать, кто есть кто. На лорде Тетфорде будет костюм восемнадцатого века. В нем он выглядит так значительно.

— Eh bien! Это как раз под стать милорду!

От Сабины не укрылась ирония в голосе Мари. Она прекрасно знала, что той не нравился Артур. И ее можно было понять. Она любила свою хозяйку и негодовала по поводу всего, что огорчало ее.

Но восторг по поводу платья на маскарад изгнав из сознания Сабины все мысли об Артуре и причинах пропасти, возникшей между ним и его матерью. Она и думать забыла о том, что скоро Сесиль принесет к ней свои беды и их чаепитие не будет таким безоблачным.

— Ты едешь на бал сегодня вечером? Что ты наденешь? — с ходу спросила подругу Сабина.

— Я буду в костюме пастушки, — ответила Сесиль. — Но я не хочу идти на бал. Если бы папа разрешил, я бы лучше осталась дома и отправилась спать.

— Но почему? — в недоумении воскликнула Сабина.

— Именно об этом я и пришла рассказать тебе, — ответила Сесиль. — Не знаю почему, но едва я вчера вечером увидела тебя в казино, как почувствовала, что ты единственный человек, который может мне помочь. Я не видела своих ровесников с тех пор, как уехала из Англии две недели назад, а когда нас представили друг другу, я почувствовала в тебе родственную душу и поняла, что ты добра, нежна и все понимаешь.

— Скажи же мне скорее, в чем дело, — взмолилась Сабина, но, заметив брошенный Сесиль предостерегающий взгляд, поняла, что в комнату вошел лакей с чайной посудой.

Девушки непринужденно заговорили об одежде и предстоящем бале. Серебряный поднос с массивным сосудом для заварки, чайником с кипятком и чайной посудой был поставлен на низенький столик перед диваном, а рядом — подставка для пирожных с тремя ярусами пирожных и булочек, тарелки с белым и черным хлебом, маслом, крошечными сэндвичами, печеньем, мармеладом и медом.

— А теперь, — воскликнула Сабина со вздохом облегчения, когда лакей удалился, — теперь начинай с самого начала!

Ей показалось, будто она снова вернулась домой и слушала одну из своих сестер. Если они и разлучались, пусть даже на несколько часов, они всегда находили тему для разговора, им было о чем пошептаться и что обсудить.

— Ты очень милая! — воскликнула Сесиль. — Правда, я не понимаю, почему я должна навязывать тебе свои беды.

— А почему бы и нет? — улыбнулась Сабина. — Мы должны быть рады помочь друг другу.

Но если Сесиль и могла довериться Сабине, то Сабина не могла довериться Сесиль. Какая-то внутренняя сдержанность, гордость никогда не позволила бы ей заговорить об Артуре с посторонним человеком, несмотря на то что она, как никогда в жизни, хотела бы спросить чьего-то совета. Если бы здесь была мама или Гарриет! Но Сесиль начала свой рассказ, и Сабина, отмахнувшись от своих мыслей, приготовилась внимательно слушать девушку.

— В прошедший месяц мне исполнилось восемнадцать, — начала Сесиль. — Да, я вижу, что ты удивлена. Я выгляжу старше, знаю, но это потому, что я много путешествовала с папой. Он банкир, и я объехала с ним всю Европу — от Германии до Парижа, от Амстердама до Мадрида. Из-за этого я и стала как бы старше своих лет — я видела многое, о чем другие девушки и понятия не имеют. Но это не значит, что я чувствую как-то иначе. Я хочу влюбиться, выйти замуж и иметь детей точно так же, как любая девушка моего возраста.

— Да, конечно, я понимаю тебя.

— Я знала, что ты поймешь. Поэтому-то я и хочу спросить твоего совета. Ты должна сказать мне, что делать. Видишь ли, папа хочет, чтобы я вышла замуж за человека, которого я не люблю.

— Почему? — спросила Сабина.

— Здесь замешаны банковские дела моего отца, грустно ответила Сесиль. — Это вопрос их совместных интересов, их партнерства в каком-то большом объединении! Я не совсем все это понимаю, но этот человек друг папы. Он влюбился в меня, когда однажды приехал к нам в гости в Лондон. Но он на двадцать пять лет старше меня — на двадцать пять! Я не люблю его и даже не притворяюсь, что люблю, — но папа все равно говорит, что я должна выйти за него.

— Даже несмотря на то, что он тебе не симпатичен?! — воскликнула Сабина.

— Да, он думает только о своем бизнесе. Папа достаточно богат, но, видишь ли, денег никогда не бывает слишком много. Он говорит, что этот брак сделает меня одной из самых богатых женщин на свете. А я не хочу быть богатой, я хочу влюбиться, найти человека, который будет любить меня не за деньги, не за ту выгоду, которую я ему принесу. Я мечтаю о молодом человеке, способном смеяться вместе со мной, наслаждаться теми же вещами, что и я. А вместо этого я должна стать женой человека, который мне в отцы годится!

— Но ведь они не могут выдать тебя замуж насильно, — уточнила Сабина.

— Могут, — вздохнула Сесиль. — О, как ты не понимаешь? Тебе, конечно, хорошо — ты выходишь замуж за молодого и красивого человека, которого любишь ты и который любит тебя. Я же должна соединить свою судьбу с тем, на кого мне наплевать, кого я вообще видела лишь два раза в жизни. Когда он приедет сюда сегодня вечером, это будет третий раз. И все же я должна стать его собственностью — он сможет прикасаться ко мне, целовать меня. Меня уже... тошнит при одной мысли об этом.

Голос Сесиль, трепещущий от волнения и отчаяния, смолк. Наступила тишина.

— Я никогда не думала о... замужестве... с этой стороны, — наконец тихо промолвила Сабина.

— Ты никогда не думала об этом, потому что это с тобой никогда не случится! — продолжала Сесиль. — Я же знаю, стоит мне выйти за него, как я останусь совсем одна. Он станет безраздельно владеть мною — я буду носить его имя и принадлежать ему телом и душой только потому, что он мой супруг. Моим родителям хорошо говорить о выгодах этого брака, о богатстве, о каретах, домах и драгоценностях. Но что все это по сравнению с тем, что человек, которого я не люблю, который мне даже ни чуточки не нравится, может делать со мной все, что только пожелает? Обнимать меня, целовать и...

Сесиль вдруг умолкла и закрыла лицо руками.

— Я даже не могу это произнести, — сказала она. — И все же таково мое будущее. Ты понимаешь, во что превратится моя жизнь? Я оказалась в безвыходном положении! Потому что, когда ты —

женщина, ты поймана, схвачена, ты — пленница, запертая в чужой спальне с чужаком! Ты можешь себе это представить?

Сабина была очень бледна.

— Нет... — прошептала она. — Нет... нет, я не могу этого представить..

Глава 6

Леди Тетфорд вошла в гостиную, на ходу снимая с плеч свой соболиный шарф с дюжиной болтающихся хвостиков. Сабина сидела у окна, держа в руках книгу. Она не читала — она смотрела в сад, пытаясь найти ответ на мучившие ее вопросы. Ее глаза не видели ни висящих гирлянд алых цветков герани, ни синих гелиотропов. Она была так погружена в себя, что даже не слышала, как вошла леди Тетфорд. Пожилая женщина несколько секунд понаблюдала за ней, а потом сказала:

— Ты очень серьезна. Сабина вздрогнула и вскочила:

— Простите, я не слышала, как вы вошли.

— Все в порядке, детка. Я опоздала, но полагала, что твоя подруга все еще здесь.

— Нет, Сесиль ушла более получаса назад, — ответила Сабина.

— Ты выглядишь такой задумчивой, — сказала леди Тетфорд. — Тебя что-то беспокоит?

— Нет, разумеется, нет, — ответила Сабина так поспешно, что леди Тетфорд внимательно посмотрела на нее, потом пересекла комнату и позвонила в колокольчик у камина. Надо разжечь огонь, — сказала она. — Весь день было жарко, но вечером, кажется, стало немного прохладнее. Трудно представить себе, что в Англии сейчас идет снег.

— Да? — спросила Сабина. — Откуда вы знаете?

— Я прочла это в газетах сегодня утром, — сказала леди Тетфорд. — Снег и мороз. Странно думать об этом здесь.

— Да, действительно, — согласилась Сабина. — Жизнь В Монте-Карло — это словно жизнь в другом мире.

Она говорила очень тихо, и в ее голосе не было того веселого оживления, которое звенело в нем всегда, и леди Тетфорд вновь с подозрением взглянула на нее.

— Ты с нетерпением ждешь сегодняшнего вечера? — спросила она после недолгой паузы.

— Да, конечно, — сдержанно ответила Сабина. — Мари закончила подгонять платье, я надеюсь, вам понравится, как оно на мне сидит.

— Уверена, что понравится, — заверила ее леди Тетфорд. — Я хочу, чтобы ты была королевой бала.

— Не думаю, что у меня есть шанс, — ответила Сабина. — Для меня уже достаточно побывать там, увидеть дворец и гостей. Интересно...

Она так и не успела договорить: в этот момент дверь распахнулась и в комнату вошел Артур с газетой в руках. Даже не взглянув на Сабину, он направился напрямиком к матери, протянул ее ей и указал пальцем на какой-то абзац.

— Ты это читала? — спросил он. Его голос был резкий и суровый, и Сабина поняла, что он снова зол на что-то.

Леди Тетфорд удивленно подняла брови:

— Добрый вечер, Артур! Мне кажется, я не расслышала, как ты поздоровался со мной и с Сабиной.

— Прочти же этот абзац, мама!

Одну секунду, дорогой. Я должна найти свои очки. О, Бейтс, — прибавила она, повышая голос, когда дворецкий появился в дверях. — Прикажи развести огонь в камине и попроси Мари найти мои очки. Боюсь, я оставила их наверху.

— Слушаюсь, миледи.

Лакей торопливо вбежал в комнату и принялся разводить огонь. Пока Бейтс не вернулся с очками леди Тетфорд на серебряном подносе, никто не проронил ни слова.

Наконец дворецкий и лакей ушли, и леди Тетфорд надела очки.

Все это время Артур стоял с неподвижностью каменной статуи. И продолжал хранить молчание. Впрочем, выражение его лица говорило само за себя.

Сабина вновь заняла свое место у окна, которое она покинула при появлении леди Тетфорд. Она решила держаться в стороне, чувствуя, что все произошедшее касается только матери и сына и никак не могло относиться к ней. И все же ее взгляд был устремлен на них с тревогой, ее глаза казались огромными на ее маленьком бледном личике. В них застыло напряжение и испуг. Сцепленные на коленях пальцы побелели.

— Ну, и что тебя здесь беспокоит? — беспечным голосом спросила леди Тетфорд, беря в руки газету. Она мельком взглянула на абзац, который он ей указал, но читать не стала. Вместо этого она

сняла очки и проговорила: — Но я уже читала об этом сегодня. Эту газету приносят сюда каждое утро.

— Ты знаешь, о чем там говорится? — спросил Артур.

— Разумеется, — ответила леди Тетфорд. — Правда, вряд ли там найдется что-то, чего мы еще не знаем про бал-маскарад. О нем пишут уже не первую неделю.

— Здесь упоминается твое имя как одной из хозяек званого ужина.

— Ну и что? — спросила леди Тетфорд, и ее глаза встретились с глазами сына. В них был открытый вызов.

— Это невозможно! Ты должна это прочитать! — настаивал Артур почти шепотом. — Ты хоть понимаешь, что там будут принц и принцесса Уэльские?

— Насколько я понимаю, этот бал и дается в их честь, — ответила леди Тетфорд.

— Так и есть! — воскликнул Артур. — И ты должна понять, что при подобных обстоятельствах ты не можешь на нем присутствовать.

Леди Тетфорд тихонько засмеялась и, отложив газету на столик, уютно расположилась в кресле.

— Мой дорогой Артур, — начала она. — Твой приход сюда с этой газетой в руках отнюдь меня не удивил. Я этого и ожидала, когда узнала, что ты ни словом не обмолвился о предстоящем бале ни в разговорах со мной, ни с Сабиной. Ты очень глуп, если думаешь, что молчанием тебе удалось бы скрыть от нас, что и ты, и их королевские высочества будете присутствовать на балу сегодня вечером. В Монте-Карло известна каждая деталь — в том числе и имена приглашенных.

— Тем более ты должна понять всю щекотливость своего положения, — резко ответил Артур.

— Какого такого положения? — как бы поддразнивая его, спросила леди Тетфорд.

Артур сделал жест, который должен был подчеркнуть бурю его чувств.

— Не играй со мной! — гневно сказал он. — Я не ребенок. Неужели ты думаешь, что люди действительно поверили в то, что ты уехала за границу из-за своего здоровья? Может быть, королева и поверила, но она не выходит в свет, и в конце концов, никто не посмеет нести ей сплетни. Но наши друзья не такие уж бестолковые. Тебя

видели в Париже. Людям, должно быть, стало интересно, почему ты так долго не возвращаешься в Англию, почему покинула свою родину так поспешно и почему остаешься вдали от нее так долго.

— Они расспрашивали тебя об этом? — спросила леди Тетфорд.

— Не то чтобы расспрашивали. Но интересовались, как твои дела, на что я неизменно отвечал, что доктора считают необходимым твое дальнейшее пребывание в теплом климате.

— А мы и живем сейчас в теплом климате, — улыбнулась леди Тетфорд.

Артур смутился:

— Возможно, они так поняли меня... подумали, что тебе гораздо хуже, чем есть на самом деле.

Леди Тетфорд рассмеялась.

— Неужели они думали видеть полуинвалида! — воскликнула она. — Или ты изобразил меня вообще лежащей пластом?

— В этом нет ничего смешного, — огрызнулся Артур.

— Напротив, ведь по-своему это весьма забавно! веселилась леди Тетфорд. — Но если ты такой неловкий и неумный лжец, не жди ты от меня, что я улягусь в постель с видом умирающей. Нет, Артур! Ты должен отвечать за последствия собственной неосмотрительности. Не надо было плести вокруг меня сети лжи.

— Я запрещаю идти тебе на бал сегодня вечером! яростно выкрикнул Артур.

— Запрещаешь мне! — Леди Тетфорд подняла брови. — Давай-ка все проясним — я не собираюсь выполнять приказы кого бы то ни было и уж тем более приказы своего собственного сына. Кроме того, если бы я ; уступила твоему крайне неразумному и возмутительному желанию, что бы ты сказал принцу?

— Принцу? — не понял Артур. — Какому принцу?

— Твоему хозяину на сегодняшней вечер, — ответила леди Тетфорд. — Принц Чарльз попросил меня около двух месяцев тому назад дать званый ужин пере, этим балом.

— Он попросил тебя! Так ты его знаешь? — воскликнул Артур.

— Леди Тетфорд запрокинула голову и рассмеялась смех ее показался Сабине искренним и непосредственным О, Артур! Артур! Как же ты смешон! — воскликнула она. — Конечно же я его знаю. Он очень близкий мой друг. На самом деле он ужинал здесь всего три или

четыре дня назад, и мы обсудили все подробности и детали приготовлений к балу, который доставляет тебе столько забот.

— Я... я понятия не имел, — пробормотал Артур.

— Нет, разумеется, не имел, — ответила леди Тетфорд. — Ты же так уверен, что твое собственное отношение ко мне как к падшей женщине, изгнанной обществом, абсолютно верно, и ты представить себе не можешь, что у других людей может быть иная точка зрения.

Артур нервно зашагал по комнате, словно ходьба снимала его напряжение.

— Что я скажу их королевским высочествам, — спросил он, — если кто-то случайно упомянет в их присутствии твое имя? Я не говорил им, что моя мать живет здесь.

— Если они начнут задавать вопросы, тебе придется им объяснить, что ты запомнил тот факт, что у тебя есть мать — или такая мать, которая все еще способна передвигаться на своих собственных ногах. Бедняжка Артур, как, должно быть, тебе будет неловко!

— Чрезвычайно неловко! — взорвался Артур. — Ну почему тебе непременно надо находиться в Монте-Карло в то время, когда здесь пребывают их королевские высочества?

— Ты полагаешь, что в угоду тебе я должна была покинуть свой дом почти на год? Кроме того, не вижу причин для беспокойства. Я не могу поверить, что среди огромного числа гостей, которых пригласил принц Чарльз, их королевские высочества заметят мою столь незначительную персону. Но если так случится, ты должен объяснить, и как можно убедительнее, что, к твоему огромному удивлению, в старой сучке все еще теплится жизнь!

— Ты все превращаешь в шутку! — угрюмо бросил Артур.

— Я смеюсь, чтобы не заплакать. Когда вспоминаю, что когда-то ты был моим ребенком — ребенком, которым я так гордилась, — тихо произнесла леди Тетфорд.

Наступила тишина. Артур казался пристыженным. Во всяком случае так решила Сабина.

— Я не рассчитывал на удовольствие видеть тебя сегодня вечером, Сабина, — сказал он, поворачиваясь к ней лицом. — Надеюсь, ты оставишь мне несколько танцев.

— Я с нетерпением жду начала бала, — как ни в чем не бывало ответила девушка, поднимаясь со своего места.

Она чувствовала невероятное смущение от того, что стала невольным свидетелем этого жестокого диалога матери и сына. Ее руки дрожали.

Леди Тетфорд подошла к своему письменному столу и взяла лист бумаги с гербом на котором ее размашистым почерком были записаны имена приглашенных на званый ужин.

— Это фамилии гостей, которые мы обсудили вместе с принцем Чарльзом, — сказала она. — Видишь, мы оба рассчитывали на то, что ты будешь ужинать у меня, ведь Сабина одна из приглашенных. Но так как ты ни разу не упомянул об этом, я поняла, что тебя не будет, и пригласила лорда Шерингема, чтобы он занял твое место.

Сабине стало любопытно, будет ли Артур протестовать по поводу присутствия на ужине своего старого знакомого. Но он лишь прочел список приглашенных, приятно удивившись знатности некоторых из них. Затем он вернул листок матери.

— Возможно... я должен принести тебе извинения, сказал он.

Казалось, эти слова буквально вырвали из его губ, и Сабина, несмотря на то что знала его так мало, поняла: Артур приложил огромное усилие, заставив себя произнести их.

— Не стоит, — сурово ответила леди Тетфорд. — Мне теперь безразлично, что ты делаешь или говоришь. За последние десять лет ты ясно дал понять, что ты думаешь обо мне.

Она отвернулась, и, хотя ее голос и был сух, Сабина подозревала, что на ее глаза в этот миг навернулись слезы.

— Ты не вправе ожидать от меня... — начал Артур, но осекся. — Конечно, не следует начинать все сначала.

— Не следует, — согласилась леди Тетфорд.

— Тогда увидимся сегодня вечером.

Мгновение он, казалось, размышлял, как ему надлежит уйти, — мать не смотрела в его сторону, а Сабина выглядела абсолютно потрясенной. Наконец он выдавил улыбку.

— Прости меня, Сабина, — сказал он, — что тебе пришлось выслушать то, что, должно быть, показалось тебе сугубо семейным делом. Но ты ведь теперь член нашей семьи, и лучше, если ты сразу узнаешь о нас самое плохое.

— Да, конечно... я понимаю, — пробормотала девушка.

— Тогда до свидания. И оставь для меня несколько танцев. Конечно, мне придется потанцевать и с другими женщинами, того требует мой долг, но я буду уделять тебе внимание.

— Благодарю, — ответила Сабина.

Он задержал ее руку в своих ладонях и взглянул на мать. Леди Тетфорд продолжала стоять к ним спиной и была, казалось, погружена в созерцание того, что лежало на ее письменном столе. Артур секунду подождал, находясь в некотором замешательстве, а потом, не произнеся ни слова, вышел из комнаты.

Когда дверь за ним закрылась, Сабине вдруг захотелось догнать его, сказать, что он не должен так мучить свою мать, причинять ей столько боли, оскорблять ее.

Пусть она говорит, что ей все равно, но Сабина-то прекрасно знала, что любое недоброе слово для нее было словно удар кинжала в сердце.

Как, должно быть, она страдала, думала Сабина, все эти долгие годы, когда Артур ненавидел и презирал ее за то, что она последовала зову своего сердца. Сабина вспомнила, как ее родители доверяли и любили друг друга, как лицо леди Эвелин вспыхивало от радости, когда в комнату входил ее муж. А он, стоило ему переступить порог, тут же либо называл ее имя, либо спрашивал своих дочерей: «А где мама?»

Это была любовь. Ту же любовь леди Тетфорд, должно быть, питала к человеку, с которым убежала за границу. К Гаю, который умер. Теперь у нее остался только Артур. Сабина подумала, что, если бы Гарри заговорил с ее мамой в тоне, каким говорил со своей матерью Артур, все в доме священника решили бы, что настал конец света.

— О, мама, ты не знаешь, что значит быть дома, сказал однажды Гарри, приехав в отпуск. — Я так скучаю! Мне так тяжело быть вдали от вас!

— Но, Гарри, тебе же нравится служить во флоте, разве нет? — с тревогой спрашивала леди Эвелин.

— Да, но только тогда, когда я не думаю о доме, вздохнул Гарри.

Сабина и ее сестры всегда знали, что мама любило Гарри больше их всех. Гарриет была любимицей папы хотя Сабине иногда казалось,

что с тех пор, как она выросла, он любил больше ее. Но кого больше любила мама, было очевидно.

— Есть некая связь между матерями и их сыновьями которая сильнее, чем любая другая любовь, — однажды сказала их старая няня, когда леди Эвелин в слезах бросилась наверх к себе в спальню, когда Гарри пришло время возвращаться в школу.

— Ты хочешь сказать, что мама любит Гарри больше, чем нас? — спросила Ангелина. В то время она была еще совсем крохой, и ее большие карие глаза налились слезами.

— Конечно, — безжалостно ответила няня. — И нечего злиться по этому поводу. Матери и сыновья, отцы и дочери. Так устроен мир, и никому еще не удавалось идти против природы.

Сабина часто вспоминала эти слова и слепо верила в них. Нельзя идти против природы! Теперь ей казалось, что Артур и его мать уничтожали все то прекрасное, во что она верила с детства. Дом всегда служил ей надежной, защищенной крепостью, в которой она могла укрыться от любых невзгод, и она считала, что так должно быть у всех.

Она долго стояла и смотрела на закрывшуюся за Артуром дверь, а потом бросилась к леди Тетфорд и горячо сжала ее руки в своих.

— Мне очень жаль, — тихо проговорила она.

— Не жалей меня, — ответила леди Тетфорд, чуть дыша. — Это единственное, чего я не выношу. Он был таким милым мальчиком.

Она высвободила свою руку из рук Сабины и вышла из комнаты. Сабина слышала, как она медленно поднималась вверх по лестнице, и шорох ее шелковых нижних юбок, который сопровождал ее везде, куда бы она ни шла. звучал, как самый нежный из вздохов.

Сцены откровений, преподанные ей Артуром и Сесиль, повергли Сабину в уныние. Ее вдруг безудержно потянуло домой, захотелось почувствовать на своих щеках руки и губы ее родной семьи, тепло их любви. Дома они были в безопасности, дома им были не страшны никакие беды.

Когда она приехала сюда, Монте-Карло показался ей волшебным уголком, но теперь горе, проблемы и трудности людей, с которыми она познакомилась, мерещились на каждом шагу. А стоило ей подумать об Артуре, как она начинала дрожать: злоба и жестокая холодность в его голосе, когда он разговаривал с матерью, пугали ее.

Теперь она точно знала, что боится его. Если взглянуть правде в глаза, она боялась его с самого начала, но сперва она убедила себя, что это естественная реакция на его возраст. Мужчину тридцати лет нельзя было сравнивать с деревенскими мальчиками, с которыми она танцевала или ездил верхом на охоту. Да и кроме того, он жил в мире, о котором она так мало знала.

Все это могло послужить объяснением того, что в его присутствии она чувствовала себя неловкой и робкой девчонкой. Но теперь она поняла, что за этим стояло совсем иное. Она не понимала его, как, по ее мнению, понимала других мужчин, с которыми ей приходилось общаться, и, оставшись одна в тиши своей комнаты, Сабина не уставала задавать себе один и тот же вопрос, который в глубине души мучил ее уже давно: почему он хотел жениться на ней? Он отнюдь не казался до безумия влюбленным молодым человеком, хотя, возможно, по-своему, пусть несколько холодно, но выражал свою любовь.

«Я такая неопытная, — думала она. — Я знаю так мало о мужчинах и их чувствах. Я думала, любовь сама показывает себя...»

Сабина внезапно остановила себя. Она вдруг вспомнила о незнакомце, чьи темные глаза горели восхищением, когда смотрели на нее, чей голос казался низким, когда он говорил о любви... и по-французски, и по-английски.

Она даже махнула рукой, словно отгоняя от себя эту мысль.

— Я, должно быть, сошла с ума, если думаю о таких вещах, — вслух произнесла она и затем лихорадочно, не смея больше задавать себе вопросы, стала одеваться для бала.

Задолго до того, как она спустилась вниз, ожидая, когда приглашенные на званый ужин гости начнут собираться, и еще до того, как она показалась леди Тетфорд и услышала от нее слова одобрения, она поняла ее платье принесет ей успех.

Весенние цветы, пришитые к нежному, словно газ, материалу, были уже сами по себе обворожительны. Ее длинные, светло-золотые волосы, спадающие на плечи и поддерживаемые только венком из подснежников, ее голые и не украшенные драгоценностями шея и руки, нежная ткань, спадающая с плеч и трепещущая, будто эфир, от малейшего дуновения, делали ее романтично-необычной. Да, она выглядела прелестно. От ее подавленного настроения не осталось и

следа. Она почти поверила в то, что и в самом деле явилась из мрачных ворот подземного мира в мир солнечного света и смеха.

За ужином лорд Шерингем сидел рядом с ней, он постоянно смешил ее своей забавной манерой говорить, его остроты по поводу всего, что он видел и слышал, были уморительно смешны, но не злы.

— Черт побери, никогда бы не подумал, что маскарадный костюм может кого-то красить, пока не увидел вас. Обычно люди рдятся в абсолютно не идущие им вещи, которые делают их нелепыми. А во что одет Зануда?

— Не скажу, — ответила Сабина. — А то вы скажете о нем что-нибудь недоброе, но скажете остроумно, а я не сдержу смех и почувствую себя предательницей.

— Если у Зануды есть хоть капля здравого смысла, он предстанет как Дон Жуан с белым кроликом в руках. Ведь это он поймал самую красивую девушку в этой зале. Почему вы хотите выйти за него замуж? Не лучше ли вам подождать меня?

— Я уже говорила вам, что у вас была возможность два года назад, но тогда вы воротили от меня нос, — рассмеялась Сабина.

Она даже не представляла себе, что может так непринужденно болтать с молодым человеком, но с лордом Шерингемом было так же легко разговаривать, как и с Гарри, и они весело поддразнивали друг друга, пока наконец не пришло время отправляться во дворец.

У дверей виллы ожидало пять карет, которые должны были доставить гостей леди Тетфорд ко дворцу, и Сабина села в одну из них вместе со своей хозяйкой лордом Шерингемом и герцогом де Гизом, который был самым знатным гостем на приеме.

Дворец находился по другую сторону гавани, за Великим ущельем, которое отделяло степенный древний город Монако от легкомысленной элегантности молодого Монте-Карло. Карета въехала в глубокое ущелье полное причудливых теней, а затем стала поднимать вверх по узкой, петляющей дороге, которая взбиралась на огромную скалу, где и расположился старинной по стройки дворец. Сабина затихла, позабыв о присутствии спутников, — она была очарована красотой раскинувшегося перед ней ландшафта.

Перед дворцом солдаты в своей красной с белым и голубым униформе вытянули руки, чтобы помочь гостям выйти из экипажей. Роскошные salons , украшенные золотом и освещенные хрустальными

канделябра ми, приняли нарядную толпу людей, приглашенные принцем.

Сабина была ослеплена великолепием дворца и поза была обо всем, разглядывая танцующих в самых причудливых костюмах. Здесь были тореадоры и крестonosцы, клоуны и короли, пастушки и арлекины, восточные властители, рабыни и придворные всех эпох и стран мира Многие вообще были одеты в костюмы столь странные и причудливые, что им трудно было подобрать название. Единственное, что можно было сказать наверняка, это то, что они, несомненно, подчеркивали красоту и обаяние тех, кто их носил.

У всех были маски, за исключением хозяина торжества, принца Монакского Чарльза III, который лично приветствовал каждого гостя, стоило тому переступить порог дворца. Он был немолод и несколько подслеповат, но для каждого гостя, кого он узнавал, у него находилось теплое слово.

— Рад приветствовать вас, мисс Уонтидж. Ваша будущая свекровь мой очень хороший друг, — произнес он, когда леди Тетфорд представила ему Сабину.

Сабина что-то робко пробормотала в ответ, принц уже приветствовал других гостей, и они проскользнули в бальную залу.

Оркестранты, одетые в разноцветную гусарскую форму, играли вальс, и Сабина закружилась в танце с лордом Шерингемом. В этот миг в дверях показался Артур. И она вдруг поняла: она не хочет ни видеть его и ни говорить с ним. Она не могла этого объяснить, но чувствовала, что он непременно омрачит ее беспечную радость, удовольствие от этого вечера.

— Давайте осмотрим дворец, — предложила она лорду Шерингему, и, проскользнув через дверь на противоположной стороне залы, она в ту же секунду оказалась вне поля зрения зорких глаз жениха.

Они нашли лестницу, которая вела в открытый внутренний двор замка, а оттуда в сад. Разбитый на склоне скалы, он предстал перед ними местом тайн и теней, огромных клумб розмарина и фиалок под сенью мимозы и эвкалиптов, а с боков обрамленных кустами жасмина и мирта. Китайские фонарики свисали с деревьев и освещали дорогу к укромным уголкам в беседках, увитых розами и жимолостью.

Сад смотрел на порт, и отсюда открывался прекрасный вид на Монте-Карло. Свет мерцал в каждой окошке белокаменных вилл, шагающих вверх по горному склону, со всех сторон окруженных садами из апельсиновых и лимонных деревьев, с темно-зеленых ветвей которых свисали золотые плоды, словно миллион крошечных фонариков.

— Как красиво! — воскликнула Сабина.

Эти слова, казалось, вырвались из самого ее сердца.

— И вы очень красивы, — сказал лорд Шерингем. — Слишком красивая, большинство мужчин теряют из-за вас голову. Право, будь я на месте Зануды, я бы схватил вас и увез отсюда в замок, где бы никто, кроме меня, не смог видеть вас.

— Я и понятия не имела, что вы такой романтик, рассмеялась Сабина.

— Вы попали в точку. Романтика мне не свойственна, — отозвался лорд Шерингем. — Просто солнце напекло мне голову.

Они нашли скамеечку на краю сада и присели, глядя на гавань, раскинувшуюся внизу.

— Я вам скажу вот что, — вдруг сказал лорд Шерингем. — Мне нужно выпить! Готов поспорить, и вы не откажетесь. Подождите секунду, я пойду поищу официанта. Пусть принесет нам шампанского. Нет ничего лучше, чем говорить с прекрасной девушкой с бокалом в руке. Об этом я даже читал целую поэму. Что-то про кувшин вина и красавицу.

— Это Омар Хайам, — хихикнула Сабина.

— Не знаю, кто это написал. Но кажется, в этом есть смысл. Так вы подождете? Только уж очень неудобно двигаться в этом дурацком платье, — добавил он, указывая на свой костюм рыцаря.

Оставив свою шляпу с пером рядом с Сабинной, лорд растворился в темноте. Девушка взглянула на залитую лунным светом водную гладь, но стоило ей вновь остаться одной, как мысли нахлынули на нее с новой силой. В этот момент она услышала позади себя шаги и подумала, что лорд Шерингем вернулся.

— Вы очень проворны! — воскликнула она и тут же поняла, что ошиблась. Перед ней стоял совсем другой человек: мужчина, одетый в белую с длинными рукавами блузу, вышитую странным узором, с

украшенным драгоценными камнями ножнами, засунутыми за красный пояс.

— Вы потанцуете со мной? — спросил по-английски голос, который был ей слишком хорошо знаком.

Она вскочила.

— Как вы здесь очутились?

— Тут столько людей в маскарадных костюмах, — ответил незнакомец. — Кто догадается, что цыган одет в свою обычную одежду?

— А если они вас поймают?

— Не поймают. Как Золушка, я уйду до полуночи, когда все снимут маски. Так вы потанцуете со мной?

— Нет... Я не знаю.. Как можно?

— Вот уж никогда не думал, что вы испугаетесь, — сказал он. — Вы не побоялись прийти за помощью одна, без сопровождения, когда сломалась ваша карета. Вы не побоялись ехать одна по дороге Гранд-Корниш. А теперь вы боитесь?

— Нет, разумеется, нет, — запротестовала Сабина. Нет. Я думала о вас.

— А не о себе? Не о том, что случится, если вас обнаружат с цыганом, с бродягой?

— Нет, конечно же нет! — воскликнула Сабина. — Не такой уж я и сноб.

В ее голосе было столько гнева, что он улыбнулся и, взяв ее руку, нежно поднес к губам.

— Вы все еще не сказали, что рады видеть меня.

— Я была так удивлена... и напугана тоже. Как вам удалось сюда пробраться?

Он указал глазами на высокую стену в конце сада:

— Я перелез через стену.

— Но зачем?

— Чтобы увидеть вас.

— Вы знали, что я приеду?

— Конечно. Сегодня ночью здесь собралось все Монте-Карло.

— А почему вы хотели меня видеть?

— Мне было интересно, в каком костюме вы будете. Я должен был предупредить вас раньше — я неисправимо любопытен. Большинство людей моей национальности такие же, поэтому мы и путешествуем по миру, ищем новых впечатлений.

Сабина вытянула руку, словно желая его остановить.

— Послушайте, — сказала она. — Лорд Шерингем вернется в любую секунду. Если мы хотим танцевать, мы должны вернуться в бальную залу другой дорогой.

— Тогда пойдёмте.

Цыганский король протянул руку, и она вложила в нее свою. Он повел ее по другой тропинке, ведущей ко дворцу с противоположной стороны. Китайские фонарики освещали им путь. Миновав фонтан, воды которого переливались и сверкали в лунном свете, они очутились во внутреннем дворе и пошли вверх по лестнице, ведущей в бальную залу.

Сабина обернулась, чтобы взглянуть на своего спутника. Его маска скрывала верхнюю половину лица, но ей казалось, что может прочесть выражение его горящих восторгом глаз. Она задрожала, когда он обнял ее за талию и нырнул в толпу танцующих, но уже в следующую минуту страх исчез.

И не потому, что он выглядел как все прочие гости — его наряд был даже более изыскан, чем у многих, — он так шел ему. Ее страх прошел потому, что в его руке она почувствовала силу и надежность. Однажды ей уже довелось испытывать это чувство.

Они кружились по зале, и волосы Сабины, развеваясь, касались его губ. Он был прекрасный танцор, и ей казалось, что она парит над залом. Их тела будто слились воедино.

— Вы все еще боитесь? — спросил он.

— Уже нет, — призналась она.

— Интересно, каково будет наказание, если мой обман раскроют, — задумчиво проговорил он. — Год в тюрьме, возможно. Мне говорили, правда, что тюрьмы в Монако очень удобны для побега!

— О, будьте осторожны, прошу вас, — взмолилась Сабина, но он только рассмеялся в ответ, закружившись еще стремительнее.

Как и любая другая женщина, она не могла не задать вопрос, который больше всего занимал ее мысли:

— Вам нравится мой наряд?

— У меня не было времени смотреть на что-то еще, кроме ваших волос, — ответил он. — В ту первую ночь, когда вы сидели в свете костра, я подумал, что это самое прекрасное, что я когда-либо видел. А теперь, когда я смотрю, как они лежат у вас на плечах, мне хочется... — Он вдруг смолк, и Сабина украдкой взглянула на него.

— Что вам хочется? — спросила она, чуть дыша.

— Поцеловать их, — ответил он. — Зарыться в них лицом, ощутить их шелк...

Сабина вдруг почувствовала, что едва может дышать. Ее горло сжалось, губы запылали, щеки налились предательским румянцем, и она опустила глаза. Она знала, что не должна слушать, должна сказать ему, чтобы он не смел с ней так разговаривать, но слова не шли с ее уст. Одна его рука лежала на ее талии, другая до боли сжимала ее ладонь — это все, что она осознавала В тот миг.

И вдруг музыка смолкла. Они стояли и молча смотрели друг на друга. Вокруг люди двигались, смеялись и разговаривали, но они были одни в своем собственном мире — мире, в котором не существовало никого, кроме них двоих: мужчины и женщины на пороге вечности! — Я думаю, вы околдовали меня, — хрипло проговорил цыганский король. — Кроме вас, я ни о чем другом не могу думать. Мысли о вас преследуют меня. Я пришел сюда сегодня вечером потому, что должен был вас увидеть, я не мог больше ждать.

От его слов Сабина затрепетала. Она все еще не могла говорить и только молча смотрела на него, не в силах отвести от него глаз.

— Вот ты где, Сабина! — вдруг раздался голос над ее головой. — Я повсюду тебя искал. Ума не приложу, где ты была. Ее королевское высочество велело мне представить ей тебя.

Сабина глубоко вздохнула, пытаясь вернуться к реальности. Она все еще не понимала, что ей говорят.

И, лишь резко вскинув голову, она увидела перед собой Артура.

— Ее... королевское высочество, — машинально повторила она.

— Да. Пойдем скорее. Она в дальнем конце залы на помосте. Ума не приложу, где ты пряталась.

— Я... я... была... — пробормотала Сабина и повернулась, чтобы взглянуть на цыганского короля, но он уже исчез в толпе.

— Не забудь называть ее «мэм» и сделать реверанс как можно ниже, — проинструктировал ее Артур, и они направились в конец

залы, где принц и принцесса Уэльские стояли вместе с хозяином торжества на возвышающейся платформе в окружении членов королевской семьи.

На принце не было маскарадного убранства, и орден Подвязки был прикреплен к его вечернему костюму, принцесса была в платье своего любимого розовато-лилового цвета, а ее голову украшала тиара из аметистов и бриллиантов. Она была очень изысканна, и Сабина тихонько охнула, разглядев изящный овал лица и перехватывающую дыхание красоту датской принцессы, чьи прелести завоевали восхищение всей Англии.

Принц находился в добром расположении духа, весело болтая о чем-то с дамой, одетой в костюм Мари, королевы скоттов. Сабина без труда узнала ее, а вот Артур заметил ее только тогда, когда они подошли совсем близ ко. Она почувствовала, как он напрягся.

— Вас давно не было в Англии, леди Тетфорд, — говорил принц своим низким, слегка гортанным голосом.

— Десять лет, сэр. Я провожу зимы в Монте-Карло а лето — в Париже.

— Наша утрата — их приобретение, — вымолви; принц. — Но мы скучаем по вам. Королева вот только недавно говорила о вас. Она, как и все мы, так сожалев о вашем отсутствии при дворе.

— Благодарю вас, сэр.

Леди Тетфорд сделала реверанс. В этот момент Сабина приподняла опущенные ресницы и увидела выражение лица Артура. Оно было такое красноречивое, что она едва не рассмеялась. Только услышав его голос, напыщенный и торжественный, которым он представлял ее принцессе, она сумела подавить смех.

Глава 7

Принцесса Уэльская оказалась еще красивее, чем представляла себе Сабина, и ее многочисленные описания, которыми пестрели газеты, не отражали и доли ее красоты и изящества. Ее движения были столь грациозные, что любая другая женщина рядом с ней казалась неуклюжей и неловкой, а ее улыбка могла очаровать и привести в восторг каждого, кто имел счастье быть одаренным ею.

Она улыбалась, когда Сабина поднялась из своего глубокого реверанса.

— Так, значит, это ваша невеста, лорд Тетфорд, — сказала она со своим милым акцентом. — Вам очень повезло. Я вижу, вы не нуждаетесь в наших пожеланиях — вы и так вполне счастливы.

— Благодарю вас, мэм, — ответил Артур.

— Но скажу вам, принц и я очень рассержены на вас, — продолжала принцесса.

— Рассержены, мэм? — в ужасе переспросил Артур. — Да. Вы не сказали нам, что ваша матушка живет здесь, в Монте-Карло. Только сегодня за ужином мы узнали от нашего хозяина, принца Чарльза, что она не только здесь живет, но и имеет самый роскошный сад на всем побережье. Почему вы сохранили это в тайне от нас?

— Это отнюдь не тайна, мэм, — пробормотал Артур. — Я не думал, что вашему высочеству будет интересно это узнать.

— Ну конечно же нам интересно, — возразила принцесса. — Королева так часто говорит о вашей матери, а как она скучает по ней! Мы с принцем должны непременно найти время и посмотреть ее сад и виллу, чтобы по возвращении домой рассказать все подробно ее величеству.

— Моя мать будет чрезвычайно польщена, мэм.

— Тогда вы должны все устроить, лорд Тетфорд, приказала принцесса, а затем, повернувшись к Сабине, добавила: — Скажите, мисс Уонтидж, когда же ваша свадьба?

— В июне, мэм.

— Я надеюсь, вы пригласите принца и меня на церемонию, — благосклонно сказала принцесса.

Сабина пробормотала слова благодарности и снова сделала реверанс. Принцесса отвернулась, чтобы поговорить с кем-то еще, и девушка почувствовала руку Артура на своем локте. Они двинулись сквозь толпу танцующих и вышли из залы на лестницу, которая вела в сад.

— Их королевские высочества чрезвычайно добры, сказал Артур. — Не спуститься ли нам в сад ненадолго? Здесь так жарко.

Сабине очень не хотелось возвращаться туда, где были цветы и китайские фонарики. А вдруг цыганский король ждет ее там? Но так как она не смогла придумать никакого предлога, чтобы объяснить Артуру свой отказ, ей пришлось последовать за ним вниз по лестнице в тенистый, благоухающий сад.

Артур направился к первой же увитой зеленью беседке. Сабина присела на скамью, прикрытую мягкими подушками.

— Как все удачно получилось, — сказал он, и Сабина поняла, что он был крайне доволен и самим собой, и добротой принцессы.

— Они правда придут на нашу свадьбу? — спросила Сабина.

— Я вообще-то надеялся, если я состою при королевском дворе, то их высочества должны оказать нам честь своим присутствием, — ответил Артур. — Но никогда нельзя быть уверенным, пока высочайшие особы сами не намекают на то, что их надо пригласить.

— Я... я думаю, это ужасно, правда, — пролепетала Сабина.

— Не надо так нервничать, — попытался успокоить ее Артур.

— Но их присутствие превратит нашу свадьбу в такое официальное событие, — возразила Сабина. — Я робею при одной мысли об этом.

— Лично я очень рад, — сказал Артур. Наступила минутная пауза.

— Мне кажется, что последние несколько дней ты была не очень-то счастлива, Сабина.

Сабина собралась было возразить, но, взглянув ему в лицо, освещенное фонариками, к своему крайнему удивлению, обнаружила, что он смущен. И она догадалась, что таким образом он пытался перед ней извиниться.

— Я не хотел, чтобы ты оказалась вовлечена в мои ссоры с матерью, — продолжал он. — Но возможно, это к лучшему, если ты не будешь заблуждаться относительно наших отношений.

— Твоя мать была очень добра ко мне, — заметила Сабина.

— Да, разумеется. Я и не ожидал от нее другого, — ответил Артур. — В конце концов, это она настояла на твоём приезде сюда.

— Но ты же видишь, как это прекрасно! — спросила Сабина.

— Я рад, что тебе здесь понравилось, — сказал Артур, стараясь говорить тише. — Но тебе не придется видеть мою мать, когда мы поженимся.

— Но я хочу ее видеть, — возразила Сабина. — Она была так мила, родственна и так... так щедра.

Артур поджал губы:

— Я думаю, ты не понимаешь. Для меня и моей матери обычные отношения, которые существуют между матерью и сыном, невозможны.

— Но почему, почему? Ведь теперь все в прошлом.

— Я никогда не забуду, что она сделала, — никогда! взорвался Артур.

— Но ведь на тебя это несколько не повлияло, — не унималась Сабина. — Люди не могут знать всей правды о том, что произошло столько лет назад. Только взгляни, как добра была к ней ее высочество сегодня вечером.

— Это действительно принесло мне облегчение, согласился Артур. — Но как же ты не можешь понять, что мне пришлось пережить за все эти годы? Думать о том, что говорят люди, думать, что они шепчутся за твоей спиной, и опасаться, что в любой момент карьера при дворе может рухнуть из-за того, что моя мать приобрела себе дурную славу с человеком, который был женат — да, женат во время их отношений.

В его голосе было столько страсти и гнева, что Сабина не на шутку испугалась, но, собрав всю свою смелость, о существовании которой даже и не подозревала, она тихо произнесла:

— Она была счастлива. Неужели это так мало значит?

— Счастлива? — воскликнул Артур. — Как может быть счастлив человек, когда то, что он делает, недостойно? Когда его поведение может дурно отразиться на его самых близких и самых любимых людях — то есть на мне?

— Но это никак на тебя не повлияло, — упорствовала Сабина.

— Мне просто повезло, — зло бросил Артур.

— А теперь, когда этот мужчина мертв, — продолжала Сабина, — никому не надо знать о том, что произошло. Неужели ты не можешь простить свою мать и великодушно забыть обо всем?

Боюсь, ни то ни другое невозможно, — ответил Артур. — Если бы это было возможно, я бы больше никогда в жизни не виделся с ней, уже только потому, что она заставила меня согласиться на твой приезд к ней.

Позабыв даже хорошие манеры и не спросив разрешения, Артур рассеянно достал сигару из своего портсигара и закурил. Сабина взглянула на его профиль и поняла, что он кипит от злости. Даже простой разговор о его матери приводил его в такую ярость, что его руки дрожали.

Сабина не понимала его. Она была крайне напугана и огорчена, слыша его полный гнева голос, видя жесткость во взгляде, когда он говорил о своей матери. И все же какое-то непонятное упрямство заставило ее продолжить разговор, хотя она понимала, что лучше бы согласиться с ним или просто промолчать.

— Артур, — задала она совсем уж опасный вопрос, — почему ты женишься на мне?

Он повернулся к ней лицом и положил свою руку на спинку ее скамьи. Слабая улыбка в первый раз смягчила линию его рта.

— Потому что я люблю тебя, Сабина. Разве ты этого не знала?

— Ты так сказал, когда в первый раз попросил моей руки, — отозвалась Сабина. — Но если ты и правда меня любишь, то почему же говоришь, как ты не можешь понять чувств твоей матери к человеку, за которого по воле судьбы она не могла выйти замуж?

Артур убрал руку со спинки сиденья и, вздрогнув, сел очень прямо.

— Послушай, Сабина, — резко сказал он. — Я не знаю, что тебе понарасказывала моя мать. Сам я всегда избегал отвратительных деталей этой интриги, которая разрушила всю мою жизнь. Но могу тебя заверить, что такая любовь, если ее можно назвать этим словом, не имеет ничего общего с чувством, которое я испытываю к тебе. Больше того, я должен попросить тебя один раз и навсегда больше никогда не говорить со мной об омерзительной интрижке моей матери или о человеке, который оказался попросту подлецом и обманом заставил ее покинуть свой дом, друзей и даже королевский двор. Как

ты сама сказала, теперь все кончено и, милостью Божьей, ее эгоистичное и недостойное поведение не привело ни к каким печальным последствиям. В любом случае, ее судьба не должна нас беспокоить. Как только мы поженимся, я ни при каких обстоятельствах не приглашу ее к нам в дом и уж тем более не буду гостем в ее доме. Сабина еле слышно вздохнула.

— Я не могу тебя понять, — сказала она.

— И даже не пытайся, когда дело касается этого вопроса, — отрезал Артур. — Давай поговорим о чем-нибудь более приятном. Ты сегодня очень красива, Сабина.

— Тебе нравится мой наряд?

— Он очарователен. Роль Персефоны тебе очень к лицу. Должен признать, я ожидал, что бал-маскарад — ужасная скукотища, но сегодня я получил истинное удовольствие.

— Тебе нравится быть со мной? — спросила Сабина.

— Моя дорогая девочка! Что за странный вопрос? улыбнулся Артур. — Неужели я бы просил тебя стать моей женой, если бы не хотел всегда быть с тобой? Сказать по правде, я влюбился в тебя в первый же вечер, когда тебя увидел. Ты так отличалась от других девушек на том ужасно скучном приеме. Говоря откровенно, ты мне нравилась больше в твоём простом платье, чем во всех этих дорогих экстравагантных нарядах, которые моя мать заказала для тебя в Париже. Я ценю в жизни простоту, Сабина. Мне нужна жена, которая готова посвятить себя мне, а не проводить время, состязаясь с другими женщинами в изысканности нарядов и капоров, меньше всего мне нравятся расфуфыренные манекены.

— Но, Артур, разве ты не хочешь, чтобы я была хорошо одета и выглядела модной? — спросила Сабина.

Мода, как и множество нарядов и драгоценностей, обычно выдает легкомысленную натуру, Сабина. Я хочу, чтобы ты оставалась самой собой, той, какой ты была те первые дни, когда мы встретились. Если мне не изменяет память, ты выглядела очаровательно в тот вечер, когда мы играли вместе в крокет.

— Артур... — горячо начала Сабина, но слова тут же замерли на ее губах.

Какой прок спорить? Как объяснить ему, что то платье, в котором она была в усадьбе в тот вечер, просто старая, линялая роба и его

переделала ей из маминого старья деревенская портниха. Безвкусное платье, старомодного фасона, но в тот вечер ей больше нечего было надеть — на свое единственное приличное платье она пролила кофе в прошлое воскресенье.

Она почувствовала внезапный прилив ярости от того, что Артур оценил ее в этом тряпье, а не в этих модных вещах из Парижа. Но здравый смысл и без его ответа подсказал ей истину.

Артуру была нужна жена, которая будет абсолютной противоположностью его матери, которую он ненавидел. Каким-то непостижимым образом естественная сыновья любовь превратилась в яростную ненависть, которая толкала его критиковать и осуждать все, что бы ни делала леди Тетфорд. Если она со вкусом одевалась, его жена должна одеваться плохо. Если она носила драгоценности, его жена должна обходиться без них.

Наконец Сабина поняла, почему Артур выбрал именно ее, незнатную, неприметную дочь сельского священника, а не одну из множества хорошо воспитанных, аристократичных девушек, которых он встречал при дворе. Она вдруг почувствовала смущение и обиду. В любви Артура к ней был протест и равнодушие. Она была не столько символом того, что ему нравилось, сколько противоположностью того, что он отвергал.

Артур вдруг выбросил сигару и снова положил руку на спинку сиденья позади Сабины.

— Сабина, мы будем очень счастливы, ты и я, — сказал он. — Мне надо будет многому тебя научить, но я знаю, что ты хочешь учиться. Тебе надо будет только мне доверять, принимать на веру все, что я говорю, — и у нас не будет разногласий, не будет ссор. — Он улыбнулся и прибавил: — У меня не такой плохой характер, как тебе показалось в эти дни.

Да, у него был некоторый шарм, и Сабине вдруг захотелось от него чего-то такого, что она и сама толком не могла объяснить. Утешения, понимания, уверенности, ответа на вопросы, которые тревожили и мучили ее в последнее время.

— Ты действительно веришь, что мы будем счастливы? Ты точно уверен в этом?

Это был крик ребенка, который жаждет утешения. В ответ Артур взял ее за подбородок и поднял ее лицо кверху.

— Ты сделаешь меня очень счастливым, — сказал он. — Я в этом уверен.

Он нежно поцеловал ее, и невольно руки Сабины потянулись к нему. Она хотела, чтобы он обнял ее, хотела, чтобы ее убедили в том, что он прав, что он любит ее, а следовательно, что их ждет счастливое будущее.

Но Артур вдруг убрал руку с ее подбородка и отодвинулся.

— Нас не должны видеть, как мы милуемся, словно какие-нибудь Том и Мэри, — сдержанно заявил он. И я думаю, нам пора возвращаться. Мы не должны забывать, что сегодня вечером я прислуживаю их королевским высочествам.

— Да, вернемся, здесь становится прохладно, — согласилась Сабина.

Она дрожала. Она вдруг почувствовала себя побежденной и очень разочарованной. Она не знала почему, но все ее тело жаждало тепла, чего-то неизведанного и недостижимого.

В молчании они вернулись в бальную залу, и не успела Сабина войти в помещение, как появился лорд Шерингем.

— О, вот вы где! — с упреком воскликнул он. — Вы хоть понимаете, что из-за вас я пропустил половину своих танцев?

— Неужели, Шерри? Простите меня, — улыбнулась Сабина.

Услышав, как его невеста назвала друга по прозвищу, вопреки его запрету, Артур вздрогнул, и Сабина догадалась, что он был раздосадован и счел ее поведение крайне фамильярным.

— Мы с мисс Уонтидж были в саду, — сказал он, сделав ударение на слове «мисс».

— Да брось, Зануда, — хохотнул лорд Шерингем. — Я не собираюсь тебя вызывать на дуэль за то, что сделал бы сам, будь у меня такая возможность.

Артур одарил его взглядом глубоко оскорбленного человека и направился к помосту, где королевская чета все еще продолжала приветствовать своих гостей из числа знакомых.

— Что его так огорчило? — спросил Шерри, обняв Сабину за талию, и увлек ее за собой в толпу танцующих.

— Я думаю, ему не нравится, что я называю вас Шерри.

— Боже правый, Зануда вырастает из своих башмаков. Должно быть, королевская власть ударила ему в голову. Да он сам называл

меня Шерри с тех пор, как ему исполнилось двенадцать. Не может же он ожидать, что его жена будет настаивать на официальных отношениях.

— Я думаю, именно этого он и хотел бы, — сказала Сабина нехотя и, полагая, что говорить об Артуре за его спиной было бы предательством, начала рассказывать Шерри про Сесиль.

— Я хочу, чтобы вы познакомились, — сказала она. — Она такая милая, я знаю, она вам понравится.

Шерри вопросительно взглянул на нее.

— Уже занимаетесь сводничеством? — спросил он. — Все вы одинаковые. Едва становясь помолвленной, девушка начинает думать, что и все должны поступать так же. Слишком поздно знакомить меня с красивыми молодыми леди. Вы ведь прекрасно знаете, что я влюблен в вас.

— О, Шерри, что за вздор!

— Не вздор, а правда, — возразил он. — Я думал о вас с тех пор, как мы встретились. Я даже ночами не сплю.

— Ну, это не потому, что вы все время думаете обо мне, — рассмеялась Сабина. — Это потому, что вы играете в казино до самого утра.

— Ну ладно, тогда не могу спать, когда прихожу домой. Все думаю о вас. Интересно, почему я не попался вам первым? А что, если нам сбежать вместе?

— Нет, Шерри, конечно же это исключено. Артур будет в ярости. Кроме того, я вас не люблю.

— А Артура вы конечно же любите?

Этот вопрос застал Сабину врасплох, и, прежде чем, покраснев, она наконец ответила, прошло некоторое время.

— А иначе зачем бы я стала выходить за него замуж?

— Для брака есть множество других причин, кроме любви, — заметил Шерри. — Но мое мнение, что любовь — самая веская из них.

— Конечно, — согласилась Сабина.

Ей бы хотелось любить так же, как любила леди Тетфорд. Быть готовой все отдать! Любить так, как все еще любили друг друга ее отец и мать — их лица светились любовью, они видели друг друга, их инстинктивная потребность друг в друге проявлялась ежесекундно, все решалось вместе, в полном мире и согласии.

Да, конечно, сказала она сама себе, она любит Артура. И многие девушки влюбились бы в него. Он был так красив, так влиятелен и по своему привлекателен. И все же ему чего-то не доставало. Не огня ли, о котором говорила леди Тетфорд, не той ли любви, о которой так страстно говорил цыган?

Она испугалась своих мыслей. «Был ли он еще в зале?» — вдруг спросила она себя и, забыв про Шерри, принялась искать глазами в толпе танцующих его высоко поднятую темноволосую голову, его гибкое, изящное тело, которое, казалось, было создано для танца. Но его нигде не было видно. Ей вдруг показалось, что где-то промелькнула его вышитая белая блуза с длинными рукавами, и ее сердце тут же подпрыгнуло от радости. Но, увы, она ошиблась. Человек в белой блузе был ниже ростом и носил длинные усы.

— О чем вы думаете? — вдруг спросил Шерри, и Сабине стало интересно, как долго она молчала.

— Правильный ответ, разумеется, такой: я думала о вас, — ответила она, смеясь. — Но в действительности я думала о себе.

— Эгоистка! — упрекнул он ее. — Ладно, давайте-ка выберемся из этой толкотни и выпьем наконец по бокалу шампанского. Здесь слишком жарко, чтобы танцевать.

— Но в саду становится прохладно, — сказала Сабина, вспоминая, как она дрожала, когда сидела с Артуром на скамье.

— Просто вы недостаточно тепло одеты, вот в чем дело, — возразил Шерри. — Бокал вина быстро согреет вас.

Он провел ее в другую залу, где находился бар, ломившийся от разнообразных блюд и напитков. Официанты мелькали среди гостей, не уставая подливать им шампанского.

Здесь она заметила Сесиль. Девушка разговаривала с мужчиной в костюме венецианского дожа. Он был немолод, высок, худощав, с аристократическими манерами, и Сабина догадалась, что это тот самый поклонник, которого жаловали родители Сесиль и за которого она должна была выйти замуж.

Сесиль представила его как мистера Рочдейла, а Сабина представила им Шерри.

— Сабина рассказывала мне о ваших чарах весь день, — сказал он Сесиль. — Превозносила их до такой степени, что я уж было подумал,

что она преувеличивает! Но теперь, когда я вас увидел, я думаю, что она вас скорее недооценила.

— Какой красивый комплимент! — улыбнулась Сесиль.

Сабина тем временем разговорила с мистером Рочдейлом.

— Это ваш первый визит в этот дворец, мисс Уонтидж?

— Да, и не только в этот.

— Что ж, тогда вы сделали прекрасный выбор, начав именно с этого, — одобрил мистер Рочдейл. — Я всегда думаю, когда приезжаю сюда, какой восхитительный контраст. Великая скала, дворец и крепость, три серые глыбы. И очень старые. Они ведь стоят уже почти шесть сотен лет. А на другой стороне ущелья — скопище огней, Монте-Карло, разукрашенное, словно наряд придворного шута, и недолговечное, словно радуга.

— Как красиво вы говорите! — воскликнула Сабина.

— Но не так красиво, как в реальности, — ответил мистер Рочдейл. — Когда-то люди напишут историю о громадном предприятии Франсуа Блана, и она будет куда более захватывающей, чем любой роман. Представьте себе только, что в этом году Монте-Карло посетила уже сотня тысяч человек, а ведь всего лишь несколько лет назад крупье приходилось стоять перед казино и глядеть на дорогу в подзорные трубы, чтобы увидеть, не появится ли вдалеке дилижанс с несколькими драгоценными игроками?

— Вы были здесь в то время?

— Был. Принц Чарльз мой давний друг, и мне посчастливилось дать несколько дельных советов касательно и самого казино, и восстания, которое однажды вспыхнуло среди жителей Монако.

— Восстания? — спросила Сабина. — Им не нравилось казино?

— Они полагали, что получают недостаточно прибыли. Как и весь остальной мир, они были жадные.

— Вы говорите так, словно все мы отмечены этим грехом, — упрекнула его Сабина.

— А разве им не страдает большинство из нас? — парировал мистер Рочдейл. — Нам вечно чего-то не хватает — власти, денег, привязанности. Нам всегда нужно больше.

— Да-а, полагаю, так оно и есть, — задумчиво протянула Сабина.

— Вместо того чтобы говорить слово «привязанность», не лучше ли было сказать «любовь»? — спросил мистер Рочдейл. — Мы все

хотим любви — богатые и бедные, старые и молодые. Любовь словно солнечный свет, и люди, которые лишены ее, обречены на темноту.

Сабина взглянула на него. Он улыбался, но его серые глаза оставались серьезными.

«Мне он нравится, — подумала она про себя. — Мне он нравится, и, если он действительно любит Сесиль, ей повезло».

Тем временем Сесиль смеялась, флиртуя с Шерри. Наконец она повернулась к Сабине и спросила:

— Вы уже ужинали? Давайте все вместе спустимся вниз.

Сабина забеспокоилась:

— А не будет ли Артур в претензии, что я ушла без него?..

— Нет, не будет, — вставил Шерри. — Он сопровождает членов королевской семьи. Я уверен, поскольку видел толпу придворных, и Зануду вместе с ними, которая вышла из бальной залы около двадцати минут назад.

— Что ж, тогда все в порядке, — улыбнулась Сабина.

— Пойдемте, я уже умираю от голода, — . взмолилась Сесиль.

Она взяла Сабину за руку, и они направились вдоль по коридору, украшенному великолепной коллекцией картин, к огромной банкетной зале. Девушки скоро намного опередили своих кавалеров, и Сабина прошептала:

— Я надеюсь, тебе нравится лорд Шерингем.

— Он весьма обаятелен, — ответила Сесиль. — Но очень молод.

— Молод? — переспросила Сабина. — Да он такого же возраста, что и Артур.

— Неужели! Но мне кажется, что пожилые люди мыслят куда оригинальнее, молодые же так утомительны со своим энтузиазмом и склонностью говорить только о себе.

Сабина с удивлением взглянула на нее и улыбнулась:

— Мне мистер Рочдейл тоже показался обаятельным.

Ужин прошел весело и шумно: Шерри и мистер Рочдейл старались перещеголять друг друга, рассказывая разные забавные истории, и смеялись, пока у них не закололо в боку от смеха. На другом конце залы члены королевского окружения, куда входил и Артур, ели тихо и чинно, и Сабина, пару раз бросив взгляд в том направлении, была благодарна судьбе за то, что родилась не знатной леди.

Подумав об этом, она вспомнила, что скоро настанет день, когда она, как и Артур, будет суетиться вокруг их королевских высочеств. Перед взором Сабины вдруг представилась чередя вечеров, на которых она должна будет поддерживать разговор с людьми, с которыми у нее так мало общего, вечеров, на которых будет царить только сдержанность и угнетающая неискренность и где не будет места веселью и беспечной шутке.

Она слышала рассказы о том, какими скучными были члены двора в Виндзоре, и, хотя принц Уэльский любил повеселиться, на публичных приемах он тоже мог быть официальным и царственным.

Сабина обнаружила, что невольно завидует Сесиль и мистеру Рочдейлу. Тот рассказывал истории про людей, которых он встречал в своих путешествиях; особенно смешным показался его рассказ об экономии в немецком замке и, по контрасту, о щедрых увеселениях, которыми угощают гостей в России.

Как же будет отличаться жизнь Сесиль от ее! И все же не далее как сегодня днем Сесиль жаловалась, что ей приходится выходить замуж за мистера Рочдейла, в самом мрачном свете расписав те несчастья, которые ей принесет этот брак. Действительно, он был намного старше ее подруги, но и другое было очевидно для Сабины — его жизненный опыт так многому мог научить {молодую девушку.

Мистер Рочдейл продолжал говорить о других странах, пока Сабина не спросила:

— А вы когда-нибудь были в Венгрии?

— Ну разумеется, — ответил он. — Среди венгров у меня много хороших друзей. Это обаятельные, добрые и отзывчивые люди. Они любят хорошее вино, прекрасную музыку и красивых женщин.

— Не сомневаюсь, — улыбнулась Сабина. — Я... я однажды встретила венгра. Он сказал мне несколько очень очаровательных и добрых слов, но мне было интересно, можно ли ему верить и говорил ли он правду.

— Если он говорил очаровательные вещи вам, тогда вы можете верить каждому его слову, — галантно склонил голову мистер Рочдейл.

Сабина покраснела:

— Я не совсем это имела в виду. Мне просто интересно...

— Умеют ли они льстить, как ирландцы? — закончил за нее мистер Рочдейл. — На этот вопрос мне трудно ответить. Как бы это

сказать? У венгров сильные и глубокие чувства. Все, что они делают, — сплав разума и велений сердца. Если они ненавидят, они ненавидят с силой и страстью. Если они любят, то любят до безумия. Это вы хотели

узнать?

— Кто тот венгр? — спросил Шерри, который слушал их разговор. — Черт побери, я ужасно ревную.

— О, это случайный знакомый, — ответила Сабина, но не могла не покраснеть.

Сесиль тихонько хихикнула и спросила:

— А Артур знает про него? Это он должен ревновать, а не лорд Шерингем.

— Ты делаешь из мухи слона, — возразила Сабина. Я спросила мистера Рочдейла о характере этого народа просто из любопытства.

— Глупости! — отрезала Сесиль. — Но мы не будем тебя дразнить, дорогая, потому что я сама не люблю, когда меня дразнят.

— Это я запомню, — сказал мистер Рочдейл. Сесиль надула губки, но продолжала улыбаться, а в ее глазах зажегся огонек, который раньше Сабина в них не замечала.

«Мне незачем о ней беспокоиться, — подумала про себя Сабина. — Она просто слишком драматизировала ситуацию и чересчур сгустила краски».

Они продолжали говорить и смеяться и заметили, что королевское окружение уже покинуло залу, только тогда, когда Артур подошел к ним и встал за спинкой кресла Сабины. Она вздрогнула.

— Моя мать уехала некоторое время назад, — сказал он чопорно. — Ей захотелось наведаться в казино. Я пообещал ей, что отвезу тебя домой, когда ты захочешь.

— Ты хочешь ехать прямо сейчас? — спросила Сабина.

— Пожалуй, уже пора, — ответил Артур, взглянув на часы на камине.

— Глупости, Зануда. Не порть удовольствия другим, — по-детски надулся Шерри. — Присядь с нами, выпей вина. Мистер Рочдейл рассказывает нам истории, от которых надорвешь животики от смеха.

— Мне кажется, вы не знакомы с мистером Рочдейлом, Артур, — насторожилась Сабина.

Мужчины пожали друг другу руки, и, уступив настойчивым уговорам Шерри, Артур подсел к их столику. Но с его приходом, казалось, исчезла вся веселость. Если раньше разговор тек с непринужденностью, все желали говорить и едва могли дожидаться паузы, чтобы перехватить инициативу, то теперь за столом воцарилась сдержанность.

Артур же, казалось, не понял, что каким-то образом оказался помехой веселью. Он начал говорить о планах королевской четы на следующий день, и Сабина заметила, как Шерри подавил зевок.

— Я думаю, ты прав, Артур, — сказала она. — Мне пора отправляться домой.

Было очевидно, что Артур очень хотел уйти. Сабина пожала руки мистера Рочдейла и Шерри, поцеловала Сесиль и, взяв свою накидку, вышла с Артуром в вестибюль. У тяжелых массивных дверей маршировал взад-вперед почетный караул, а рядом стояла пушка, смотрящая дулом на море.

Сабина села в карету, и лакей с припудренными волосами накрыл ее колени пледом.

— Это был прекрасный прием, — сказала она, когда карета покатилась.

— Я рад, что тебе понравилось, — сказал Артур. — Хотя я не могу не сожалеть о том, что ты не нашла себе более подходящего партнера по танцам, чем этот молодой прожигатель жизни Шерингем.

— Ты несправедлив к Шерри, — с укором сказала Сабина. — Мне казалось, что вы друзья, раз вы вместе учились в Итоне.

— Мы вместе ходили в школу, и я часто встречал его в Лондоне, — уточнил Артур. — Но Шерингем — безответственный молодой повеса, который тратит свое время зря.

— А что бы ты хотел, чтобы он делал? — спросила Сабина.

— То, что делают все мужчины его возраста. Возьми меня, например, — ответил Артур.

— Но у тебя, возможно, были исключительные возможности занять такое положение, — ответила Сабина. — Твой отец состоял при дворе. Ты просто занял его место.

— Да, в какой-то степени, так и было, — кивнул Артур. — Но я горжусь тем, что сам сделал свою карьеру. У моего отца, когда ему

было столько же лет, сколько мне сейчас, было далеко не такое положение, как у меня.

— Тебе понравился мистер Рочдейл? — спросила Сабина, искренне опасаясь, что еще чуть-чуть, и их разговор опять превратится в спор.

— Я едва заметил его, — ответил Артур. — Кто он? Ты что-нибудь о нем знаешь?

— Нет, немного, — ответила Сабина. — Кроме того, что он должен жениться на Сесиль Мейсон и что он банкир, как и ее отец, мне больше ничего не известно.

— Боже правый, ты хочешь сказать, что это и есть Рочдейл? Тот самый Рочдейл? — воскликнул Артур. — Почему же ты мне не сказала это раньше? Принц только вчера вечером говорил о нем. Я и понятия не имел, что он в Монте-Карло.

— Он друг его королевского высочества? — поинтересовалась Сабина.

— Да, он близко знаком с принцем, — уклончиво ответил Артур. — И я должен немедленно доложить его королевскому высочеству, что он здесь. Ты не знаешь, где он остановился?

— Нет, жаль, но я не знаю.

— Наверняка в гостинице «Отель де Пари». Это хорошие новости. Принц будет очень рад. Жаль, что ты не сказала мне об этом чуть раньше, тогда бы я мог что-нибудь сказать ему, подготовить к вызову принца.

— Я произнесла его имя достаточно четко, — пробормотала Сабина.

— Да, но имя Рочдейл еще ничего не значит. Кроме того, я не ожидал встретить его вместе с тобой.

— Нет, разумеется, нет!

Сабина вновь почувствовала себя униженной и такой никчемной. Как хорошо, что ей и Шерри удалось провести несколько часов в обществе мистера Рочдейла, и, судя по тому, как он старался их развлечь и рассмешить, было очевидно, что он все же счел их достойными людьми.

Лошади уже поднимались вверх по склону холма в Монте-Карло, когда Сабина нежно прикоснулась к руке Артура.

— Я правда хочу быть тебе помощницей во всем, — ласково произнесла она. — Я хочу делать то, что нужно, я хочу, чтобы ты мной гордился.

Артур сжал ее руку в своих и засмеялся.

— Не думаю, что ты сможешь мне помочь, Сабина, — ответил он. — Это навряд ли в твоих силах, но, если ты будешь делать то, что я скажу, и прислушиваться к тому, что я говорю, я уверен, мы прекрасно поладим.

Сабина постаралась подавить вздох разочарования. Почему-то такой ответ отнюдь ее не удовлетворил.

У дверей виллы Артур поцеловал ее, пожелав спокойной ночи, и помог выйти из кареты.

— Ты разве не зайдешь? — спросила она. Ей, как ни странно, не хотелось, чтобы он уезжал, ведь иначе она останется одна.

— Моя дорогая, в такой-то час? — спросил Артур, явно пораженный подобным предложением своей невесты. — Мы не должны забывать о репутации, разве не так?

— Нет, разумеется, не должны, — торопливо согласилась Сабина.

Она вошла в двери, которые распахнул для нее лакей, а Артур сел обратно в карету. Через мгновение раздался стук колес. Он уехал.

— Ее светлость уже вернулась? — спросила Сабина дворецкого.

— Нет, мисс. Только через полчаса ее светлость встанет из-за игорного стола.

— Спокойной ночи, Бейтс.

— Спокойной ночи, мисс.

Сабина стала неторопливо подниматься по лестнице. Она чувствовала себя такой одинокой. Может быть, это от усталости, подумала она, или же просто реакция на переизбыток эмоций.

Она распахнула дверь в свою спальню. На туалетном столике и у кровати горели свечи. Ивонна предложила подождать ее, но Сабина отказалась. Она не привыкла к тому, чтобы ее ждали служанки. Ей было бы противно думать, что девушка, которая проработала весь день, будет сидеть долгие часы в ожидании ее возвращения.

Она закрыла за собой дверь. Пламя свечей дрожало на ветру из распахнутого окна, и мягкие атласные занавески едва заметно колыхались. Сегодня она не будет смотреть на лунный свет, подумала Сабина. Кроме того, интуиция подсказывала ей, что там никого нет.

Должно быть, после танца цыганский король вернулся к своим. Он сказал, что она была единственной причиной, по которой он пришел во дворец.

Мистер Рочдейл сказал, что венгры любят с великой страстью. О да, она могла в это поверить. Когда цыган говорил о любви, его голос становился низким и в нем проскальзывали дрожащие нотки, которые заставляли сердце Сабины биться быстрее, а дыхание становиться порывистым.

Она прошла по комнате, и вдруг ее взгляд упал на кровать. Что-то лежало на подушке. Это был букет роз, красных роз, еще в бутонах. Стоило ей взять его в руки, как аромат, казалось, наполнил всю комнату. К ним была прикреплена маленькая карточка. На ней четким, красивым почерком были написаны всего два слова: «Для Персефоны».

Сабина долго смотрела на эту карточку, а затем спрятала лицо в цветы. Он, должно быть, украл их в саду, залез по деревянной лестнице на балкон, прополз по нему к ней в комнату и положил букет на подушку. Она подумала о том, как он рисковал. Если бы его поймали, его бы немедленно арестовали как грабителя, как человека, который залез в дом с явным намерением что-то украсть. Никто бы не понял и не поверил, что у него были совсем иные причины и цель.

При мысли о том, что он был в ее спальне, сердце Сабины забилось быстрее. Когда он стоял здесь, представлял ли он себе, как она лежит на этой кровати и спит? Думал ли он о том, что она почувствует и подумает, когда вернется с бала и найдет его подарок и карточку, подписанную его рукой? Она закрыла глаза и вспомнила звук его голоса и бессознательное, пугающее чувство, которое охватило ее, когда он сказал, что желает зарыться лицом в ее волосы.

Знал ли он, какую бурю поднял в ее душе? Почему, почему, спрашивала она себя, он имеет власть над ее чувствами, почему по ее венам начинает бежать вино, а не кровь, когда она думает о нем?

Интересно, а другие женщины, которых он касался, испытывали ли они то же самое? Так же не могли устоять перед его магнетизмом? Во всех ли женских сердцах возбуждал он тот же пленительный трепет? Сабина взглянула на розы. Какие они красивые! И как ни странно, она поняла, почему он выбрал именно их.

Красные розы в бутонах! Они всегда были символом любви!
Неужели он думал, что внутри нее распускается бутон любви? К
нему?!

Глава 8

Сабина сидела в саду под крышей маленького лет — него домика, который был расположен в конце живописной тропинки. Вокруг пестрели пышные розовые кусты, клумбы со сладко пахнущим цветущим розмарином и изгородь из чойсии. А по высокой каменной стене за ними ниспадал каскад плетей алых гераней, выделяющихся на фоне ослепительной голубизны неба, которое смотрелось в мерцающую водную гладь — вплоть до самого туманного горизонта.

Леди Тетфорд прилегла отдохнуть, но Сабине жаль было потратить даже час на сон или уединение в четырех стенах своей спальни; оторвавшись от такой красоты, она спустилась в сад, взяв с собой письма из дома, которые доставили с утренней почтой.

Она успела только просмотреть их — они с леди Тетфорд собирались на прогулку в карете, и она не осмелилась заставлять себя ждать. Теперь у нее было время прочитать их медленно, посмаковать каждое слово короткого, но забавного послания Гарриет и длинного, подробного послания мамы, где она сообщала обо всем, чем они занимались в родном доме после ее отъезда.

Стоило ей развернуть убористо исписанные листки, как вся ее семья предстала перед ее глазами. Вот сидит за столом мама, ее голова немного склонена к плечу. Она старается подобрать нужное слово. А вот Гарриет строчит письмо на обрывках бумаги» которые она нашла в ящике со школьными учебниками — там всегда царил ужасный беспорядок.

«Я ужасно несчастна без тебя», — писала Гарриет, но, хоть это и было лестно ей, Сабина прекрасно понимала, что Гарриет никогда не бывает несчастной слишком долго. Наверняка сейчас она лопается от радости и энтузиазма, вспоминая о событиях дня прошедшего или уже предвкушая новые удовольствия дня грядущего.

Сабина положила письмо и вздохнула. Она тоже скучала по Гарриет. Так весело жить с кем-то, кого ты любишь, иметь возможность поговорить, разделить маленькие радости и горе, все, что случается каждый день, и, если человек умеет ценить эти мгновения, они превращают его жизнь в постоянное приключение.

Если бы Гарриет была здесь, подумала она. Если бы Гарриет могла видеть красоту Монте-Карло, познакомиться со всеми теми интересными и остроумными людьми, которыми окружила себя леди Тетфорд, могла ходить на приемы, балы, в казино! Ей бы это непременно понравилось, и она имела бы немалый успех!

Ладно, подумала Сабина. Когда она выйдет замуж, она будет видеть свою Гарриет очень часто. Ни одной из ее сестер не придется первый раз выходить в свет под наблюдением тетушки Эдит, как пришлось ей. Гарриет остановится у нее, она даст ей красивую одежду и найдет ей влиятельного и интересного мужа. Нет, Гарриет ни за что не выйдет замуж за человека, который ей не нравится, — в этом Сабина была уверена. Ее сестра решительная и волевая девушка и ни за что не примет предложение руки и сердца, каким бы выгодным оно ни было, если не будет полностью уверена в том, что мужчина, о котором идет речь, — человек, достойный ее уважения и любви.

Мысли Сабины постепенно перенеслись от Гарриет на нее саму. Вздвогнув, она снова взяла в руки свои письма. Даже легкое прикосновение к ним будило в ее сердце тоску по дому. Ничто на свете, даже самое заманчивое и пленительное, не может заменить ей любовь родного дома.

Сабина вспомнила их большую убогую гостиную, девушек, собравшихся вокруг камина, и папу, читающего вслух, ее собственную спальню, которую она делила с Гарриет, их маленькие, покрытые белым покрывалом кровати, стоящие бок о бок, окно, которое выходило на маленький участок пастбища, где Бенджамин, их толстый пони, мирно пасся на сочной зеленой траве. Не успела она обо всем об этом подумать, как ей тут же захотелось плакать.

Какая она смешная! Сабина даже вскрикнула от досады на свою глупость и неблагодарность. Подняв голову, она увидела, что к ней идет лакей. Она собрала свои письма и подождала, пока он не приблизится.

— В чем дело, Джеймс? — спросила она, когда он подошел достаточно близко.

«Наверное, леди Тетфорд ждет меня», — подумала Сабина.

— Вас хочет видеть какой-то джентльмен, мисс.

— Джентльмен! — воскликнула Сабина. — Он не назвал своего имени?

— Нет, мисс. Но он спрашивал именно вас и сказал, чтобы я не беспокоил ее светлость.

Кто бы это мог быть? — ломала голову Сабина. Шерри бы непременно назвался, это точно.

— Этот джентльмен в морской форме, мисс, — отважился Джеймс.

В морской форме! Сабина взглянула на лакея с удивлением. Это не может быть — или может? Она вскочила на ноги.

— Я немедленно вернусь в дом, Джеймс, — сказала она и бегом бросилась через сад.

Приблизившись к дому, она оглянулась на Джеймса, который следовал за ней:

— Этот джентльмен в гостиной, Джеймс?

— Да, мисс.

Сабина срезала угол по лужайке, пересекла террасу которая тянулась вдоль гостиной, и вошла в комнату через французское окно. У камина стоял высокий человек в морской форме. Сабине хватило одного взгляда, чтоб узнать его, и с криком радости она бросилась к нему, раскинув руки:

— Гарри! Гарри! Почему ты мне не сказал? Почему ты мне не дал знать, что приедешь?

Гарри заключил свою сестру в объятия и нежно расцеловал ее в обе щеки. Затем, немного отстранив ее от себя, оглядел ее с головы до пят. От его пытливого взгляда не укрылись ни ее горящие глаза, ни модно уложенные волосы, ни платье из голубого тарлатана, украшенное оборками и кружевом. Наконец он поджал губы, явно намереваясь присвистнуть.

— Ты выглядишь превосходно и так изысканно! воскликнул он.

— Как тебе кажется, я действительно хорошо выгляжу? — спросила Сабина.

— Я едва узнал тебя, — ответил он. — Ты действительно очень мало похожа на мою прежнюю маленькую Сабину. Мне поклониться вам, мисс, или вы предпочли бы, чтобы я поцеловал вам руку?

— Не смей меня. Я все та же, правда. Просто леди Тетфорд сделала из меня модницу. Но давай не будем говорить обо мне. Расскажи лучше о себе. Как ты здесь оказался?

— Мой корабль стоит в порту, — ответил Гарри.

— Корабль на службе ее величества — «Великолепный»! — воскликнула Сабина. — Как чудесно! Но почему же ты не дал мне знать, что собираешься приехать в Монте-Карло?

— Мы сами этого не знали до вчерашнего дня, — ответил Гарри. — Мы встали на якорь около полудня, но, сказать по правде, сестренка, я был не уверен, захочешь ли ты меня видеть.

— Гарри, что ты хочешь этим сказать? — возмутилась Сабина.

— Ну ты же знаешь. Мама написала мне, какая ты теперь знатная миледи, живешь у леди Тетфорд и Артура и общаешься с принцем и принцессой Уэльскими. Я не подхожу для таких вещей и потому не хотел навязываться.

— Навязываться! Клянусь, Гарри, я в жизни не слышала подобной чепухи. Как я могла не захотеть тебя видеть? Кстати, когда лакей доложил, что ты здесь, я как раз читала письма от мамы и Гарриет и всем сердцем желала, чтобы они были со мной. Я прекрасно провожу время, это правда, но это не то же, что быть со своей семьей.

— Ты все такая же, сестренка, — одобрительно хмыкнул Гарри. — Хотя и выглядишь как леди с обложки женского журнала.

Гарри был похож на отца. Высокий и очень красивый, а его искренняя манера общения делала его еще обаятельнее. В нем проглядывала прямая и честная натура, благодаря чему люди охотно шли к нему со своими откровениями. А дети и собаки вообще в нем души не чаяли. Сабина подумала, что в морской форме он выглядит еще красивее, но она слишком хорошо знала своего брата и промолчала: вырази она ему своё восхищение, как он тут же смутится и попросит, чтобы она немедленно замолчала.

— Что ты думаешь о Монте-Карло? — спросила она. — Ты здесь бывал раньше?

— Нет, никогда, — ответил Гарри, подошел к двери и, к удивлению Сабины, проверил, хорошо ли она заперта. — На самом деле, сестренка, — шепотом сказал он, — у меня тут некоторые неприятности.

— О, Гарри! Что случилось?

Он смутился. Проявив такт, она взяла его за руку и подвела к дивану у окна.

— Присядь-ка и расскажи мне все.

— Это безнадежно, — призвался он.

— Гарри! Что же ты натворил?

Гарри сглотнул комочек и выложил всю правду:

— Я проиграл немного денег в казино.

— Когда? — спросила Сабина.

— Вчера вечером. Я сошел на берег с двумя товарищами. Сперва подумал, не повидаться ли с тобой, но не был уверен, какой мне окажут прием, и мы поужинали в маленьком ресторанчике, а потом пошли в казино. Я вообще не хотел играть. Клянусь, сестренка, я даже об этом не думал. Но потом я немного понаблюдал и решил, что это такой легкий способ заработать! Это словно околдовало меня.

— Понимаю, — сказала Сабина. — Многие люди поддаются этим чарам.

— Но это опасное очарование, теперь я это понимаю, — горестно сказал Гарри.

— Сколько ты проиграл? — спросила Сабина.

— Не думаю, что могу осмелиться назвать тебе эту сумму.

— Не будь смешон, Гарри. Говори же.

— Ну... это достаточно крупная сумма.

— Сколько? — повторила свой вопрос Сабина. Гарри набрал воздуха в грудь и выпалил:

— Около сотни фунтов.

Мгновение Сабина молча смотрела на него, не веря своим ушам, а потом, когда ей удалось наконец перевести дух, она задумчиво повторила:

— Сотня фунтов...

— Да, я знаю. Не смотри на меня так, сестренка. Я был дураком, проклятым дураком, но это еще не самое худшее.

— Худшее? — переспросила Сабина.

— Да, худшее. Видишь ли, сначала я немного выигрывал, а потом начал проигрывать, но я был уверен, что обязательно смогу отыграться. У меня почти кончились деньги, так что я обналичил чек. Управляющие казино позволили мне это сделать потому, что я офицер Королевского флота.

— Но, Гарри, у тебя же нет сотни фунтов в банке! — воскликнула Сабина.

— Да, я знаю. Конечно, у меня их нет. Я же сказал, я был уверен, что смогу вернуть проигранное, но не получилось.

Сабина всплеснула руками:

— Ты хочешь сказать, что они отошлют чек в банк и...

— А на нем ничего не будет, — мрачно закончил за нее Гарри. Он поднес руки ко лбу: — Я, должно быть, с ума сошел. На самом деле я много выпил. Я полагаю, это опьянение заставило меня верить, что все будет хорошо, «о я выиграю деньги и верну чек. Теперь я потеряю свое офицерское звание.

— О, Гарри, не может быть, чтобы все было так плохо.

— Может. От офицеров армии ее величества не ожидают, что они будут раздавать поддельные чеки. А если они так делают, они должны отвечать за последствия.

— Но... но что скажет папа?

— Ты думаешь, я об этом не беспокоюсь? — спросил Гарри, абсолютно несчастный.

— Он этого не переживет, — воскликнула Сабина. — И мама тоже. Они так гордятся тобой, Гарри. О, я знаю, ты всегда хотел пойти в кавалерию, но, когда папа не смог себе этого позволить, ты не устроил скандал, да и у тебя так хорошо шли дела, они просто восхищены твоей службой.

— Не растравляй рану, сестренка, — прохрипел Гарри.

— Мы должны сделать так, чтобы они об этом никогда не узнали, — сказала Сабина. — На самом деле я не вижу причин, чтобы это стало им вообще когда-нибудь известно, если мы сможем вернуть чек прежде, чем управляющие казино отошлют его в банк.

— Но где нам взять сотню фунтов? — спросил Гарри.

— Мне придется попросить... Артура, — медленно вымолвила Сабина.

— Ты думаешь, что сможешь? Нет, я не имею права просить тебя об этом. Нечестно заставлять тебя чувствовать себя неловко из-за меня и стыдиться брата. Но — я не знаю, что еще делать.

— Да, разумеется, я должна попросить Артура, — решительно заявила Сабина. — Сотня фунтов для него — ничто. Он так богат, и, кроме того, он не захочет скандала. Ведь он как-никак собирается на мне жениться.

— Я верну ему деньги, обещаю, я верну, — сказал Гарри. — Это займет некоторое время, пока я буду выплачивать их из своего жалованья, но я смогу.

— Сотня фунтов, — вздохнула Сабина. — Да хоть миллион. У нас все равно нет таких денег. Единственный человек, у кого мы можем одолжить такую сумму, — Артур!

— Ты думаешь, он не будет возражать? — спросил Гарри.

Нет-нет, я уверена, он поймет, — ответила Сабина, но в ее голосе звучало сомнение. — В конце концов, он никогда не знал, что значит жить в бедности, не иметь возможности делать то, что другие люди делают... с такой легкостью. Гарри вздохнул.

— Как хорошо, что ты все понимаешь! — воскликнул он. — Так было всегда. Я всегда самый бедный среди моих друзей. Я никогда не мог позволить себе угостить кого-нибудь ужином, никогда не делал того, что делали другие. Я не жалею, честно, не жалею, Сабина. Прошлой ночью я был идиотом, но я не думал, что мне так уж не повезет.

— В конце концов банк всегда выигрывает, — сказала Сабина. — Я слышала, так говорили люди, которые здесь живут и которые ходят в казино каждую ночь.

— И все же кому-то везет, — ответил Гарри. — Вчера вечером за игорным столом был мужчина, который сделал максимальную ставку на одно и то же число три раза подряд, и каждый раз оно выпадало. У меня было чувство, что и я могу так же, но, как ты знаешь, у меня ничего не вышло.

— Бедный Гарри! Мне почему-то кажется, что никто из нашей семьи никогда не будет зарабатывать много денег.

— Ты будешь богата.

— Наверное, — сказала Сабина. — Как бы мне хотелось, чтобы это несчастье произошло после того, как я вышла замуж. Возможно, тогда бы я смогла дать тебе денег, не прося Артура.

Гарри пытливо взглянул на нее:

— Послушай, сестренка. Если это тебя слишком уж огорчает, я сам как-нибудь выкручусь. Я напишу папе и расскажу ему всю правду. Полагаю, он сможет где-нибудь раздобыть денег.

Но сотня фунтов! Как? Конечно, можно пойти к сквайру или к кому-нибудь другому, но он скорее умрет, ты же знаешь. Единственное, что у нас есть и что представляет хоть какую-то ценность, — это лошади, но ты же не можешь требовать от него, чтобы он их продал.

— Продать лошадей! — ахнул Гарри. — Что ты, папа никогда на это не пойдет.

— Ему придется так поступить, если от этого будет зависеть твое спасение, — уверенно заявила Сабина. — Но этого нельзя допускать, Гарри. Папа будет так огорчен, не столько потерей денег, а тем, что ты был так глуп, что позволил ввести себя в заблуждение. Ты это знаешь.

— Да, я знаю, сестренка. Но и мне надо иногда повеселиться. Я не был на берегу столько времени и в течение целых шести месяцев не видел ни одной красивой женщины. Ты же знаешь, что мы ходили к берегам Африки — а там ничего нет, кроме негров и москитов, от укусов которых вздувается шишка величиной с бильярдный шар.

— О, бедный, бедный мой Гарри, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Я поговорю с Артуром. Все будет хорошо.

— Когда ты его увидишь? — спросил Гарри.

— Он приедет сюда в четыре часа.

— Ты тогда его и спросишь?

— Я спрошу его, как только он появится.

— Как ты думаешь, как мне лучше поступить? Побывать где-нибудь поблизости, пока он не уйдет?

Сабина задумалась.

— Пойдем посидим в саду, — наконец сказала она. Я скажу Джеймсу, чтобы он меня позвал, когда придет Артур. Ты можешь подождать. Артур даст тебе деньги, ты немедленно заплатишь в казино свой долг и тогда сможешь порвать чек.

— Это звучит утешительно, — ответил Гарри. — Но мы должны подождать и посмотреть, что все же скажет Артур.

Пойдем в сад, — предложила Сабина. — И давай поговорим о чем-нибудь другом, а не об этих гадких деньгах. Мне бы хотелось, чтобы ты не выбрасывал их на ветер за этими ужасными игорными столами.

— Но ты не хочешь этого так же сильно, как этого хотелось бы мне! — воскликнул Гарри в сердцах. — Ты точно уверена, что можешь попросить Артура, Сабина?

— Мне это не очень нравится, — честно признала девушка. — Но ведь у нас нет другого выхода, не так ли?

— Я все думал и думал, — вздохнул Гарри. — А когда осознал, что натворил, то чуть было не выбросился за борт.

— Всю нашу жизнь бедность, словно занесенный топор палача, висела над нашими головами, — вздохнула Сабина. — Богатые люди не понимают, насколько им повезло, что они не спят ночей напролет, придумывая, как им изыскать денег, чтобы расплатиться с долгами.

— Говорят, что деньги — это проклятие, — заметил Гарри. — Но все равно я бы от них не отказался. — Он обнял Сабину и прижал к себе. — Ты у меня молодчина, сестренка, — всегда такой была, — и мне больно взваливать на тебя свои беды.

— Я была бы на тебя зла, если бы ты мне ничего не рассказал, — заверила его Сабина. — Это и значит быть частью одной семьи — находиться рядом, когда что-то не так, помогать друг другу.

— Да, ты молодчина, — повторил Гарри. — Мне становится плохо от одной мысли о том, что мне придется обо всем рассказать папе.

— Бедный папа, он никогда этого не поймет, — сказала Сабина. — Мама не такая. В ее семье все были азартными игроками. Наш дедушка или наш прадедушка, кто-то из них был регентом и проиграл все семейное состояние. — Сабина вдруг смолкла и закрыла рот рукой. — Гарри, ты не думаешь, что это у нас в крови?

— Уверен, что нет, — ответил Гарри. — Даю тебе слово, сестренка, если ты вытащишь меня из этой ямы, я больше никогда не буду играть.

— Никогда?

— Вот тебе крест, и умереть мне на этом месте, если я лгу, — сказал он. Это была торжественная клятва, которую они всегда приносили, когда были детьми.

— Я тебе верю, — улыбнулась Сабина. — А теперь пойдём в сад.

Она провела два счастливых часа, разговаривая с Гарри, но, вернувшись на виллу, когда лакей сообщил ей что прибыл Артур, Сабина была бледна и встревожена.

Пообещать Гарри попросить у Артура помощи было легко, а вот рассказать все ему самому — очень, очень трудно. Сабина продолжала уверять себя, что он поймет, что он поведет себя так, как повел бы себя любой член ее семьи, узнай он, что кто-то попал в беду, но в глубине души она знала, что реакция Артура будет совсем иной.

Она не стала входить в гостиную через французское окно, как сделала, когда узнала о приезде Гарри. Сейчас, и потому, что это

требовало больше времени, и потому, что так было солиднее, она обошла дом по тропинке и вошла на виллу через калитку в саду. Она немного помедлила в холле, пригладив волосы перед зеркалом, а затем, вдруг почувствовав озноб и пустоту внутри, вошла в гостиную.

— Добрый вечер, Сабина.

Артур стоял у окна, глядя на залитый солнечным светом сад. Когда она вошла, он повернулся и протянул ей руку. Сабина подошла к нему и подставила личико для поцелуя.

— Я должен принести свои извинения, я на несколько минут опоздал, — сказал Артур. — Его королевское высочество попросил меня посидеть с ним после обеда. Мы разговорились, и я совсем забыл о времени.

Несомненно, в голосе Артура звучало удовлетворение, и Сабина воспряла духом, увидев, что он был в прекрасном настроении.

— Расскажи мне еще, — попросила Сабина. — Что вы Я бы, наверное, злоупотребил доверием его королевского высочества, если бы поделился подобной информацией, — ответил Артур. — Нет, ты не должна выпытывать у меня секреты. Членам королевской семьи приходится быть исключительно осторожными, и, если, когда мы поженимся, я ненароком упомяну вещи, которые касаются моего положения при дворе, ты должна постараться никогда ни с кем не заговаривать о том, что слышала от меня, — даже со своей семьей.

— Да, конечно, я понимаю, — сказала Сабина.

— И будешь осторожна? — спросил Артур.

— Да, обещаю.

— Хорошо. А теперь скажи мне, каковы твои планы на вечер.

— Прежде я хочу тебя кое о чем попросить, Артур, — сказала Сабина очень тихо.

— В чем дело?

— Это очень важно для меня, — залепетала Сабина. — Один... из членов моей семьи... попал в беду.

— В беду? — резко переспросил Артур. — В какую беду?

Его голос был суров, в глазах появилась настороженность, которой раньше в них не было.

— Это Гарри, — сказала Сабина.

— Гарри! Я думал, твой брат в море.

— Его корабль здесь, в порту.

— Ну конечно же, корабль на службе ее величества, «Великолепный»! Сегодня утром я видел, как он заходил в порт. Я думаю, власти сочли, что, раз его высочество находится в Монте-Карло, естественно, что главный корабль флота ее величества должен быть где-то поблизости. Теперь-то я припоминаю, ты ведь говорила мне, что твой брат служит на борту «Великолепного».

— Да, я правда тебе это говорила, — отозвалась Сабина. — А ты помнишь, как однажды я показала тебе его фотографию и ты сказал, какой он красивый и как хорошо он смотрится в форме?

— Прости, таких деталей я не помню. Но не обижайся. Расскажи же мне, что произошло.

— Вчера вечером Гарри пошел в казино... — пробормотала Сабина.

— Ну и?..

— Он проиграл энную сумму денег. Много денег.

— Неужели! Ему потребуется немало времени, чтобы выплатить свой долг. Насколько я знаю, услуги младших лейтенантов не очень-то щедро вознаграждаются.

— Гарри готов вернуть каждый пенни! — пылко отозвалась Сабина. — Он человек долга. Но к несчастью, он не может выплатить все деньги сразу. Это займет некоторое время, возможно годы.

— Неужели! — повторил Артур. — А не надоест ли ему это?

— Прошу тебя, постарайся понять! — в отчаянии вое кликнула Сабина. — Понимаешь ли, деньги, которые он проиграл, нужно вернуть немедленно.

— Сколько он проиграл? — спросил Артур.

— Около сотни фунтов, — ответила Сабина и в смущении отвела глаза.

Сейчас сумма казалась ей еще большей, нежели когда она впервые услышала о ней от Гарри. Одна сотня фунтов! Это почти столько же, сколько они тратили на еду в доме священника в год. Это было больше, чем папа заплатил за всех своих лошадей, а они, естественно, были куплены не все сразу, а по одной.

Наступила долгая пауза. Наконец Артур произнес:

— Твой брат, очевидно, слишком увлекся игрой, для офицера это недопустимо. Ты должна передать ему мои соболезнования по поводу

постигшего его несчастья или, лучше бы сказать, глупости.

Сабина взглянула Артуру в лицо:

— Прошу тебя, Артур... пожалуйста, помоги нам.

— Помочь вам? — переспросил он. — Что же вы от меня хотите?

— В казино Гарри дал чек. Он думал, что обязательно вернет проигранные деньги... Вместо этого... он... проиграл все остальное. У него нет столько денег в банке, и, если обнаружится, что он... намеренно выписал чек, который... нельзя обналичить, ему придется уйти в отставку. О, прошу тебя, Артур... не допусти, чтобы это случилось!

— Твой брат должен был думать об этом раньше, ответил Артур ледяным тоном.

— Он потерял голову. Он плавал вдоль берегов Африки шесть месяцев. Я прекрасно могу себе представить, как это произошло. Он хорошо поужинал, выпил, и рулетка показалась ему такой легкой, такой простой игрой, что он подумал, что сумеет выиграть много денег, — вместо этого он проигрался.

— Ты очень его жалеешь, я это вижу, — мрачно промолвил Артур.

— Я знаю, он повел себя очень глупо, — не могла не признать Сабина. — Но как мы скажем папе о беде, в которую он попал? Это убьет его.

— Сомневаюсь, — холодно ответил Артур. — Родители редко умирают от того, что их дети плохо себя ведут.

— Но у папы тоже нет денег, — объяснила Сабина. — Ты же знаешь, как мы бедны, ты знаешь, как скудно мы живем. Пожалуйста, Артур, одолжи Гарри денег. Он вернет их, я знаю, что вернет.

— Много лет назад я взял себе за правило никогда не давать денег в долг, — ответил Артур. — Мой отец был такой же. «Дашь в долг — потеряешь друга» — вот что он мне говорил, и я всегда убеждался в том, насколько верны его слова.

— Но Гарри не просто друг! — воскликнула Сабина. — Он будет твоим шурином.

— Я это понимаю, — сказал Артур. — И это одна из причин, по которой я не хочу, чтобы меня считали замешанным в этой афере. Ты должна понять, Сабина, и я хочу это прояснить раз и навсегда, что я женюсь на тебе, а не на твоей семье.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что говорю. Я полюбил тебя, и я хочу, чтобы ты стала моей женой, но это не значит, что я хочу, чтобы Гарриет, Меллони, Ангелина и еще одна твоя сестра забыл, как ее зовут, — повисли у меня на шее до конца моих дней. По этой же причине я не собираюсь финансировать и твоего брата.

Сабина сильно побледнела. Мгновение она молчала, а потом наконец едва слышно произнесла:

— Ты хочешь сказать, что я не должна видеться со своей семьей?

— Нет-нет, разумеется, нет, — раздраженно сказал Артур. — Разумеется, ты будешь навещать свою семью через разумные интервалы и когда это будет удобно. Но я не хочу, чтобы они жили ни с нами, ни за наш счет. Также я не желаю, чтобы ты, поглощенная делами твоей семьи, забывала о моем комфорте и благосостоянии.

— Но я и так никогда не забуду о нем, — возразила Сабина.

— Этого я не могу знать, — отчеканил Артур. — Твоя семья, несомненно, многое значит для тебя. Они были до сих пор, как и подобает, твоей первейшей заботой и занимали первое место в твоём сердце. Теперь все должно измениться. Ты станешь моей женой, и я хочу, чтобы ты занималась моими интересами, моим домом, моими делами. У тебя не будет оставаться много времени для других людей и иных занятий. Ясно?

— Д... да, Артур.

— А теперь что касается твоего брата... Гарри. Я отдаю себе отчет, что это одна из тех нелепых ситуаций, обстоятельства которой вынуждают меня что-то предпринять.

Лицо Сабины прояснилось.

— Ты хочешь сказать, — спросила она, чуть дыша, — что... сможешь ему?

Я хочу сказать, что мне придется это сделать, — немного грубо ответил Артур. — Я не могу позволить, чтобы из-за этого скандального происшествия моего будущего шурина уволили из флота ее королевского величества. Я буду вынужден, и должен прибавить — против воли, одолжить ему денег, чтобы он заплатил свой долг. Но он должен мне вернуть деньги. Я считаю, это послужит ему хорошим уроком, который он запомнит навсегда.

— Ну разумеется, он вернет тебе деньги! — воскликнула Сабина. — О, Артур! Как мне благодарить тебя за твою доброту?

Артур коротко рассмеялся своим сухим смехом.

— Доброта, которая отнюдь не добровольная, — сказал он. — Ты поставила меня в очень неудобное положение, Сабина, я надеюсь, ты это понимаешь.

— Я только понимаю, что ты очень добр и щедр по отношению к Гарри, — ответила девушка. — Он почти голову потерял от беспокойства, и мы бы не просили тебя, если бы могли изыскать эту сотню фунтов как-нибудь иначе.

— Я скажу этому молодому идиоту все, что я о нем думаю, — сказал Артур. — Где он?

— В саду, — ответила Сабина. — Но прошу тебя, Артур, не будь с ним слишком груб. Он и так очень переживает из-за своей глупости и очень сожалеет, что причинил нам столько тревог и беспокойств. Он вернет тебе все до пенни, если только ты дашь ему время.

— Я сам решу, как мне быть, — отрезал Артур. — А теперь пообещай мне, Сабина, что ты не забудешь то, что я сказал. Я женюсь на тебе, а не на твоей семье.

— Да, я слышала, — тихо сказала Сабина. Она сжала губы, словно пытаясь подавить слова протеста, которые невольно вспыхнули у нее в мозгу. — Мне привести Гарри?

— Через минуту, — ответил Артур. — Если он немного поволнуется, каков будет мой ответ, и немного подождет, это не причинит ему вреда.

— Я уверена, что он нас не подведет, — уверенно сказала Сабина.

— Я вынужден ему помочь, повторяю, — отозвался Артур. — Но уверяю тебя, Сабина, в других случаях я уже не буду столь уступчив и щедр. Поверь, я сделаю все, чтобы твоя семья не бегала за мной с протянутой рукой, выпрашивая милостыню. Может, я и богатый человек, но не дурак.

Сабина гордо выпрямилась:

— Моя семья никогда не рассчитывала что-то получить от тебя, и они никогда не будут просить милостыню!

Артур рассмеялся.

— Так это задело твою гордость, не так ли? — спросил он. — Прости меня, Сабина, но боюсь, у меня несколько практичный взгляд на жизнь. Я не настолько глуп, чтобы не понимать: твои родители со своими пятью дочерьми, каждую из которых надо устроить в жизни, и

сыном, которому надо помогать, рады, «что хоть их старшая дочь нашла себе богатого мужа.

— Я думаю, что больше всего на свете и папа, и мама хотят, чтобы мы были счастливы, — возразила Сабина.

— А если счастье щедро позолочено, так это еще лучше, — цинично заметил Артур.

Сабина вдруг вышла из себя и топнула ножкой.

— Мне кажется, ты отвратительный, раз так говоришь! — вскричала она. — Если бы ты только знал, какой добрый, какой высокодуховный человек мой папа! Он никогда не думает о деньгах и отдает каждый фартинг, который у него есть, людям, которые еще беднее, чем он. Если бы он слышал, что ты сейчас сказал, я верю, он тут же приказал бы мне возвращаться домой.

Артур снова засмеялся и, протянув руки, привлек Сабину к себе.

— Я и не знал, что у тебя такой норов, — улыбнулся он. — Хочешь, я извинюсь за то, что разозлил тебя?

— Ты говорил... жестокие и... злые слова, — пролепетала Сабина. Ее голос срывался, а глаза были полны слез.

— Не плачь, — сказал Артур, вдруг наклонился и прижался губами к ее рту.

Долго держал он ее своей пленницей, а когда отпустил, кровь хлынула к ее щекам.

— Пришли ко мне этого болвана, — сказал он. Сабина не смела взглянуть ему в лицо. Она быстро отвернулась и бросилась через французское окно в сад. Гарри, который выглядел тревожным и опечаленным, ходил взад-вперед по тропинке позади изгороди из фуксий. Увидев, что к нему направляется сестра, он с облегчением поднял глаза.

— Ну, что он сказал? — спросил он.

— Все будет в порядке, — сказала Сабина, всхлипнув. — Но, о, Гарри, ничего не говори ему, как бы он тебя ни рассердил, как бы зол ты ни был.

— Ему это не понравилось? — спросил Гарри. Сабина кивнула.

— Черт возьми... — начал Гарри. Сабина положила руку ему на плечо:

— Послушай, Гарри. Что бы он ни сказал, ты должен молчать, ты должен это вытерпеть. Другого способа найти сотню фунтов у нас нет.

Нет! Пообещай мне, что ты не произнесешь ни слова, кроме «спасибо».

— Но если он огорчил тебя... — начал Гарри.

— Пообещай мне, — прервала его Сабина. — Будь разумным, Гарри. Если я смогла смириться с этим ради тебя, ты тоже можешь. Должен.

— Ладно, сестренка.

Он пожал ее руку и, расправив плечи, направился к вилле. Сабина огляделась в поисках скамейки, села и закрыла лицо руками. Ее сердце бешено колотилось от гнева и возмущения, и все же ей не удалось подавить слезы, которые продолжали малодушно наворачиваться ей на глаза.

— Я глупая, что обращаю на это внимание, — произнесла она вслух. А потом, ища платок, она вдруг обнаружила, что находится в маленькой беседке, в которой на вторую ночь своего пребывания в Монте-Карло она разговаривала с цыганским королем.

Она вспомнила его слова, его низкий, звучный голос. Как живо было воспоминание о его теплой, крепкой руке и прикосновении его губ, когда он поцеловал ее ладонь! Она вздохнула, и слезы вдруг закапали по ее щекам...

Однако двадцать минут спустя, когда Гарри вернулся в сад, она была спокойна и сдержанна. Она знала, судя по выражению его лица и сжатых губ, что он чувствовал себя так, словно хотел немедленно с кем-нибудь подраться, и не успел он подойти поближе, как она с тревогой в голосе вскрикнула:

— Все в порядке? Он дал тебе денег?

Гарри кивнул, словно на мгновение лишился дара речи, сел рядом с Сабиной, сунул руки в карманы и вытянул ноги.

— Уф! — воскликнул он. — Я бывал в жизни во многих переделках, но все они не сравнятся с этой.

— Ты ничего не сказал? — спросила Сабина.

— Хорошо, что ты заставила меня пообещать молчать, — ответил он. — Пару раз я уж думал ударить его, но потом вспоминал твои слова, и...

— Гарри! Ты с ума сошел!

— Сошел или нет, но это доставило бы мне огромное удовольствие.

— Ты получил деньги?

— Да. Он дал мне сотню фунтов, и я должен вернуть их ему в течение года.

— В течение года! — воскликнула Сабина. — Но разве это не оставит тебя...

— Практически без гроша в кармане, — закончил за нее Гарри. — Но это будет мне уроком! Он ясно дал мне понять, что урок — это как раз то, что мне нужно.

— Это тяжело, ужасно тяжело, — сказала Сабина. — Но по крайней мере тебе не придется ничего говорить папе.

— Я все время думал об этом, — сказал Гарри. — Я все шептал про себя: «Сабина, папа, папа, Сабина», иначе бы...

— Не думай об этом, — быстро сказала Сабина. — Просто забудь. Ты получил деньги, это главное.

Гарри вдруг выпрямился и, повернувшись к Сабине, положил ей руки на плечи.

— Послушай, сестренка, — сказал он. — Ты любишь этого человека?

Вопрос застал Сабину врасплох. Мгновение ее голубые глаза пристально смотрели в его карие, а потом, охнув, она отвернулась и высвободилась из его рук.

— Перестань волновать меня, Гарри, для одного дня уже достаточно беспокойств. Я не хочу говорить о себе и об Артуре. Ты в безопасности, и это главное.

— Я не могу не думать о тебе, — настаивал он.

— Подумай о чем-нибудь другом, — взмолилась Сабина и прибавила делано легкомысленным тоном: — Со мной все в порядке, и я счастлива, Гарри. Я же не вмешиваюсь в твою жизнь, так что не вмешивайся и ты в мою.

— Но, сестренка, тебе надо хорошенько подумать.

— Я уже думала, — ответила Сабина. — Я много думала, и разговоры тут ни к чему.

Гарри пожал плечами:

— Что ж, хорошо. Я пойду.

— Прошу, останься, выпьем чаю, — взмолилась было Сабина, но сейчас же торопливо прибавила: — Я забыла. Артур все еще здесь?

— Нет, он ушел. Он просил меня передать тебе, что ему очень жаль, что он не может остаться подольше, но он обещал покататься в карете вместе с ее королевским высочеством.

Сабина почувствовала огромное облегчение.

— Тогда ты можешь остаться на чай, — тихо сказала она. — Леди Тетфорд всегда пьет чай около пяти часов. Пожалуйста, останься, Гарри.

Прости меня, Сабина, я не останусь. По правде сказать, я немного взволнован и мне надо выпить что-нибудь покрепче чая. Кроме того, я пообещал встретиться кое с кем из приятелей.

— Хорошо, Гарри, я понимаю.

Сабина могла понять его желание поскорее уйти. Она поднялась на цыпочки, обвила руками его шею и прижалась к его щеке:

— Будь осторожен, Гарри, дорогой.

— И ты тоже, — ответил он.

— Я увижу тебя завтра?

— Я приду после обеда, если ты будешь одна, — пообещал Гарри. — То есть если я смогу получить увольнение на берег.

— Да, пожалуйста, приходи, — сказала Сабина. — Я обычно одна вот в такое же время.

Гарри поцеловал ее, и они под руку пошли к вилле. Сабина попрощалась с ним у дверей и, когда он ушел, бросилась бегом в свою комнату, чтобы промыть глаза и уничтожить следы слез. У леди Тетфорд был пронизывающий взгляд, а Сабина знала, что не переживет, если ей придется объяснять, что произошло, матери Артура.

В тот вечер они спокойно поужинали дома в компании всего двух друзей леди Тетфорд. Конечно, они планировали отправиться в казино позже, но, когда пришло время, у леди Тетфорд разболелась голова и она заявила, что должна лечь в постель.

— Я думаю, я съела что-то не то, — сказала она. — В Монте-Карло надо быть таким осторожным. Мне что-то нехорошо. Прошу прощения, Сабина, но мне придется сегодня рано лечь.

— Разумеется, — ответила Сабина. — Поверьте, я и сама не прочь рано отправиться спать. Я не привыкла так долго засиживаться по вечерам. Дома мы всегда ложимся около десяти часов.

Два других гостя рассмеялись и сказали Сабине комплименты по поводу цвета ее лица, уверяя, что час сна до полуночи, несомненно, стоит двух после. Скоро они ушли, и, позевывая, леди Тетфорд пошла наверх.

— Я прикажу Мари, чтобы она приготовила мне немного настойки опия, — сказала она. — Я не очень-то люблю ее принимать, но, если я хорошо посплю ночью, завтра со мной все будет в порядке.

— Тогда надеюсь, что вы поспите действительно хорошо, — сказала Сабина, нежно целуя ее.

— Спокойной ночи, детка. — Леди Тетфорд на мгновение задержала свою руку у Сабины на плече. — Я тебе еще не говорила, — продолжала она, — как мне приятно твое присутствие здесь? Я поняла впервые, насколько иногда бываю одинока, даже этого не замечая.

Она улыбнулась своим словам и ушла, оставив Сабину, задумчиво смотрящую ей вслед. Какая она милая! Какая нежная и понимающая! Если бы Артур был таким же. Мужчины и женщины очень сильно отличаются друг от друга, подумала Сабина, и было бы глупо ворчать и жаловаться. Да и Артур оказался достаточно добр, одолжив Гарри денег, в которых тот так нуждался.

Она прошла в свою спальню и заперла дверь. Сняв красивое, безупречно скроенное платье, которое она надевала на ужин, она накинула пеньюар из светло-голубого муслина, который был сшит для нее еще дома. Сев за туалетный столик, она было собралась вытащить гребни из волос, когда раздался стук в дверь.

— В чем дело? — спросила она.

— Лейтенант Уонтидж хочет видеть вас, мисс.

— В такой час! — воскликнула Сабина и вдруг вспомнила, что еще не было одиннадцати.

Она поднялась на ноги и открыла дверь. Бейтс, дворецкий, стоял на пороге.

— Лейтенант очень хочет видеть вас, мисс. Я доложил ему, что вы уже ушли к себе, но он сказал, что это крайне важно.

— Я спущусь к нему, — ответила Сабина.

Она поплотнее завернулась в свой пеньюар, завязала пояс из ленты потуже и бросилась вниз по лестнице в гостиную.

Гарри ждал, шагая взад-вперед по ковру. Едва Сабина вошла, он обернулся, и стоило ей увидеть его лицо, как она издала крик ужаса.

— Что случилось?

В ответ Гарри подошел к ней и взял ее за обе руки:

— Я конченный человек.

— Конченный? Что ты имеешь в виду?

— То, что говорю. Сегодня же напишу папе, но подумал, что должен сказать вначале тебе.

— Что произошло? В чем дело? — спросила Сабина. — О, Гарри, не смотри так. Скажи мне, что случилось.

— Не могу.

— Не можешь? Что ты хочешь этим сказать, почему? Гарри вдруг сел на стул и, громко застонав, закрыл лицо руками.

— Представить не могу, и почему это только произошло со мной, — бормотал он.

Сабина опустилась рядом с ним на колени.

— Гарри, ты должен мне немедленно рассказать, что тебя так огорчает, — приказала она.

Гарри оторвал руки от своего очаровательного, но несчастного лица.

— Я потерял деньги, — отрывисто сказал он.

— Потерял? — Сабина почувствовала, что эти слова застряли у нее в горле.

— Да, потерял.

— Но как ты мог? Это невозможно! Расскажи мне все с самого начала.

Прежде чем ответить, Гарри глубоко вздохнул и подавил звук, который подозрительно напоминал всхлипывание:

— Как тебе известно, Сабина, я ушел отсюда с деньгами. Я был благодарен тебе, что ты помогла мне их достать, хотя я и признаю, что был взбешен от того, что мой будущий шурин решил высказать мне по поводу моего поведения. Конечно, я был дураком — никто не знает этого лучше, чем я сам, — но он оскорбил меня, и мое терпение едва не лопнуло, но я сдержался. Я подумал, что встречусь с друзьями, выпью и тогда уж пойду в казино. Что ж, я встретился с ними, как и было договорено. Мы пропустили пару стаканчиков, а после они захотели пойти и посмотреть какое-то шоу у набережной. Оно было достаточно грубым и непристойным — на такое не пригласишь даму, — но там были две женщины определенного типа, и мы

разговорились с ними. В итоге мы попросили их провести с нами вечер и все вместе отправились ужинать. Я, конечно, не забыл о деньгах, и я не потратил из них ни пенни, клянусь. Еще до того, как я сюда пришел, у меня оставались пять шиллингов. Я отдал их в компанию, объяснив, что не могу дать больше. Но у них были деньги, так что они предложили меня угостить. Все было вполне мило и честно, ничего дурного. Конечно, наши дамы были из сорта тех, кого нельзя представить тебе или маме, но они казались вполне приличными, хорошо одетыми — да, скорее модными, если быть точным.

— Продолжай, — сказала Сабина, чуть дыша.

— Мы пошли поужинать в маленькое заведение, о котором рассказали нам девушки, — очень вкусная и не очень дорогая еда, — а затем они сказали: «Как насчет казино?», и мы все согласились. Они отправились в женскую комнату, чтобы прихорошиться, а мы втроем прикончили остатки вина. Их не было достаточно долго на самом деле так долго, что мы уж начали шутить, ломая голову, что они могли там делать столько времени, небось судачили про нас. «Я полагаю, они ждут, пока мы бросим жребий, — сказал один из моих товарищей. И выпалил: — Чур, блондинка моя». И тут я наконец сообразил: «Ба, да нас действительно на одного больше, чем дам». И я решил уйти. Я сказал: «Дальше без меня. Мне надо по делу в казино, а затем я исчезну». Сказав это, я засунул руку в карман и обнаружил, что деньги, которые дал мне Артур, исчезли!

— Исчезли! — воскликнула Сабина.

— Да, исчезли, — повторил Гарри. — Сначала я не мог в это поверить. Я перерыл все карманы, даже снял плащ, чтобы получше посмотреть, но деньги исчезли и женщины тоже.

— Ты хочешь сказать, что это они их украли? — спросила Сабина.

— Похоже на то. Мы наняли экипаж, чтобы доехать до ресторанчика. Нас было пятеро, так что нам пришлось сидеть в изрядной тесноте. Ты же знаешь, какие бывают женщины этого типа — хотя нет, наверное, не знаешь, — но они всегда слишком любвеобильны, вешаются на руку, обвивают руками шею. Они могли вытащить деньги в любой момент в течение всей поездки.

— Гарри! Гарри! Что же делать?

— Ничего, — ответил Гарри. — Ты же не можешь снова просить Артура. Да я тебе просто этого не позволил бы. Да и потом, я просто уверен, что он мне их не даст.

— Но, Гарри, должен же быть какой-то выход. Ты не можешь пойти в полицию?

— Ты что, думаешь, они уделят мне внимание? Для начала они вряд ли поверят в то, что у меня при себе было столько денег, во-вторых, мы даже не знаем имен этих женщин. Одна была блондинка, а другая скорее темненькая — похожа на цыганку. Нет, ничего нельзя сделать. Я пойду, встречу сегодня же с капитаном и подам в отставку, а затем напишу папе.

— Подожди! — воскликнула Сабина. — Ты сказал, что одна из девушек была цыганкой?

— Я не сказал, что она была цыганкой, — раздраженно ответил Гарри. — У нее были темные волосы, большие серьги и золотистая кожа, ну ты знаешь. Но мне больше нравятся светленькие.

— Но как ее звали? — спросила Сабина. — Подумай, Гарри. Ты должен был слышать ее имя.

— Она называла себя Катишей, — ответил Гарри. — Вторая Мими, и она была намного приятнее.

— Не важно, были ли они приятные или гадкие, — с досадой перебила Сабина. — Если эта Катиша — цыганка, возможно, только возможно, что я смогу кое-что сделать.

— Что ты хочешь сказать?

— Не важно, — ответила Сабина. — Сейчас не время для объяснений. Но ты не должен пока ничего предпринимать. Не вздумай пойти к капитану или написать папе, пока я не скажу тебе, что все безнадежно. Ты мне обещаешь?

— Что ты собираешься сделать? — спросил Гарри. На мгновение в его голосе и глазах промелькнула надежда, но тут же исчезла.

— Не беспокойся, Сабина, — продолжал он. — Этому нельзя помочь. Я самый большой дурак, который когда-либо жил на белом свете, как изволил заметить мужчина, за которого ты собираешься выйти замуж. Что ж, он : был прав, абсолютно и полностью прав. Я так все испортил, что теперь мне ничего не остается, как отвечать за последствия. Я пойду. Я просто подумал, что ты должна знать правду.

— Послушай, Гарри, — сказала Сабина. — У меня есть идея. Я думаю, что я... я смогу вернуть тебе деньги.

— Но как?

— Этого я тебе не скажу, — ответила Сабина. — Дай мне подумать. — Она приложила пальцы к вискам и некоторое время сидела не шелохнувшись. Наконец она сказала: — Гарри, ты должен достать мне лошадь.

— Лошадь? — с удивлением переспросил он.

— Да. Я думаю, ты найдешь хорошую лошадку в конюшнях, куда леди Тетфорд ставит свою карету. Она уже говорила о предстоящей прогулке верхом и даже купила мне амазонку в Париже, при этом она выразила уверенность, что любой из детей нашей мамы захочет покататься верхом.

— Тебе нужна лошадь сейчас, в такое время? — в замешательстве спросил Гарри.

— Да, сейчас, и как можно быстрее, — отрезала Сабина. — Но пусть они не подводят ее к парадному входу. Подожди с ней в дальнем краю сада. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Полагаю, что да, — кивнул Гарри. — Но, сестренка...

— Прошу тебя, Гарри, не спорь и ни о чем меня не спрашивай. Иди и достань мне лошадь и не забудь проследить, чтобы на ней было дамское седло. Я встречу тебя на дороге через четверть часа.

— Но одна лошадь не довезет нас обоих, — возразил Гарри. — Хотя один Господь Бог знает, куда ты собираешься.

— В любом случае ты не едешь, — возразила Сабина. — Тебе просто придется подождать где-нибудь здесь, Гарри, пока я не вернусь. Это может занять час, может два, может три, я не знаю. Иди и найди своих друзей. Делай все, что угодно, но только» больше не трать денег.

— Ты можешь быть уверена в этом, — ответил Гарри. — У меня просто больше их нет. Но послушай, сестренка, я не могу позволить тебе отправиться одной в погоню за химерой.

— Не за химерой, — ответила Сабина. — О, Гарри, если мне удастся вернуть эти деньги, ты поклянешься мне, что отнесешь их тут же в казино?

— Ты что же, думаешь, я идиот?! — воскликнул Гарри. — Конечно, думаешь — я ведь и есть идиот. Но я никогда и представить

себе не мог, что со мной может случиться такое! Полагаю, это потому, что я раньше никогда не был в таком месте, как Монте-Карло.

Он выглядел смущенным мальчишкой, и Сабина невольно протянула руки и положила их ему на плечи.

— Мы с этим справимся, не правда ли, Гарри?

— Я не знаю, сестренка. У меня не очень-то много надежды на чудо...

— Ступай и приведи мне лошадь, — приказала Сабина. — И держи пальцы скрещенными.

Она поцеловала его и повернулась к двери.

— Никому ни слова, — прошептала она. — Никто не должен об этом знать!

— Да уж наверное! — воскликнул Гарри. — Бог знает что может вообразить этот тип, за которого ты собираешься замуж!

— Разумеется же, Артур не должен ничего знать! — Сабина вздрогнула при одной только мысли об этом, но тут же, храбрясь, вздернула подбородок. — Мы будем верить в чудо до последнего, Гарри. Это слабая надежда, но есть... кое-кто, кто, возможно, может... спасти тебя! Во всяком случае, я в это верю!

Глава 9

Сабина шла по балкону на цыпочках, держась в тени, чтобы ее никто не заметил. Вдруг слуги не спят или, что еще хуже, леди Тетфорд стоит у окна. Она добралась до узкой деревянной лестницы и начала спускаться — юбка для верховой езды мешала ей делать это достаточно проворно.

Амазонка, которую ей купила леди Тетфорд в Париже, выглядела бы странной на английской охоте. Костюм для верховой езды, какие носили французские модницы, чрезвычайно ей шел. Однако одевалась она с большой поспешностью и даже не взглянула на себя в зеркало. Быстро проскользнув в мягкую, украшенную кружевом блузу и ловко скроенный бархатный жакет, который выгодно подчеркнул ее осиную талию, она надела треуголку с длинным пером. Нависая над полями, оно слегка задевало ее по щеке и затеняло часть лица.

Взяв пару перчаток для верховой езды, Сабина оглядела комнату, чтобы убедиться в том, что ничего не забыто, и задула свечи. Спустившись по лестнице, она вспомнила, что у нее нет хлыста, но понадеялась, что Гарри приведет ей такую норовистую лошадь, что он ей и не понадобится.

За несколько секунд она пробралась через залитый лунным светом сад, сбежала вниз по каменным ступеням и добежала по тропинке, петляющей между сладко пахнущих цветочных клумб, до высокой стены, которая ограждала сад виллы. Здесь было намного темнее: кроны огромных кипарисов и оливковых деревьев заслоняли собой лунный свет.

Сабина замедлила шаг. Подойдя к стене вплотную, она огляделась в поисках опоры для ног и, обнаружив выступающий камень, подтянулась и заглянула через ее край. В первое мгновение ей показалось, что там никого нет, но потом она увидела Гарри, который ждал ее чуть ближе к дороге. С ним была лошадь: конюх держал ее под уздцы.

— Гарри!

Сабина позвала его, но так тихо, что он не услышал. Тогда она протяжно свистнул. Так они свистели в детстве, чтобы привлечь внимание друг друга.

Гарри торопливо подбежал к ней:

— Это ты, Сабина?

— Да, я здесь. Но как перелезть через стену?

— Забирайся наверх, — приказал Гарри. — А потом прыгай — я тебя поймаю.

— Это не так-то просто, — возразила Сабина. Предположение брата, что она может запрыгнуть на стену так же легко, как она это делала, когда была маленькой девочкой, и польстило ей, и слегка раздосадовало. Тогда ей не мешали длинные юбки и элегантные! костюмы, которые отнюдь не предусматривали атлетических упражнений.

Однако она не собиралась рассказывать Гарри о своих затруднениях, это было слишком опасно. Наконец ей удалось взобраться на стену, хотя она отчетливо и не без страха слышала, как швы на ее костюме подозрительно затрещали.

— Ну наконец-то! — воскликнул Гарри. — Я был уверен, что у тебя получится. Теперь прыгай.

— И не подумай, — ответила Сабина. — Ты меня либо не поймашь, либо мы оба приземлимся в пыль. Подойди поближе и осторожно спусти меня вниз.

Гарри ничего не оставалось, как выполнить приказ. Он крепко обхватил ее ноги под коленями и начал постепенно опускать вниз. Наконец она очутилась на земле.

— Ну вот, — сказала Сабина и, взглянув на брата, рассмеялась. Ее лицо было красное от натуги, а глаза сверкали.

— Поднимать шум из-за такого пустяка — что-то на тебя не похоже, сестренка, — упрекнул ее Гарри. — Я видел, как ты раньше перемахивала через стены, да и я мог бы без труда тебя поймать, ты ведь легкая, словно перышко.

— Я здесь, и это главное, — перебила его Сабина. — Но давай не будем тратить время на

болтовню, вдруг нас кто-то услышит. Я вижу, ты нашел мне лошадь.

— Это вполне сносное животное, — ответил Гарри. — Я с трудом раздобыл его: все остальные были не проворнее старой коровы. В конце концов, мне пришлось назвать владельцу конюшни твое имя. Иначе он отказывался доверить мне приличного скакуна.

Сабина вздохнула:

— О, Гарри. Я и забыла, что тебе нужно будет на кого-то сослаться, — Она пожала плечами. — Что ж, полагаю, это не важно. Раньше завтрашнего утра он не сможет сказать леди Тетфорд, что я ездила верхом, да и с чего бы ему вообще упоминать об этом?

— Мы можем заставить его поклясться хранить это в тайне, когда вернемся, — предложил Гарри. — Правда, теперь это будет звучать так подозрительно.

— Да, конечно, — согласилась Сабина.

— Да и, — продолжал Гарри, — я мало что мог бы ему сообщить. Ты не сказала мне, куда собираешься и что будешь делать. Позволь мне поехать с тобой, сестренка.

Сабина покачала головой:

— Нет, Гарри, я не могу разрешить тебе этого. Ты просто должен мне доверять и молиться, чтобы я смогла тебе помочь.

— Если ты не сможешь, мне конец.

Гарри вдруг побледнел, и Сабина невольно протянула к нему руку, словно желая защитить.

— Не думай пока об этом, — сказала она. — У меня должно получиться... должно!

Они подошли к лошади, и Сабина ее внимательно осмотрела. Она осталась довольна — прекрасное животное, хорошо обученное, а энергия просто-била из него ключом. Лошадь не стояла на месте и била копытом.

— Конюх сказал, что ее он не стал бы рекомендовать даме, — сказал Гарри. — Я полагаю, он привык к робким французским девицам и не знает, какой наездницей ты бываешь, когда гончие нашли дичь, а ты несешься вскачь, опережая остальных охотников.

Сабина улыбнулась и вздохнула:

— Ты заставляешь меня тосковать по дому, Гарри. Но, увы, охота уже на та, какой была, когда ты был с нами.

— Если бы ты только знала, как я по ней скучаю, — сказал Гарри. — Если бы только... — Он замолчал, но Сабина знала, что он собирался прибавить: «Если бы только я был в кавалерийском полку».

Там было его сердце, с лошадьми и верховой ездой, а не с морем. Но какой прок говорить об этом сейчас — да и не только сейчас, а вообще. Она мечтала, что вскоре после того, как состоится их

помолвка с Артуром, она попросит его, не сможет ли он заплатить, чтобы Гарри перевели в кавалерию. Но после того, что произошло сегодня, она знала: подобная идея обречена на провал.

— Помоги мне сесть, Гарри, — приказала она. Ее голос стал резок из-за внезапно охватившего ее страха, о причине которого она не смела даже думать.

Брат покорно помог ей сесть в седло. Она тщательно расправила юбку и взяла в руки поводья.

— Где мы встретимся? — спросил он.

— Жди меня через два часа, — ответила она. — Может статься, я задержусь, но ты не волнуйся. Я точно не знаю, сколько времени это займет.

Она уже было хотела отправиться в путь, но Гарри схватился за поводья и остановил лошадь:

— Одумайся, сестренка. Разреши мне поехать с тобой. Я не должен позволять тебе поступать так. Подумай о том, что скажет на это папа.

— Я делаю это как раз для того, чтобы папа ничего не узнал, — ответила Сабина и, не дожидаясь, пока Гарри ответит ей, помчалась вверх по склону холма.

Лошадь была свежая и, хотя поначалу и не желала подчиняться, вскоре поняла, что нежные пальчики, державшие поводья, были очень умелые, и стоило им выехать за пределы города, как она побежала спокойным легким галопом.

По дороге Сабине попались несколько карет — все они были полны людей, либо ехавших в казино, либо возвращавшихся домой после своих вечерних развлечений. Сабина торопливо проносила мимо них, по возможности стараясь отворачиваться, иначе ее могли узнать, но стоило ей миновать последнюю виллу, как дорога стала пустынной. С каждым шагом она все дальше и дальше удалялась от всяких признаков цивилизации, пока наконец вокруг не осталась одна дикая сельская местность.

С тех пор как она рассталась с Гарри, она все время ехала в гору, но, достигнув наконец дороги, идущей по верхнему карнизу, она могла позволить своей лошади пойти быстрее. Ветер с моря дул ей в лицо и играл ее волосами, выбившимися из-под головного убора.

Как приятно было снова сидеть верхом на лошади, и, если бы ее миссия не была столь серьезной, а ее исход — решающим, она получила бы от этой поездки истинное наслаждение. Она вдруг почувствовала себя свободной. Как это захватывает — мчаться одной по этой красивой сельской местности, а далеко внизу раскинулось море, в небо поднимаются высокие голые скалы. Теперь понятно, почему цыгане ненавидят несвободу стен и предпочитают спать на земле под усеянным звездами небом.

Сабина мчалась вперед и вдруг поняла, что молится. Ее губы нашептывали знакомые с детства слова, но разум читал совсем другую молитву: только бы цыганский король помог ей, только бы вернуть деньги, только бы спасти Гарри...

Она не смела думать о том, что случится, если он вдруг откажет или будет не в состоянии вернуть деньги. А мысли об Артуре и о том, что он сказал ей этим вечером, причиняли ей боль.

Выражение, появившееся на лице Гарри, когда он шел к ней через сад, все еще жило в ее воспоминаниях. Разве мог один из них снова отдаться на милость Артура?

Сабина решила, что пойдет на все, лишь бы больше не слышать слов унижения из уст своего жениха.

Только один раз за весь путь она задалась вопросом: не сумасшедшая ли она на самом деле, что пустилась одна в такой непростой путь, да и ищет помощи у человека, который был для нее чужаком. Луна зашла за облако, стало темно. Сабина натянула поводья, и лошадь пошла медленнее. Ее внезапно охватила паника, она вдруг засомневалась в том, правильно ли поступает. Конечно, должны быть и варианты, но они не приходили в голову. Она вспомнила ту первую ночь, когда цыганский король поднялся со своего места у костра и подошел к ней, испуганной девушке, прочитавшей враждебность в темных глазах танцовщицы и вопрос, который задавала ей сотня подозрительных взглядов, устремленных на нее.

Он выглядел как истинный король, и в тот момент она поняла, что может ему доверять. А когда он вел ее назад к ее экипажу, держа ее руку в своих и осторожно ступая по неровной земле, она почувствовала его силу — физическую и духовную.

Ее сердце вдруг подпрыгнуло в груди, и она отбросила все свои сомнения и опасения. Правильно сделала, что приехала, в этом она

была уверена.

Начался небольшой подъем, а за ним справа от дороги долина внезапно расширялась. Она еще не приехала на то место, где от ее экипажа отвалилось колесо в ту ночь по дороге в Монте-Карло, но, к своему удивлению, она увидела недалеко свет костра, живой и сверкающий на фоне мрака, — искры от языков пламени взметались в воздух, словно фейерверки.

Сабина натянула поводья. Если это были цыгане, которых она искала, значит, они перебрались ближе к Монте-Карло. А если не они, а другое племя, возможно, опасное, которому ни в коем случае нельзя доверять? И все же огонь был похож на тот, который она видела раньше, да и она не могла проехать мимо, так и не узнав, не расположились ли здесь те цыгане, которых она искала.

Она смутно различала крыши фургонов, то и дело возникала тень мужчины или женщины, четко вырисовывавшаяся на фоне ярких языков пламени. Она повернула голову лошади по направлению к огню, бесшумно двигаясь по жесткой траве, подъезжая все ближе и ближе к свету. Словно эхо того, что случилось раньше, она услышала музыку, веселую, неистовую мелодию гитары и скрипки, и теперь, подъехав еще ближе, почувствовала, словно вновь переживает старый сон. Снова был круг из фургонов, толпа цыган, сидящих у огня, и снова в центре — кружащаяся танцовщица. Ее черные волосы так же развевались от бурного движения, а золото ее украшений блестело и позвякивало.

Сабина подъехала еще ближе. На нее упал свет от костра, и лошадь нервно задергала головой; боязливо косясь на пламя. Как и раньше, танцовщица внезапно остановилась и уставилась на нее.

На этот раз Сабина заговорила первой.

— Добрый вечер, — сказала она по-французски. — Я хочу поговорить с вашим королем.

Мгновение стояла тишина, а затем танцовщица ответила. Хоть то, что она сказала, Сабина и не поняла, потому что та говорила на странном языке и ее слова не походили ни на один язык, который Сабина слышала раньше, она не могла ошибиться в смысле ее слов.

Она порицала ее, оскорбляла и призывала других цыган к насилию. Все это слишком очевидно выдавали ее жесты, горящие глаза и искривленные губы. Почему ее так оскорбляли и что она

сделала плохого, чтобы заслужить подобную вспышку гнева, Сабина не имела представления, но было очевидно, что мужчины и женщины, сидящие у костра, были возбуждены яростью танцовщицы и, вскочив на ноги, приблизились к ней. Сабина вдруг обнаружила, что они почти что окружили ее. А цыганка-танцовщица продолжала кричать, тыча в нее своими длинными коричневыми пальцами. Все ее лицо и тело было искажено приступом ненависти, она хотела, чтобы Сабина ушла.

Музыка смолкла. Казалось, будто все слушали танцовщицу, и единственным звуком, кроме ее пронзительного голоса, было низкое, ворчливое одобрение толпы.

— Но я должна поговорить с ним, должна! — пыталась перекричать их Сабина.

— Уходи! Уходи!

Она не понимала слов, но знала, что именно это выкрикивала цыганка, а темноглазые мужчины еще ближе подступили к ней. Сабина увидела, как один из них протянул руку, чтобы схватить ее лошадь под уздцы, и с внезапно охватившим ее страхом она впервые подумала, что может ждать от них самого худшего.

Она окаменела от страха, кровь отхлынула от лица, и она почувствовала себя на грани обморока, но тут дверца одного из фургонов на дальнем конце поляны у костра отворилась и на маленький помост над ступенями ступил цыганский король.

Мгновение он смотрел по сторонам, должно быть потревоженный шумом, тщетно пытаясь понять причину. Тогда один из цыган на краю круга, увидев его, сказал что-то, и по толпе прокатилась рябь движения. Все повернулись к своему королю.

Только танцовщица, не заметив, что произошло, продолжала кричать. В ее высоком и пронзительном голосе звучала угроза. Но Сабина уже увидела его, и, прежде чем толпа опомнилась, она пришпорила лошадь и оказалась у ступеней фургона. Верхом на лошади она была почти на одном уровне с ним.

— Сабина, что вы здесь делаете?

Он говорил по-английски, и она ответила ему на своем языке:

— Я была вынуждена приехать. Мне нужна ваша помощь.

Он понял, что здесь происходило, и Сабина впервые увидела выражение гнева на его лице, когда он взглянул на своих людей. Он произнес только несколько коротких фраз, но тон его голоса и

резкость, с которой он говорил, дали Сабине понять, что он упрекал их. Мужчины смутились, а женщины опустили головы — их длинные ресницы прикрыли пылающие глаза.

Только танцовщица стояла в той же воинственной позе. Она молчала, но глаза ее все так же пылали гневом, а руки с позвякивающими браслетами были скрещены на груди. Цыганский король заговорил с ней.

Он произнес всего одно слово, но Сабина, хотя и не знала цыганского языка, безошибочно поняла его. Это был приказ уйти, и танцовщица тут же смирилась, ее черные волосы упали, закрыв лицо. Она вышла из круга света и скрылась в темноте у фургонов.

Цыганский король помог Сабине спуститься с лошади, и к животному тут же бросились двое мужчин.

— Мне надо с вами поговорить, — произнесла Сабина. Ее голос слегка дрожал.

— Не окажете ли вы мне честь зайти в мой фургон? — спросил он.

— Ну разумеется, — ответила она.

Он помог ей подняться по ступеням, и она вошла в причудливо окрашенную дверь. Фургон был не очень большой, но поражал своей роскошью. По обе его стороны горели факелы, на стульях лежали яркие подушки, а диван в дальнем углу был покрыт цветным пледом, вышитым золотой ниткой. Рядом стоял стол из полированного дерева с инкрустацией, за которым, как она увидела, цыган что-то писал, пол устлала мягкие ковры.

Сабина, пораженная обстановкой фургона, огляделась вокруг, а потом поняла, что цыганский король пристально наблюдает за ней, прислонившись к закрытой двери.

— Я и представить себе не мог, что увижу вас здесь, — тихо вымолвил он.

Она слегка покраснела.

— Прошу вас, не считите меня слишком дерзкой, — сказала она. — Я бы не пришла, если бы это не было крайне важно для меня.

— Простите, если мои люди напугали вас.

— Это... это все танцовщица, — сказала Сабина. Почему она меня ненавидит?

Наивность ее вопроса заставила его улыбнуться.

— А вы разве не женщина, чтобы самой ответить на этот вопрос? — спросил он.

Сабина вопросительно взглянула на него, и кровь прилила к ее щекам.

— Вы хотите сказать, что она... лю... — Ее голос осекся. — Я об этом не подумала, — прибавила она через минуту.

— Присядьте, — тихо сказал он. — И позвольте мне принести вам вина.

— Не уверена, что хочу пить, — возразила Сабина. Но он налил бокал из резного хрусталя и чеканного золота и поднес ей его.

— Выпейте немного, — приказал он. Оказалось, подчиняться ему было гораздо легче, чем сопротивляться. Сабина отпила маленький глоток, поставила бокал на стол, сняла свою шляпу и подняла руки к своим растрепанным волосам.

— Что бы вы обо мне ни подумали... — начала она, но он ее перебил:

— Я подумал, что вы выглядите так же прекрасно, как и в ту первую ночь. И тогда ветер тоже ласкал ваши волосы и целовал ваши щеки.

В ответ на его слова Сабина застенчиво улыбнулась, забыв все, кроме причины, по которой она приехала.

— Прошу вас, не будем говорить обо мне, — взмолилась она. — Мне надо вам кое-что рассказать.

— Я слушаю.

— Мне нужна ваша помощь. Нужна больше всего на свете. Прошу вас... пожалуйста, скажите, что поможете мне... если сможете.

— Вам действительно необходимо, чтобы я это сказал? — спросил он. — Разве вы не знаете, что я готов служить вам, что я ваш, абсолютно ваш — располагайте мной.

Его голос, казалось, вибрировал, отскакивая от стен фургона. Сабина взглянула ему в лицо и затаила дыхание. Она почувствовала, словно плыла через темноту к какому-то ослепительному свету. Словно огромные волны подняли ее и неумолимо понесли вперед на своем гребне. Наконец с усилием она заставила себя продолжить:

— Я приехала... мне нужна помощь... не для себя, пробормотала она. — Для моего брата, Гарри.

— Вашего брата? — переспросил цыган. — Я думал, вы всегда думаете только о своих сестрах. О Гарриет, Меллони, Ангелине и Клер. Они ведь, если мне не изменяет память, должны выиграть из-за вашего брака.

— Они все в Англии, — ответила Сабина. — Но Гарри здесь, в Монте-Карло. Его корабль зашел в порт вчера ночью, а сегодня он пришел повидать меня. — Она тихонько вздохнула. — О, прошу вас, попытайтесь меня понять. Он молод — ему всего лишь двадцать один год...

и он был в море очень долго. Он плывал к берегам Африки и не видел белой женщины и не развлекался целыми месяцами.

Сабина замолчала, словно ей вдруг стало трудно продолжать дальше, и через мгновение цыганский король тихо спросил:

— Говорите же, что произошло?

— Я пытаюсь, — ответила Сабина. — Но я хочу, чтобы вы поняли, хотя... кое-кто не понял, что Гарри на самом деле не так плох и глуп. Он просто молод и, поскольку у него всегда было мало денег — намного меньше, чем у других офицеров на его корабле, — он мало веселится и часто отказывает себе в удовольствиях.

— Я прекрасно это понимаю. Когда человек молод, для него естественно быть веселым и беспечным.

Сабина одарила его благодарной улыбкой:

— Я знала, что вы поймете.

— И что же сделал ваш брат, что причинило вам столько тревоги? — спросил цыганский король. — Не проиграл ли он деньги в казино?

— Как вы догадались?! — воскликнула Сабина.

— Так делают многие, когда приезжают в Монте-Карло.

— И Гарри не исключение, — вздохнула Сабина. Он проиграл, вы ужаснетесь... около сотни фунтов!

— Вы просите меня дать ему денег? — спросил цыганский король.

Сабина гордо выпрямилась на своем стуле:

— Нет-нет, разумеется, нет. У меня и в мыслях не было просить вас даже одолжить Гарри, которого вы не знаете, такую огромную сумму. О, пожалуйста, не подумайте, что я приехала с этой целью. Кроме того, я знала, что у вас нет столько денег.

— Не все цыгане бедны.

Но сотня фунтов — целое состояние! Нет, я приехала не поэтому. Когда Гарри сказал мне, что проиграл деньги и дал поддельный чек, по которому не смогут выплатить в банке, я пошла к... моему fiancé — лорду Тетфорду.

— Это, конечно, было очень разумно с вашей стороны. И он дал вашему брату деньги?

— Да... он... дал Гарри... деньги, — сказала Сабина, не осознавая, что заминка, с которой она произнесла эти слова, и внезапное хмурое выражение на лице выдали, чего стоила ей милость жениха.

— Значит, у вашего брата есть деньги, — сказал цыган. — Я не могу понять, чем же я могу вам помочь.

— Мой fiancé дал Гарри денег — франками, разумеется, — и он положил их в карман. Гарри намеревался немедленно пойти в казино, заплатить свой долг и попросить их вернуть чек, который он дал им прошлым вечером. Но по дороге он встретил своих друзей, и они пошли в место развлечений у порта. Там они встретили двух женщин и пригласили их на ужин. Только когда ужин закончился и женщины ушли, Гарри заметил, что потерял деньги, которые лежали у него в кармане. Они исчезли. Все франки, которые Артур — я хочу сказать, мой fiancé — дал ему.

— Исчезли? Вы хотите сказать, что эти женщины украли их?

— Должно быть — да. Они отправились в дамскую комнату и не вернулись.

— Понимаю!

— И тут я подумала, что, быть может, вы сможете нам помочь, — продолжала Сабина. — Гарри сказал, что одна из девушек была светлая, а другая темная, почти как цыганка, сказал он, и ее звали Катиша. Я подумала... я подумала, что, возможно, вы ее знаете и что вы можете... заставить ее, если она действительно цыганка, вернуть... деньги, которые... она украла.

— Понимаю. За этим вы и пришли ко мне?

Ну разумеется. Неужели вы не понимаете, что вы, скорее всего, единственный человек в мире, который может нам помочь? Если вам не удастся вернуть деньги, вы даже не представляете себе, как это будет ужасно и что тогда случится.

— А что случится? — спросил цыган.

— Гарри придется написать папе и рассказать ему, что он натворил. Но так как он знает, что не может просить маму и папу найти такую огромную сумму денег — их действительно у них нет, — он намеревается уйти в отставку.

Сабина говорила без надрыва, и все же сомневаться в том, что произошедшее несчастье для нее было трагедией, не приходилось. Стоило только взглянуть в ее глаза.

— Вы хотите сказать, что нет никого больше, кто бы мог дать или одолжить вам сотню фунтов?

— Нет никого, кого мы могли бы попросить об этом, — ответила Сабина. — А что касается дачи в долг — что ж, это тоже невозможно. Понимаете ли, Гарри пообещал вернуть сотню фунтов, которые он уже взял у моего fiancé, в течение года. Это значит, что он не сможет абсолютно ничего себе купить, на выплаты Артуру будет уходить почти все его жалованье.

— Я думал, вы сказали, что лорд Тетфорд дал ему денег.

— Он дал ему наличные франки, — ответила Сабина. — Но конечно, Гарри придется вернуть их.

— Несмотря на то что ваш брат тогда окажется в весьма стесненных обстоятельствах?

— Артур был очень рассержен на Гарри, — тихо проговорила Сабина. — Он... он не хотел бы делать... многое для моей семьи.

— И вы пришли ко мне.

Вы думаете, вы сможете нам помочь? — спросила Сабина, сжав руки. — Пожалуйста, пожалуйста, скажите, что можете. Я не знаю, что сделают мама и папа, если узнают, что Гарри попал в беду. Они так гордятся им. Он — их единственный сын, и до сих пор все у него шло так хорошо. Он получил продвижение по службе, когда был намного моложе, чем многие его сверстники. Если ему придется уйти из флота с позором, это разобьет им сердце. Прошу вас, помогите нам.

Цыганский король наклонился и сжал руки Сабины в своих.

— Послушайте, Сабина, — сказал он. — Вам не нужно умолять меня. Я хочу помочь вам, и я вам помогу.

— Поможете? О, спасибо, спасибо! — воскликнула Сабина. — Если бы вы только знали, что это для меня значит. Я всегда

чувствовала, что каким-то образом вы меня не подведете, и как же я была права!

— Почему вы это чувствуете? — спросил цыганский король.

— Я не знаю, — ответила Сабина. — В вас есть что-то такое... всегда было... что заставляет меня доверять вам, чувствовать, что вы все поймете.

— А другие люди, наверное, не поняли вас? — спросил он.

Сабина отвернулась и высвободила руки.

— Некоторые... очень... нетерпимы к слабости и глупости других.

— Возможно, они не понимают и других вещей, — сказал цыган. — Например, как вы прекрасны, когда улыбаетесь, как трогательно печальны ваши глаза, когда вы грустны. Вы разве не знаете, что ваши глаза темнеют, когда вы напуганы, а когда вы счастливы, они светлеют и начинают сиять так, что все ваше лицо преображается?

Сабина глубоко вздохнула и поднялась.

— Я должна... идти, — торопливо сказала она. А вы пойдете... и найдете Катишу? Вы заставите ее вернуть деньги... немедленно?

— Вы уходите, потому что чувствуете, что должны так поступить? — спросил цыган. — Или потому, что боитесь меня слушать?

— Боюсь? — тихонько переспросила Сабина.

— Да, боитесь, — подтвердил он. — Вы убегаете, Сабина. Убегаете потому, что ваше сердце велит вам остаться.

Сабина замерла. Она ничего не ответила ему и потупила взгляд, уставившись на свои руки, в которых теребила перчатки для верховой езды.

— Неужели вам нечего мне сказать? — спросил он. Его голос был низкий и ласковый.

Она обернулась. Ее лицо было очень бледно, а губы слегка подрагивали.

— Да... мне есть что вам сказать, — сказала она. — Я хочу вас еще кое о чем попросить.

— О чем же? — спросил он.

— Пожалуйста... пожалуйста, не заставляйте меня... влюбляться в... вас.

Это был крик, который, казалось, исходил прямо из глубины ее души, — крик ребенка, который боится темноты. Он молча смотрел на нее. Мгновение никто из них не шевелился. Затем едва слышно он произнес:

— Разве уже не слишком поздно? Она отвела глаза.

— Да, слишком поздно, Сабина, — продолжал он. — Слишком поздно уходить, стараться забыть, что мы встретили друг друга, притворяться, что мы не стояли вместе и не разговаривали, что наши глаза не встречались и не говорили друг другу вещи, которые наши губы не смели даже прошептать. И я думаю, моя дорогая, если вы честны сами с собой, вы уже немножко меня любите.

— Нет! Нет! — прошептала Сабина.

— Тогда почему, — спросил он, — вы так дрожите? Почему я вижу, как бьется эта вот жилка на вашей шее, словно вы взволнованы? Да, взволнованы, Сабина, тем, что находитесь так близко от меня.

— Это... неправда! — простонала она. — Это неправда!

Вы клянетесь? — спросил он. — Поклянитесь сейчас, глядя мне в глаза. Неужели вы скажете, что с момента, как мы встретились, я ничего для вас не значил, что вы никогда не думали обо мне, что вы никогда не хотели увидеть меня вновь? Произнесите это четко и без колебаний, и я уйду из вашей жизни — и никогда в нее не вернусь.

— Я... не прошу... вас... об этом, — пробормотала Сабина.

— Но вы просили меня не заставляя вас влюбляться в себя, — продолжал цыган. — А я говорю вам, Сабина, что слишком поздно. Я даже не прикасаюсь к вам, а все же вы дрожите, словно я держу вас в своих объятиях. Ваше сердце быстро бьется, и вы тяжело дышите, словно ваши губы близко от моих. Я не прикасаюсь к вам, Сабина, и все же я думаю, что в глубине души вы хотите, чтобы я коснулся вас.

Она вскинула голову, предприняв последнюю попытку протестовать, и смело взглянула ему в лицо. Ее глаза были широко открыты, и в них был свет, который она не могла скрыть, да и выражение ее лица выдало всю правду. Мгновение она только дрожала, а затем почувствовала внезапный огонь ликования, который вдруг вспыхнул внутри и разлился по всему телу. Один его вид вызывал в ней восхищение и заставлял трепетать, словно он и в самом деле держал ее в своих объятиях.

И тут весь мир будто замер. В эту самую секунду их души были так близки, что они позабыли, что были двумя разными существами, а не единым целым. Наконец, словно человеческая природа не выдержала такого напряжения, он опустился на колени перед ней и поднес подол ее юбки к своим губам.

— Я люблю вас, Сабина, — сказал он. — Я у ваших ног. Я не буду навязываться вам или заключать вас в свои объятия, если это будет против вашей воли. Потому что я люблю вас так глубоко, я знаю, что ми предназначены друг другу, вы и я, — я не поцелую вас, пока вы сами не попросите меня, словом или делом. Но я был бы слеп, глух, глуп и недостойн вашей любви и своей, если бы не знал, что и вы тоже немного меня любите, как бы вы ни хотели это скрыть.

— Я... мы не можем... мы не должны... — пролепетала Сабина.

— Вы не должны, вы хотите сказать, — ответил цыган. — И все же почему нет? Я — мужчина. Я вас люблю. Я не могу предложить вам такую же жизнь, то же положение, которое может предложить вам лорд Тетфорд, зато я могу подарить вам счастье.

— О, прошу вас... — взмолилась Сабина. — Вы... не понимаете. — Она закрыла лицо руками и, отвернувшись от стоящего перед ней на коленях мужчины, опустилась в кресло.

— Дорогая, я заставил вас плакать! — воскликнул цыган. — Какой я глупец! Верьте, я не желаю вам ничего, кроме счастья!

— Я... я полагаю, я плачу от счастья, — ответила Сабина. — Я плачу потому, что вы так добры, так отзывчивы, так милы со мной. Если бы мы только встретились на несколько месяцев раньше! Но теперь... теперь слишком... слишком поздно!

Цыган поднялся с колен, посмотрел сверху вниз на ее опущенную голову, и на его лице появилось выражение любопытства.

— Почему слишком поздно? — спросил он.

— По... многим причинам, — прерывисто ответила Сабина. — Мама... так довольна, и есть... остальные девочки.

— Гарриет, Меллони, Ангелина и Клер, — перечислил цыган.

— Да... все... они, — ответила Сабина. — О, я знаю, Артур сказал, что не собирается... многое для них делать после того, как мы поженимся, но, возможно, мне удастся заставить его передумать. В любом случае они смогут распорядиться многими моими вещами... одеждой, всеми деньгами, которые только у меня есть... И они смогут

приехать и остаться у нас в доме. Они... и мама... рассчитывают на это!

— И это ни в какое сравнение не идет с гостеприимством цыганского лагеря.

Сабина вспыхнула и убрала руки от лица.

— Нет, дело не в этом! — горячо воскликнула она. — Вы не должны думать, что я отказываю вам потому, что вы цыган, или потому, что я стыжусь вас. Я была бы очень горда, горда быть вашей... — Слова смолкли.

Цыган наклонился вперед.

— Скажите же, — подтолкнул он. — Произнесите эти слова, любовь моя, слова, которые я мечтаю услышать из ваших уст.

— Но я не должна, — запротестовала Сабина. — Как вы не понимаете? Мы не должны даже... думать об этом... я помолвлена с Артуром... и я должна выйти за него замуж. Кроме того, Гарри должен ему... сотню фунтов.

— О, дорогая, какой же вы ребенок, — ласково произнес цыган. — Неужели вы думаете, что сотня фунтов имеет хоть какое-нибудь значение, когда речь идет о всей вашей жизни? Уедемте со мной. Позвольте мне показать вам, что значит счастье. Позвольте мне научить вас, как любить, как жить, как трепетать, — этому не научит вас ни один англичанин, ни один человек в целом мире не сможет дать всего этого вам потому, что мы предназначены друг для друга.

— Вы не должны... искушать меня, — прошептала Сабина. — Вы не должны просить... подобных вещей от меня. Я не сильная, я... нехорошая, я слабая и... плохая, когда дело касается вас. Я хочу делать то, чего не должна делать никогда. Я хочу быть с... вами. Я хочу слышать ваш голос. Я хочу, чтобы вы... прикоснулись ко мне.

Цыган вдруг отвернулся от нее.

— Вы должны идти, Сабина, — сказал он. — Есть границы, за которые человек не должен переступать. Я люблю вас! Неужели вы думаете, что я не Хочу заключить вас в объятия, покрыть ваше лицо поцелуями, целовать ваши губы, ваши глаза, шею, распуścić ваши волосы и целовать их? Я люблю вас. Любовь — это не то слабое, вялое чувство, в которое превращают ее англичане. Любовь для меня — сила, которая может заставить человека совершать отчаянные поступки. Это то, ради чего человек может страдать от голода, украсть

и бороться со всем миром и даже умереть. Вот что такое любовь, Сабина. А теперь вы должны идти, или я позабуду, что вы гостья, которая воспользовалась моим гостеприимством. Именно поэтому я и не смею прикоснуться к вам.

В голосе цыгана было столько страсти, столько силы — Сабина слушала его затаив дыхание. Ее сердце бешено колотилось, а губы горели — она любила его! Теперь она это понимала. Это была любовь, которая разгоралась в ее сердце, словно пламя костра. Она в нерешительности стояла и думала, что никакая сила в мире не сможет удержать ее от того, чтобы не броситься ему в объятия, поднять свои губы к его и предаться тем поцелуям, сама мысль о которых заставляла ее дрожать и трепетать, но тут цыган резко распахнул дверь. Прохладный ночной воздух ворвался в фургон, свет факелов задрожал, и в лицо Сабины пахнул свежий ветер.

— Идите же! — приказал он, протягивая руку, чтобы помочь ей переступить порог.

Механически Сабина взяла свою шляпу и перчатки и покорно позволила ему провести себя вниз по ступеням фургона туда, где уже ждала ее лошадь. Она едва могла говорить и думать, все ее мысли перепутались.

Он ловко помог ей сесть в седло и отдал приказ одному из своих людей. Спустя несколько секунд какой-то цыган вернулся, ведя под уздцы иссиня-черного жеребца. Это было великолепное животное, в грациозном изгибе шеи которого угадывалась кровь арабских скакунов. Седло было украшено серебром, а стремяна целиком отлиты из вороненого серебра.

Цыган вскочил на лошадь. Он отдал какие-то приказания своим людям, а потом он и Сабина скрылись в темноте. На скаку Сабина чувствовала, что ее восторг потихоньку покидает ее, однако ее дыхание по-прежнему тихо вырывалось из полуоткрытых губ, а тело продолжало трепетать от радости. Он был рядом! Его голова была гордо поднята, и он казался частью лошади, как и любой человек, который привык к лошадям с самого детства.

Что он подумал о ней? — задавала себе вопрос Сабина. Не только из-за того, что она ему отказала, но из-за того, что так крепко держалась за свою помолвку с Артуром. Осуждал ли он ее в самой глубине души за то, что она такой сноб? Думал ли он, что только из-за

ее будущего положения, как жены Артура, она отказалась выйти замуж за бродягу-цыгана, мужчину, у которого не было дома? Понял ли он, что, если бы только она была свободна, если бы только не ее семья, она бы осталась с ним этой ночью, она бы никогда не вернулась назад в Монте-Карло?

Это была любовь, подумала Сабина. Любовь, которая разрывала сердце на части, которая, казалось, сжигала тело, разум и душу. И все же как она могла забыть боль, которую причинит своей семье, и блага, которых она их лишит, останься она сейчас с ним?

Гарриет рассчитывала, что приедет в Лондон, да и мама казалась моложе и красивее с тех пор, как она стала помолвлена с Артуром. Это потому, что она больше так не беспокоилась о будущем и не пыталась припрятать каждый фартинг, чтобы купить Гарриет какие-нибудь нарядные платья, в которых она могла бы совершить свой первый выход в свет.

Сабина вдруг подумала об Артуре, о его холодном, грубоватом голосе, которым он говорил с ней сегодня днем. Она вздрогнула и инстинктивно заставила свою лошадь приблизиться к жеребцу цыгана. Словно почувствовав, о чем она думала и что чувствовала, он вдруг обернулся и заговорил с ней в первый раз с тех пор, как они покинули лагерь. Она могла видеть его лицо, освещенное лунным светом и вдруг показавшееся ей таким чужим, но, тем не менее, сильным и надежным, его черные волосы, откинутые ветром назад с квадратного лба, полные и чувственные губы, темные, пронизательные глаза, горящие огнем страсти.

— Мы скачем бок о бок, — сказал он своим низким звучным голосом, который, казалось, играл на ее чувствах, словно она была инструментом, который отвечал на прикосновение музыканта. — Бок о бок, Сабина. Для вас это ничего не значит? Для меня это значит все, о чем я мечтал и на что надеялся — сегодня и всегда.

Глава 10

Сабина пошевелилась и проснулась. Мгновенно мысли и воспоминания, словно толпа назойливых попрошайек, нахлынули на нее. Прошлая ночь была так щедра на события, но ее мысли, казалось, больше всего задержались на той поездке верхом в темноте, бок о бок с цыганским королем.

В словах не было нужды. Между ними была близость и понимание, которое сделало слова излишними. Для Сабины просто скакать рядом с ним, чувствовать его силу, знать, что ей надо всего лишь протянуть руку и она сможет дотронуться до него, само по себе было наслаждением.

И лишь когда впереди засияли огни Монте-Карло, она сказала:

— Ведь ваш лагерь переехал с тех пор, как я была у вас в первый раз?

Он повернулся к ней и улыбнулся, глядя на ее обращенное к нему личико:

— Я хотел быть как можно ближе к вам.

Она думала и раньше, что таково объяснение, но слышать его было радостью, которую она не могла скрыть. Они помчались дальше, и наконец, доехав до развилки дорог, где первая белая вилла уютно примостилась среди зелени деревьев, цыган, натянув поводья остановил лошадь.

— Теперь мне придется вас покинуть, дорогая, — скан. — Но я встречусь с вами позже. Где мне найти вас?

— Я велела Гарри подождать меня на дороге за виллой, — ответила Сабина.

— Я приеду туда, — сказал он и взял ее за руку. На ; ней была перчатка для верховой езды, и он, отвернув широкую крагу, поцеловал кожу ее запястья. Она задрожала, но не успела что-то сказать, спросить, что он собирался делать, как он пришпорил свою лошадь и исчез в темноте петляющей дороги, которая, как знала Сабина, вела в город.

Она поехала более медленно. В окнах многих вилл все еще горел свет, и далеко впереди виднелись зазывные огни казино. Люди, думала она, играли в этом здании, собравшись так, что каждый их нерв был

напряжен, на крутящемся колесе рулетки или картах они испытывали судьбу. Блуждающий колдовской огонек заманивал неосторожных и глупых, даря многим удовольствие и все же неизбежно оказываясь ловушкой для неопытных и неискушенных.

Но никто не мог защитить людей от самих себя. Гарри усвоил этот урок. Он был жесток, и долгие месяцы он еще с горечью будет его помнить. Вздрогнув, Сабина вспомнила, что Гарри все еще не был спасен. Цыганский король должен был найти Катишу и убедить ее отдать деньги, только тогда Гарри можно вытащить из той ямы унижения и деградации, в которой он сейчас находился. Только тогда Сабина обретет уверенность в том, что Гарри спасен. Она не могла не доверять цыганскому королю, знала, что он ее не подведет.

Когда она наконец добралась до виллы «Мимоза» и проехала мимо ее фасада и дальше вниз по склону холма, на ее губах играла улыбка. Гарри ждал ее в тени деревьев. Стоило ей показаться, как конюх бросился к ней, взял лошадь под уздцы, и через мгновение Гарри уже стоял подле нее.

— Все в порядке?

Он едва дышал от волнения, и она видела, судя по темным кругам под его глазами, как сильно он страдал.

— Я думаю, все будет в порядке, — тихо ответила она. Он помог ей слезть с лошади, и конюх увел ее.

— Ты не привезла деньги? — спросил он. Она покачала головой:

— Нет. Но нам их привезет кое-кто, кого я знаю. Я в этом уверена.

— Кто этот человек?

— Я встретила его, когда впервые приехала сюда, уклончиво ответила Сабина.

— Это конечно же мужчина, — сказал Гарри. Сабина не ответила. Что-то в выражении ее лица и напряжении ее тела заставило брата, который обычно не отличался проницательностью, прибавить:

— Что он значит для тебя? Сабина чуть слышно вздохнула:

— Почему ты меня спрашиваешь об этом?

— Потому что, когда речь заходит о нем, ты становишься скрытной и странной, — ответил Гарри. — Потому что он готов помочь тебе, и — послушай, Сабина, ты не попала в беду, нет?

— Беду! В какую такую беду? — спросила Сабина с веселыми нотками в голосе.

Гарри посмотрел ей в лицо.

— По-моему, ты в него влюбилась, — медленно произнес он.

— Что навело тебя на подобную мысль? — спросил Сабина, пытаясь говорить легкомысленным тоном, но только вот скрыть предательский румянец не смогла.

— Ты не можешь мне лгать, — сказал Гарри. — В любом случае, ты никогда не была хорошей лгуньей. Ты в беде, сестренка? Если да, я помогу тебе, если смогу.

Сабина дотронулась до его щеки:

— Дорогой Гарри. Мы всегда говорили друг другу все разве не так? Но об этом я не могу тебе рассказать, ты все равно не поймешь.

— Откуда ты знаешь? Ты мне не доверяешь.

— Не в этом дело, — сказала Сабина. — Просто я не могу, не смею говорить об этом. Он мой друг, это все, что я могу сказать. И когда он приедет, ты должен быть мил с ним — прошу тебя, Гарри, пообещай мне это!

Позже она поняла, что ей не обязательно было вырывать у него это обещание. Гарри, после одного встревоженного взгляда, брошенного на цыганского короля, казалось, не нашел его ни странным, ни каким-то подозрительным другом для своей сестры. Правда, сперва он был так ошарашен, получив сверток банкнотов, который ему вручил цыган, что мог только пробормотать слова благодарности и снова и снова повторял, насколько он ему обязан.

— Так вы вернули деньги! — воскликнула Сабина. — Я была уверена, что вам это удастся.

— Вы действительно добыли их у Катиши, сэр? спросил Гарри. — Я думал, уже после того, как Сабина уехала вас искать, что совершил ошибку, предположив, что именно она была виновницей. Я вспомнил, что в карете рядом со мной сидела светленькая девушка, скорее всего, именно она и взяла деньги, а не ее подруга.

Цыганский король улыбнулся:

— Давайте не будем задавать вопросы. Деньги — у вас, это главное, разве не так?

— Да-да! — воскликнул Гарри.

— И могу я посоветовать, если вы не сочтете это наглостью, немедленно передать их в казино?

— Я отправлюсь туда сию же секунду. Но как мне благодарить вас, сэр, за то, что вы сделали для меня?

— Мне не нужна благодарность.

— Но мне кажется, я должен сказать вам... — начал Гарри, но цыган не дал ему договорить:

Вы только поставите меня в неловкое положение. Теперь торопитесь: а вдруг ваш чек уже на пути в Англию. Убедитесь в том, что они его аннулировали, но не садитесь за игорный стол, прежде чем не встретитесь с кассиром.

— У меня не настолько куриные мозги — второй раз я не наступлю на одни и те же грабли, — заверил Гарри. — До свидания, сэр. До свидания, сестренка. Я и не думал, что у сегодняшнего дня будет такой счастливый конец.

Сабина поцеловала его, и он торопливо зашагал вверх по склону холма. Она посмотрела ему вслед и тут увидела, что цыганский король пристально наблюдает за ней.

— Как мне благодарить вас? — тихо спросила она.

— Мне не нужна благодарность, — снова повторил он. — Я горжусь тем, что вы пришли за помощью именно ко мне, что вы доверяете мне.

Его голос заставил ее затрепетать. Сгорая от робости и смущения, Сабина бессмысленно уставилась на стену, рядом с которой они стояли.

— Я должна идти, — пробормотала она.

В ответ цыган вдруг схватил ее на руки, поднял вверх и посадил на гладкие камни стены.

— Не шевелитесь, пока я не смогу вам помочь, — приказал он снизу.

Он перемахнул через стену и оказался по другую сторону, в саду. Подняв руки, он аккуратно опустил девушку на землю. На мгновение они оказались очень близко друг к другу. Она почувствовала, что слышит биение его сердца, в тот миг, когда его руки крепко прижали ее к себе. Голова закружилась, и ей ужасно захотелось броситься ему в объятия. Она хотела, как еще никогда и ничего в жизни, почувствовать его губы. И тут вдруг он ее отпустил, и они встали немного поодаль друг от друга между стволами деревьев, а лунный свет рисовал странные узоры на земле между ними.

— Мне больно говорить вам, что вы действительно должны идти, — тихо произнес цыган. — Вы так устали Вы столько волновались и так были огорчены. Для одного дня хватит эмоций. Теперь вы должны лечь в постель и поспать.

Его забота заставила слезы навернуться на ее глаза.

— Но теперь все хорошо, — сказала она.

— Все ли? — Он вопросительно поднял брови. Она знала, что он думал о своей любви к ней и о ее помолвке с Артуром. Она отвела глаза, и он сказал:

— Но сегодня ночью я решил вам больше не доставлять никаких неприятностей. Бывают моменты, когда мы теряем способность здраво мыслить и мечемся между сердцем и разумом. И это, моя любовь, как раз та ситуация, в которой вы сейчас находитесь. Нет, ничего не говорите, — продолжал он, словно она хотела что-то возразить. — Но прежде чем уйти, я хочу сказать вам кое-что. Никогда больше вы не должны рисковать так, как рисковали сегодня. Не ищите меня, не скачите одна по темным и опасным дорогам. Если я вам понадобится, просто выйдите на балкон со свечой в руке. Привяжите платок, который я вам дам, вокруг перил, и через час я буду у вас.

— Вы хотите сказать, что кто-то будет все время наблюдать?..

— Всегда. Вы не увидите, кто наблюдает, не бойтесь, но кто-то всегда будет рядом, чтобы, как только вы захотите меня видеть, немедленно известить меня.

Он снял с шеи шелковый платок и положил на ее правую ладонь. Ее пальцы сомкнулись на мягкой поверхности, и она вдруг с теплотой подумала: эта вещь принадлежала ему, он носил ее, и она сможет хранить ее вечно.

— А теперь спокойной ночи, — сказал цыган.

Он взял ее левую руку, снял перчатку и посмотрел на открытую ладошку.

— Хотите, я прочту ваше будущее? — спросил он. Или мне лучше сказать, что вы стоите на перепутье дорог? Есть два пути, по которым вы можете пойти, и только вы, Сабина, можете решить, какой из них выбрать.

Она что-то пробормотала, видимо желая возразить, что все должна решить именно она, а затем почувствовала его губы: сперва на

своей ладони, потом на каждом пальчике в отдельности и наконец медлившие, горящие и зовущие на нежных голубых жилках запястья.

— Я люблю вас, — произнес он очень нежно. — Не думайте ни о чем сегодня ночью, кроме того, что я люблю вас.

Когда она засыпала, эти слова все еще звучали у нее в ушах, а когда проснулась, то обнаружила, что всю ночь проспала с его шелковым платком под щекой.

Был уже день, лучи солнца струились в окно, и она попыталась убедить себя, что все теперь покажется ей другим. Прошлая ночь была сном, невероятным, волнующим сном, одна мысль о котором все еще могла заставить ее кровь стучать в висках. Но сегодня она должна взглянуть на вещи реально.

Как она могла хоть на секунду подумать, что может стать женой цыгана? — спрашивала она себя. Мужчины, о котором она ничего не знала, у которого, если уж на то пошло, могло быть полдюжины жен из его собственного племени.

Сабина вдруг всхлипнула и закрыла глаза его платком. Бесполезно, она не могла его в чем-то укорять даже про себя. Она любила его. Она любила в нем все — как он двигался, как говорил, прикосновение его рук и горячую настойчивость его губ. Она не могла представить себе ничего более совершенного или более близкого к раю, чем быть в его руках, позволять ему делать все, что он хотел, и чувствовать его поцелуи на своем лице и волосах. При одной только мысли об этом она задрожала. Губы приоткрылись, дыхание стало прерывистым, а веки внезапно странно отяжелели. С усилием она вернулась к реальности.

Она была помолвлена с Артуром, она гостила у его матери и носила одежду, которая была подарена ей как часть приданого. Дома ей собирали свадебные подарки, а мама строила планы на свадьбу, которая должна была состояться в июне. Не сошла ли она с ума, раз могла подумать о том, чтобы отвернуться от всего этого? Нарушить данное слово, опозорить свою семью, стать в глазах всех изгоем, человеком, о ком они будут говорить не иначе как с презрением и сожалением.

«Это безумие. Безумие, безумие!» — повторяла Сабина снова и снова, но в ушах ее звенел этот низкий голос с таким милым акцентом,

говорящий: «Я люблю вас!»

— Почему это должно было случиться именно со мной? — вслух спросила Сабина и подумала, что, не случись этого, она бы так никогда и не узнала, что такое настоящая любовь. Она искренне верила в то, что любила Артура. Приехав в Монте-Карло, она думала, что была самой везучей девушкой в мире, потому что она выходит замуж за столь влиятельного, столь очаровательного и в высшей степени достойного человека. Что же изменило ее отношение к нему за столь короткое время? Она знала ответ — это была любовь!

Она всегда думала, что такая любовь существует только в книгах. Но даже те более или менее откровенные романы, которые тайком они читали с Гарриет, не открыли ей и доли правды об этой дивной радости, которая, казалось, преображала весь мир вокруг, когда он был рядом. Они не объясняли, что она будет едва дышать и находиться на грани обморока, но в то же время наполняться жизненной силой, стоит ему коснуться ее. Она никогда не думала, что может мечтать о прикосновении мужских губ или чувствовать себя так, словно внутри у нее горит странный огонь, разожженный его словами, что один взгляд его глаз заставит ее трепетать всем телом.

— Я влюблена!

Она произнесла эти слова вслух, подошла к окну, но в тот же миг отступила назад, вспомнив, что на ней только ночная рубашка, и почувствовав, что где-то в зеленых зарослях пара глаз ждет сигнала, который приведет его к ней.

«Неужели это и вправду происходит?» — спросила себя Сабина. Неужели это правда, что она, Сабина Уонтидж, старшая дочь приходского священника в Кобблфилде, безвкусно одетая, непривлекательная, никому не известная девочка, которая при первом выезде в Лондон испытала полнейший провал в свете, теперь здесь, в Монте-Карло? Неужели это она помолвлена с одним мужчиной, а влюблена в другого? Неужели это за ней следили цыгане, неужели это она, если верить словам их короля, стояла на перепутье дорог?

Что ей делать? Что она могла сделать? Разумеется, только выйти замуж за Артура, как и было условлено.

Сабина прожила этот день словно во сне. Вместе с леди Тетфорд они ездили кататься верхом, побывали на званом обеде, потом снова покатались в карете, посетили магазины, выпили чаю в кругу друзей и

наконец вернулись домой. Там их уже поджидала записка Артура, в которой говорилось, что он заедет за ними где-то без четверти восемь.

Все это время Сабина чувствовала себя отрешенной от всего происходящего — казалось, она была зрителем, перед которым разыгрывали какой-то странный спектакль. Только когда она услышала имя Артура, в первый раз за весь день сознание реальности вернулось к ней.

— Куда мы едем сегодня вечером? — спросила она.

— Мы ужинаем с великим русским князем Иваном, ответила леди Тетфорд. — Это обаятельный мужчина, и он тебе понравится. Недавно он построил виллу в Монте-Карло и теперь устраивает приемы с большой роскошью и великолепием.

— Вы давно с ним знакомы? — поинтересовалась Сабина.

— Да, многие годы, — ответила леди Тетфорд. — Он один из тех моих друзей, кого Артур, к моему удивлению, находит вполне приемлемым. — Она засмеялась. — Я не должна позволять себе быть злою, — прибавила она. — Мы должны всегда оставаться лояльными, особенно к капризам собственных детей.

— Артур едет с нами? — спросила Сабина.

— Да. Когда я сказала великому князю, что ты гостишь у меня и что ты помолвлена с Артуром, он пригласил вас обоих. Я очень хочу, чтобы ты поскорее познакомилась с ним. Однажды кто-то сказал: если князь Иван захочет, он может очаровать кого угодно. Мне весьма интересно, что ты о нем скажешь.

«Что такое обаяние?» — думала Сабина, когда поднималась вверх по лестнице, чтобы переодеться для ужина. Сочтет ли леди Тетфорд, что у цыганского короля есть обаяние? Своему сыну она напрочь в нем отказывала. Как же Сабине хотелось довериться кому-то более опытному и мудрому.

Она вдруг почувствовала себя молодой, беспомощной и ужасно несведущей девицей. Что она знала о мужчинах, или, если на то пошло, хотя бы о каком-нибудь одном мужчине? Она была знакома всего с несколькими мужчинами, которые так мало значили в ее жизни. У нее не было стандарта, по которому она могла судить, и из-за своей неопытности могла легко совершить роковую ошибку, сочтя мужчину привлекательным только потому, что он романтичен.

И все же она была уверена, что цыган, какими бы ни были его воспитание и манеры, был по-своему джентльменом. Гарри ведь тоже так думал и почти инстинктивно назвал его «сэр». Это была не просто благодарность за то, что тот оказал ему услугу, он просто признал его старшинство и влияние.

Но и Гарри был молод и неопытен. Что бы подумал Артур о ее друге-бродяге? Она вздрогнула при мысли о том, что Артур когда-нибудь узнает об этом. Она могла представить себе выражение холодного презрения на его лице, гнев и укор в его голосе.

Сабина начала торопливо одеваться. Она не хотела ни о чем думать, она хотела вернуться назад, к чувству зыбкой отрешенности от всего происходящего, в котором пребывала весь день. Но это было невозможно. События прошлой ночи вернулись к ней. Да, она стояла на перепутье. Какую дорогу она выберет?

Вилла великого князя, как и сказала леди Тетфорд, оказалась великолепной. Снаружи она не отличалась особенной роскошью, но стоило переступить порог, как она становилась непохожей на все другие виллы и дома, в которых Сабина бывала раньше.

Прекрасные ковры из Персии, нефрит и слоновая кость из Китая, шелк и вышивки из Японии, сандал и специи из Аравии — все было здесь. Великолепные картины, украшенные драгоценными камнями иконы, резьба и хрусталь изумляли Сабину, словно сказки из «Тысячи и одной ночи» вдруг стали явью.

Но все это был лишь некий фон для самого великого князя. Высокий и красивый, с тонкими аристократическими чертами лица и усталыми карими глазами, которые, казалось, загорались, когда он улыбался, ОФ тоже будто пришел из сказки. Его учтивость и поразительное обаяние заставляли гостей чувствовать себя не в гостях как дома, несмотря на различие их характеров и национальных особенностей.

Оказалось, что они попали на большой прием: на ужине присутствовали больше тридцати человек. Увидев, что и Шерри здесь, девушка несказанно обрадовалась. Ее старый добрый друг подошел к ней, едва она приехала, хотя Артур и бросил на него злой взгляд, дав понять, что он не очень-то рад его видеть.

— Не будь таким неприветливым, Зануда, — сказа ему Шерри, отнюдь не смущаясь холодным приемом. — Я хотел бы поговорить с

Сабиной, нравится тебе это Я не запрещал тебе, — мрачно отозвался Артур.

— И не стоит, — ответил Шерри. — Ведь мне известно, что ты — собака на сене, Зануда. Еще в школе ты не давал мне свою битую для игры в крокет или мяч, когда я у тебя просил.

— Я не уверена, что мне нравится, когда меня сравнивают с битой или мячом, — смеясь, заметила Сабина.

— Это были самые ценные вещи, принадлежавшие Артуру в то время, — возразил Шерри. — Теперь, когда у него есть вы, он будет таким же жадиной, если ему представится такая возможность. С ним надо быть строгим.

Сабина умоляюще взглянула на Артура, но он был явно не в настроении, и, хотя Шерри продолжал беспечно веселиться, Сабина нашла этот разговор неловким и лишним. Наконец объявили, что ужин подан. К радости Сабины, Шерри сидел справа от нее, и ужин, с его длинным, детально продуманным рядом блюд, вскоре начался.

— Что сегодня с Занудой? Он словно медведь, у которого голова болит, — заметил Шерри.

— Называйте же его Артуром, — взмолилась Сабина. — Он терпеть не может свое прозвище. И вздрагивает, когда слышит его. Я уверена, именно это его и сердит при встречах с вами.

— Значит, Артур. Так что с ним?

— А разве что-то не так? — спросила Сабина.

— Боже правый! Вы что, хотите сказать, что он всегда такой? Смертельная тоска, вот в чем дело!

— Шерри, вы не должны говорить ничего подобного в моем присутствии, — попросила Сабина.

— Я же вам говорил, что... — Шерри сделал паузу. — Нет, теперь не скажу.

— Не скажете что? — спросила Сабина.

— То, что собирался сказать, — загадочно улыбнулся Шерри.

Больше ей не удалось из него вытянуть ни слова, и она была вынуждена повернуться к кавалеру слева и занять разговором его.

Когда ужин закончился, дамы прошли в гостиную, которая, как обнаружила Сабина, выходила в прекрасную оранжерею, где среди огромных клумб с экзотическими цветами играл оркестр и журчал прозрачный, переливающийся всеми цветами радуги фонтан. Она

была так увлечена всем увиденным, что с трудом заставляла себя прислушиваться к болтовне остальных дам. Наконец к очаровательным гостям присоединились мужчины, и, когда Сабина подняла глаза и увидела перед собой Шерри, она поняла, насколько глубоко погрузилась в свои мысли.

Шерри отвел ее в сторонку, якобы чтобы показать ей орхидею, а потом, когда их уже никто не мог услышать сказал:

— Не злитесь, Сабина, но Артур слегка накачался.

— Накачался? — переспросила Сабина. — Вы хотите сказать, что Артур... слишком много выпил?

Шерри ухмыльнулся.

— Это была не совсем его вина, — объяснил он. — Не совсем. Он был такой напыщенный и противный, что я рассказал великому князю, как его звали в Итоне и каким он может быть иногда ужасно самодовольным. Великий князь проникся.

— Проникся чем? — не поняла Сабина.

— Короче, мы решили напоить Артура. Когда вы дамы, вышли из залы, мы убедили великого князя предложить тост. Выпить за тост по-русски — значит опустошить свой бокал до дна. Великий князь приказа слугам наполнить бокал Артура до краев, в то время как у нас у всех было лишь на донышке. Конечно же Артуру пришлось поступить как того требует такт. В результате оказалось, что он сделан из плоти и крови, как все мы.

— О, Шерри, как вы могли сыграть с ним такую отвратительную шутку? — сердито сказала Сабина. — Это огорчит леди Тетфорд, и, что еще хуже, завтра Артур будет в ярости, когда он не узнает, что это я виноват, — беспечно хохотнул Шерри. — Он думает, что мы все выпили одинаково. Вы не должны нас выдать, понятно?

— Я не собираюсь. Он очень плох?

— Сами посмотрите. Пока стоит на ногах.

— Не хочу смотреть, — взволнованно сказала Сабина.

Она вдруг разнервничалась и испугалась, и Шерри отвел ее в дальний угол оранжереи, где среди цветов спрятался почти невидимый постороннему взгляду диванчик для двоих.

— Давайте присядем, — сказал он. — Кроме того, мне надо с вами поговорить.

— О чем же? — спросила Сабина.

— Выходите за меня замуж.

— Если это шутка, то не смешно... — начала Сабина и тут поняла, что Шерри говорил абсолютно серьезно.

— Вы не можете выйти за Артура, — сказал он. — Он не сможет сделать вас счастливой! Я еще никогда не встречал девушку, которая понравилась бы мне больше, чем вы. Выходите за меня, Сабина. Нам будет ужасно весело вместе.

— Это очень любезно с вашей стороны, Шерри, даже мило. Но я не люблю вас — и я на самом деле не верю, что и вы любите меня.

— Но я правда люблю вас. И простите, как же вы в таком случае выходите замуж за Артура? Ведь вы и его не любите.

— Откуда вы знаете, что я не люблю его? — прошептала Сабина.

— Боже правый! У меня же есть глаза. Никто не может любить Артура! И не тешьте себя, что и он любит вас. Он любит только одного человека, и это он сам — так было всегда. Само собой разумеется, сейчас уже поздно меняться. Выходите за него, и он превратит вас в рабыню, в коврик для вытирания ног. Кроме того, он сноб, а это самое отвратительное.

— Вы не должны так говорить, — возразила Сабина.

— Выходите за меня, я сделаю вас счастливой! взмолился Шерри.

— Вы же знаете, я не могу... И если откровенно, Шерри, я не думаю, что я самая подходящая девушка для вас.

— Если уж вы мне не подойдете, тогда никто не подходит, — отрезал Шерри. — Я буду продолжать просить вас об этом до тех пор, пока вы не согласитесь.

— О, Шерри! Вы так добры ко мне и вы так мне симпатичны, но однажды вы по-настоящему влюбитесь в кого-то, и я буду счастлива, правда — буду.

— Что вы имеете в виду? По-настоящему влюблюсь? спросил Шерри. — Я влюблен в вас, и это серьезно.

Сабина покачала головой:

— Нет.

— Откуда вы столько знаете о любви? — спросил Шерри.

Сабина пыталась придумать какой-нибудь подходящий ответ, но тут к ним нетвердой походкой подошел Артур. Выражение решительности и целеустремленности на его лице ясно давало понять, что он искал ее.

— А, вот ты где, — злобно сказал он, странно растягивая слова.

— Да, я здесь, Артур, — спокойно ответила Сабина.

— Ты должна немедленно отправляться домой, слышишь? Немедленно! — почти заорал Артур. — Я не потерплю, чтобы ты сидела здесь с этим типом — он и в Итоне был никудышным малышом, никудышный и сейчас. Оставь его и ступай за мной.

— Но, Артур... А где твоя мать? — спросила Сабина.

— Она уехала в казино. И велела передать тебе, что и ты можешь присоединиться к ней, если хочешь. Но я увожу тебя домой. Болтаться здесь — это не к лицу приличной девушке.

— Послушай, Зануда... — начал Шерри.

Сабина протянула руку и заставила его замолчать.

— Я сделаю так, как говорит Артур, — проговорила она. — Пойдем, Артур. Пойдем.

Сабина попрощалась с великим князем, взяла свою накидку и сошла вместе с Артуром вниз по ступеням к карете, которая уже поджидала их. Она уселась на обитое подушками сиденье, и, когда Артур уселся рядом, лакей положил плед ей на колени. Дверцу захлопнули, и лошади тронулись.

Тогда, к удивлению Сабины, Артур обнял ее и грубо прижал к себе.

— Я не потерплю, чтобы ты флиртowała с этим типом, с Шерингемом, слышишь? Ты принадлежишь мне — ясно? Ты принадлежишь мне!

Он наклонился и прижался своими губами к ее губам. Она была так удивлена его поступком и так не подготовлена к внезапному поцелую, что мгновение не оказывала никакого сопротивления, а только дрожала всем телом. Он прижал ее к себе еще крепче, и, когда Сабина почувствовала, что сейчас задохнется, она попыталась вырваться. Но тщетно!

— Ты — моя, — хрипло повторял он вновь и вновь, жадно, с почти животной жестокостью целуя ее, пока она наконец не закричала от боли. — Ты — моя, и я не потерплю никаких вольностей!

Он прижал ее к себе еще крепче. Наконец ей с трудом удалось отвернуться от него, так что ему пришлось поцеловать ее в щеку. Сообразив, в чем дело, он протянул руку, насильно повернул ее подбородок к себе и снова впился в ее губы.

— Нет, Артур... прошу тебя, Артур... ты делаешь мне больно.

Теперь Сабина была уже не на шутку напугана, но он не обращал на это никакого внимания.

— Ты принадлежишь мне, — повторял он и приник к ее рту, да так грубо, что на ее губах выступила кровь. — Мне следовало бы побить тебя за твое поведение сегодня вечером, — хрипло сказал он. — Однажды я так и сделаю.

— Артур... отпусти меня.

Сабина попыталась оттолкнуть его от себя, ее платье затрещало по швам, и его руки, крепкие и грубые, легли ей на плечи. И снова его губы завладели ее ртом, лишив ее воли, оставив беспомощной и дрожащей под бурным натиском.

С чувством чрезвычайного облегчения она заметила, что лошади подъехали к вилле и остановились.

— Я зайду, — объявил Артур, все еще не отпуская ее.

— Нет, Артур!

— Я хочу поговорить с тобой, — сказал он, и его глаза почернели от страсти.

Тогда-то Сабина и почувствовала, что больше не может этого терпеть. Лакей распахнул дверь.

— Ты не можешь зайти, Артур! — воскликнула она. Я устала... я хочу лечь.

Она знала, что ее голос уже срывался на крик, но по чему-то сейчас это было не важно. Ничто не было важно, лишь бы освободиться от него.

— Я настаиваю, — услышала она его голос.

— Нет... нет... я устала.

Она вывернулась так ловко, что застала его врасплох. Выскочив из кареты и оторвав оборку платья, которая зацепилась за дверцу, она опрометью бросилась вверх по ступеням на виллу и влетела в парадный вход.

— Я ложусь в постель... Бейтс! — едва дыша, крикнула она дворецкому, который ждал в холле. — Я устала и никого не хочу видеть. Вы поняли? Не беспокойте меня, кто бы... ни хотел меня видеть.

Бейтс посмотрел мимо нее туда, где Артур медленно, с трудом вылезал из кареты.

— Понимаю, мисс, — сказал он. — Никто не побеспокоит вас.

Сабина уже прошла половину лестницы наверх, когда он произнес последние слова. Она распахнула дверь своей спальни, заперла ее за собой на замок и, прислонившись к ней спиной, прислушалась к тому, что происходило внизу. Она слышала голоса — Артура, хриплый и злой, и Бейтса, низкий и полный чувства собственного достоинства. Она не слышала, что они говорили, но после долгой тишины раздался звук отъезжающей кареты и закрываемой парадной двери. Наступила тишина.

Сабина отошла от двери и упала на стул рядом с туалетным столиком. Она поднесла руки к лицу — ее пальцы были ледяные и тряслись. Несколько секунд она сидела не шевелясь, спрятав лицо, пока наконец не подняла голову и не взглянула на свое отражение в зеркале. Ее глаза были широко открыты, а лицо мертвенно бледно. В свете свечей она могла видеть порванное кружево, которое свисало с ее лифа, и красные следы на плече и чуть выше локтя, там, где ее сжимали пальцы Артура.

Она прикоснулась к своему рту в синяках и, взяв платок, вытерла рот и щеку, желая стереть его поцелуи. Она все еще чувствовала жестокое давление на своих губах. Он был пьян — и все же этому не могло быть оправдания. В поцелуях, которыми он осыпал ее, не было любви, только желание властвовать, только похоть, которую она заметила в нем, даже если по невинности не понимала всего до конца.

Теперь ей стало ясно: она ненавидит Артура. Тупо смотрела она на свое отражение в зеркале несколько секунд, потом встала, подбежала к потайному ящичку в столе у кровати и открыла его. В самом дальнем его углу был спрятан шелковый платок, который дал ей цыганский король прошлой ночью. Она прижала его к щеке, поцеловала его и вмиг почувствовала себя успокоенной мягкостью его шелка.

— Я не могу выйти за Артура замуж... не могу.

Она произнесла эти слова вслух и услышала дрожь и страх в своем голосе. Она снова взглянула на платок.

Настал момент, когда она должна решить, по какому пути ей идти! Импульсивно, словно боясь своего собственного решения, она взяла свечу со стола.

Теперь она больше не колебалась. Отодвинув занавески, она вышла на балкон. Мгновение Сабина стояла, держа свечу высоко над головой, потом поставила ее, привязала платок за край перил и стала пристально вглядываться в темноту. Было очень тихо. Никакого движения в саду, и ей стало интересно, действительно ли за ней следили, замечен ли ее сигнал, или это был всего-навсего лишь сон.

Она подождала. Ничего не произошло, и спустя некоторое время она вновь вернулась в свою комнату и поставила свечу на стол. Теперь она чувствовала, что стены, которые еще так недавно казались ей защитой, душили ее. Она была напугана, но спокойно ждала своей участи. Словно стояла на краю высокой скалы и видела, как внизу бурлит и пенится вода, маня ее в свою пучину.

Сабина взяла кружевную шаль из шкафа и, набросив ее на плечи, снова вышла на балкон и спустилась по лестнице в сад. Если он придет к ней, он придет тропинкой мимо фонтана и пагоды, и она намеревалась подождать его там, только не в доме.

Она понимала, что должно пройти какое-то время, прежде чем он придет, и она вновь почувствовала себя вне реальности, как и весь этот день. Она могла только ждать! Ждать и считать минуты! У ее ног нежно журчал фонтан, а листья пальмовых деревьев чуть слышно шептались, покачиваясь от ночного бриза.

Ее руки болели, и она знала, что завтра на них появятся синяки. Но еще больше ее пугало то, что происходило у нее внутри. Это были ужас и ненависть к Артуру, такая сильная, какую она еще никогда ни к кому не испытывала в жизни. На мгновение даже ее семья показалась ей как бы нереальной. Все выбилось из фокуса, кроме страха перед одним мужчиной и желанием быть с другим.

Медленно, очень медленно тянулось время, пока наконец вдалеке она не услышала стук лошадиных копыт. Он смолк, и через минуту она увидела его — он шел к ней через залитый лунным светом сад.

И тут все ее затаенные чувства, вся боль, весь страх, вызванный там, что произошло с ней, вся ее нерешительность и душевные колебания, облегчение и внезапно нахлынувшая радость, которую она испытала при виде его, слились воедино, и она шагнула ему навстречу. Там, с ним хотела она быть!

Она бросилась по тропинке, вытянув руки ему навстречу, — шаль, которой она накрыла плечи, развевалась позади. Она не думала ни о

чем, кроме того, что он был здесь. Он обнял ее, и она доверчиво прижалась к нему, зная, что теперь она была в безопасности, была защищена, как никогда раньше.

— Ты пришел... ты пришел, — шептала она. — О, обними меня... обними меня покрепче... только не отпускай меня.

— В чем дело, дорогая? — спросил он. — Что так огорчило тебя? Что произошло?

— Обними меня крепче! — умоляла она. Находиться в его объятиях — это было такое счастье.

Она и не представляла себе, что кто-то может быть настолько сильным, настолько нежным и так необходимым.

— Я... боялась, — прошептала она. — Боялась, что никто не наблюдал, как ты обещал... что они не скажут тебе, что ты... мне нужен.

— Я здесь, — ответил он, пытаясь ее утешить. — Я приехал так быстро, как только смог.

— И ты больше не уйдешь? — спросила она. — Ты не оставишь меня?

Она подняла лицо, и он понял, судя по ее потемневшим глазам и напряженным чертам, что она была действительно сильно напугана.

— Я не оставлю тебя, — тихо сказал он. — Пока ты сама меня об этом не попросишь. Я буду здесь так долго, сколько понадобится.

— Пообещай, что не позволишь ему... прикоснуться ко мне. Больше никогда... никогда...

— Кто прикоснулся к вам? — начал он. А потом увидел кровоподтеки на ее плечах и порванное кружево ее платья. — Кто посмел? — спросил он, и его голос был страшен от гнева.

— Я не могу... выйти за него замуж, — всхлипывала Сабина. — Я не могу. Я пыталась сделать как правильно... но я знаю, что я не могу... выйти замуж за Артура... что бы кто ни говорил.

Она вдруг вскинула голову, и на ее ресницах засверкали слезы.

— Позаботься обо мне, — взмолилась она. — Прошу тебя... прошу... позаботься обо мне. Я не могу больше перечить своему сердцу... я... я люблю тебя!

Глава 11

Цыган схватил Сабину на руки и отнес ее на скамеечку под пагодой, где они сидели в первую ночь. Там он ее посадил, хотя она бормотала протесты и цеплялась за него.

— Мы должны поговорить, моя любовь, — нежно сказал он.

— Мне больше нечего сказать, — ответила она. — Я решилась. Возьми меня с собой... прямо сейчас.

— Ты и вправду пойдешь со мной прямо сейчас? спросил он.

— Я же только что тебе сказала. Пожалуйста, возьми меня с собой. Я не могу здесь оставаться.

Несколько секунд он молчал. Она взглянула на него, пытаясь понять, почему он ничего не говорит. Он слегка нахмурился, а на переносице проступили маленькие морщинки.

— Ты хочешь пойти со мной, потому что желаешь убежать от человека, с которым ты официально помолвлена? — спросил он. — Или потому, что хочешь быть со мной?

— Потому что хочу быть с тобой! — воскликнула Сабина. — Как ты можешь в этом сомневаться? Я уже сказала, что я... я люблю тебя.

Она произнесла эти слова робко, и все же они были сказаны. Эти слова, чувствовала она, должны открыть ему всю глубину этого бурного, непреодолимого чувства, которое захватило ее так, что все остальное казалось теперь второстепенным, незначительным.

— Если бы ты только знала, что значат для меня твои слова, — тихо проговорил цыган. — Я мечтал, моя английская роза, с первого момента, как увидел тебя, о том часе, когда моя любовь к тебе зажжет твою и когда ты поймешь, что мы предназначены друг для друга.

Он взял ее руки в свои и, поднеся их к губам, покрыл поцелуями. Сабина затаила дыхание и вскинула голову, подставив ему свой ротик, но он немного отодвинулся от нее.

— Когда ты счастлива, твои глаза сияют словно звезды, — сказал он. — А сегодня ночью, потому что ты меня уже немножко любишь, под их ярким сиянием есть и теплый свет. Скоро, очень скоро, моя возлюбленная, я превращу их в огненные звезды, и тогда я буду знать, что ты желаешь меня так же, как я желаю тебя.

— Увези меня сейчас... немедленно, — взмолилась Сабина.

Но он покачал головой и положил ее руки на колени.

— Я не буду больше прикасаться к тебе, — сказал он. — Когда я дотрагиваюсь до тебя, мне становится тяжело думать и говорить разумно. Я так хочу прижать тебя к себе. Больше всего на свете я хочу почувствовать вкус твоих губ. Но сперва я должен тебе кое-что сказать.

— Что же? — спросила Сабина испуганным шепотом.

— Я не хочу завладеть тобой с помощью обмана, а потому не воспользуюсь твоей бедой, — ответил цыган. — Я люблю тебя, Сабина. Я готов положить к твоим ногам свою жизнь, посвятить ее твоему счастью, поклоняться тебе, как ты того и заслуживаешь, восхищаться тобой и любить тебя до последнего вздоха. Но именно потому, что я тебя так люблю, я должен быть уверен, что ты понимаешь, что делаешь. В конце концов, ты всего лишь ребенок.

Сабина попыталась возразить, но он поднял руку, и она смолкла.

— Ребенок, — повторил он. — Не только по годам, но по опыту. Я старше тебя, на десять лет старше, Сабина. И я знаю человеческую природу — особенно женщин. Я не буду лгать тебе, что в моей жизни было мало женщин. Я любил их, и некоторые из них любили меня, но ничто и никто никогда не значил для меня то, что значишь ты. Это момент, о котором мечтают все мужчины! Момент, когда мужчина достигает своей цели, к которой он шел многие годы по многим и разным дорогам. Каждый мужчина в глубине сердца имеет свой собственный идеал совершенства, и в тебе я нашел свой.

Сабина глубоко вздохнула. Его слова, тон его голоса и выражение его лица словно преобразили весь мир, превратив его в рай.

— Больше того, — продолжал цыган. — Я никогда в жизни не забуду, что, придя ко мне, ты отказалась от всего.

— Всего? — переспросила Сабина, чуть дыша.

Да, от всего, — повторил цыган. — Всего, что имело для тебя значение до сих пор. Тебе придется выбирать, любовь моего сердца, между мной и твоей семьей. Ведь было бы глупо притворяться, что они будут довольны тем, что их дочь, воспитанная в лучших традициях, взлелеянная и избалованная в тиши английской сельской местности, убежала с бродягой — цыганом, которого большинство людей презирают и осыпают бранью.

— Они... поймут, — пробормотала Сабина. — Я заставлю их... понять.

В ее голосе явно не хватало уверенности. Цыган это услышал и неумолимо продолжал.

— Есть и другие вещи, которые тебе придется принести в жертву, — сказал он. — Балы и приемы, которыми ты только что научилась наслаждаться, прекрасная одежда, которая так волнует тебя и которая заставила тебя в первый раз осознать собственную красоту. Если ты пойдешь со мной, моя милая, от этих красивых платьев, с оборками и кружевом, надо тоже отказаться.

— Неужели ты думаешь, что они для меня что-то значат? — спросила Сабина. — Я радовалась им потому, что думала: они делают меня красивой, но, когда я надевала их, я лишь желала, чтобы ты мог меня в них увидеть.

— Моя драгоценная! — воскликнул цыган. Он протянул руки, словно хотел обнять ее, но усилием воли сдержался. — Есть еще кое-что, что я должен сказать, — продолжал он. — До сих пор ты спала каждую ночь на мягкой постели, но теперь тебе придется спать под звездами или в фургоне. У тебя не будет места, которое ты сможешь назвать домом, друзей, кроме тех, которых ты заведешь себе среди моего народа. Можешь ли ты, Сабина, и поклянись в правдивости своего ответа, можешь ли ты отказаться от всего этого без сожаления?

— Если ты будешь любить меня, — ответила Сабина. — Ничто не будет для меня важно.

Он обнял ее и поднял голову к небу:

— Да будет небо мне свидетелем, я клянусь, что отныне и навечно я весь твой.

В его голосе было столько торжественности, что Сабине показалось, будто они стоят в церкви перед алтарем. Он еще долго смотрел на ее сияющее лицо, а потом поцеловал ее в губы в первый раз.

Она почувствовала, как ее охватило нестерпимое ликование. Словно он поймал, завладел и завоевал ее и в то же время через губы забрал себе ее душу. Словно их души вырвались из заточения своих земных тел и вознеслись к самим звездам. Словно весь мир вокруг них вдруг исчез и был забыт и они остались одни в удивительно прекрасном мире — мужчина и женщина, слитые воедино.

Радость и счастье были почти невыносимыми, и Сабина что-то пробормотала и спрятала свое лицо у него на шее.

— Я люблю тебя! Сабина, я люблю тебя! Ты женщина, ребенок, ангел — все вместе. Моя любовь к тебе так же глубока, как море, и так же чиста, как небо, и все же ты достойна большего. Взгляни на меня!

Это был приказ, но Сабина продолжала прятать лицо. Она больше не была бессмертной, а снова стала обычным человеком, стесняющимся этой дикой бури, которую он пробудил в ней. И теперь, так как она все еще не желала ему подчиниться, он нежно приподнял ее за подбородок своей рукой.

— Ты такая маленькая, — пробормотал он. — И тем не менее в твоих маленьких ручках вся моя жизнь.

Внезапно раздался звук, словно от падающей с дерева ветки или птицы, шуршащей в траве, и Сабина взволнованно вздрогнула.

— Уедем отсюда, — сказала она. — А вдруг кто-то придет и помешает нам?

— Ты все еще боишься? — спросил он.

— Нет. Но я хочу быть с тобой. Я хочу быть в полной безопасности, — ответила Сабина.

— Нет, ты хочешь этого по другой причине — чувствуешь, что еще можешь передумать, — вздохнул он.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила Сабина.

Я хочу сказать, дорогая, что ты не должна приходить ко мне прежде, чем пройдет еще один день. Мне очень трудно отпускать тебя, трудно не сделать так, как ты меня просишь, но я должен быть сильным — за двоих. Я уже говорил тебе, желание моей души, ты стоишь на перепутье дорог, но ты не должна дать себя уговорить пойти по неверной тропинке. Ты должна сделать выбор по собственной воле, по своему собственному желанию и без всяких сожалений.

— Но я никогда не передумаю. Я уже сказала, что сделала свой выбор, и я не откажусь от своего слова.

— И все же я дам тебе время еще раз подумать, — ответил он. — Сегодня ночью в воздухе парит волшебство, дикое, сумасшедшее волшебство, Сабина, которое действует на нас обоих. Когда придет рассвет, возможно, часть этого волшебства исчезнет. Ты увидишь, каков я есть на самом деле — цыган, один из тех, которые, ; как говорится, носят свой дом на своих плечах. Будет ли это достаточным для тебя — не сейчас, дорогая, когда ты молода, — а в старости? Когда эти нежные, золотистые волосы начнут седеть и в твоих глазах

погаснут звезды и пламень. Будешь ли ты так же довольна своим выбором? И не заблуждайся, Сабина, я никогда тебя не отпущу. Если ты пойдешь со мной сейчас, это навсегда и навечно.

— Я никогда не захочу оставить тебя.

— Я хочу, чтобы ты была в этом уверена завтра утром, когда солнце будет ясно и ярко светить через твое окно. Когда ты сможешь увидеть свои красивые платья в шкафу, и когда одна служанка принесет тебе завтрак, а другая приготовит ванну и поможет одеться. Часто случается так, что пустяки, которые мы приносим в жертву ради любви, заставляют нас страдать больше, нежели что-то серьезное.

— Какой же маленькой и мелочной ты считаешь меня! — воскликнула Сабина.

— Я считаю тебя совершенной, — ответил он. — Женщиной во многом, ребенком в чем-то и младенцем в остальном. И все же, потому что в тебе сочетаются все эти три ипостаси и кроме них еще много чего, ты и вырвала мое сердце, и, если ты не придешь ко мне, я буду пуст и одинок навсегда — я буду мужчиной, который потерял способность любить, мужчиной без сердца.

— Я приду к тебе... и ты это знаешь.

Мгновение они смотрели друг другу в глаза, и Сабине показалось, что в этот миг она стала старше. Она поняла все, что он пытался ей сказать, она увидела трудности, невзгоды, неудобства, которые ждали впереди. И все же она хотела пойти с ним! Она увидела, что впереди будет время одиночества, время, когда она будет тосковать по своим родным, по женщинам ее круга, по людям ее крови. И все же она знала, что ее жертвы стоили того, что она обретает.

Он будто прочел ее мысли и сказал:

— Что ж, хорошо. Завтра вечером в десять часов карета будет ждать тебя в конце сада. Но прежде ты найдешь в своем шкафу подходящее платье и головной убор цыганской невесты. Больше можешь с собой ничего не брать. Все остальное ты должна оставить. Привези мне себя — этого достаточно. И я должен быть достаточным для тебя.

— Ты будешь ждать меня в карете? — спросила Сабина.

Он покачал головой:

— Нет. Меня там не будет. Ты поедешь в лагерь одна. Если в любой момент на протяжении твоего пути ты передумаешь, тебе надо

будет сказать кучеру всего лишь одно слово — «возвращайся». Я дам ему необходимые указания. Он отвезет тебя назад на виллу, и я больше никогда тебя не побеспокою.

— Это жестоко, — всхлипнула Сабина. — Неужели ты мне не доверяешь?

Моя прекрасная любовь, дыхание моей жизни, это как раз потому, что я доверяю тебе, ведь я рискую так, как никогда не рисковал ни один мужчина. Я ставлю на карту все, всю мою надежду на счастье, и верю, что любовь, которую ты испытываешь ко мне, настоящая, честная и непоколебимая. Но со всей откровенностью, из-за твоего воспитания, потому что ты англичанка и я навсегда останусь для тебя чужестранцем, я должен дать тебе шанс освободиться от меня. Если ты приедешь, моя милая Сабина, во что я всем сердцем верю, тогда, клянусь тебе перед Господом Богом, что сделаю тебя счастливой, что ты никогда не будешь сожалеть о том, от чего отказалась ради меня.

— Я приеду, — сказала Сабина. Он взял обе ее руки в свои.

— Я не смею снова поцеловать тебя, — сказал он немного хрипло. — Если я тебя поцелую, вся моя решительность исчезнет. Если бы ты только знала, каких усилий мне стоит не взять тебя на руки и не унести с собой, пока у меня есть такая возможность, не обнимать тебя, не овладеть тобой и не сделать тебя своей! — Его голос вдруг стал совсем хриплым, и страсть загорелась в его глазах. — Я люблю тебя, Сабина. Я люблю тебя так, как ни один мужчина еще не любил женщину. Я хочу тебя. Боже, как я хочу тебя — сейчас, сразу — хочу, чтобы ты стала моей женой, моей женщиной, моей королевой.

Он наклонился, и она почувствовала на своих руках его губы, жадные и властные, а потом не успела она понять, что происходит, как он отпустил ее и ушел, словно пантера, исчезнувшая в чаще джунглей. Она попыталась позвать его, но ее голос застрял в горле. Он скрылся в темноте, и она осталась одна.

Медленно поднесла она свою руку к губам. Словно все ее тело громко пело от радости, и, когда наконец она добралась до своей спальни, она бросилась на колени и поблагодарила Бога за то чудо, которое ей только что довелось пережить.

Она считала, что не сможет заснуть, но, должно быть, устала намного больше, чем ей казалось, и намного раньше, чем она

закончила пересказывать самой себе события этого вечера, она погрузилась в глубокий, без сновидений, сон.

Она проснулась с чувством, что сегодня непременно должно случиться что-то прекрасное, а когда вспомнила, что именно, то выбежала на балкон. Неужели правда, что он приходил к ней и что сегодня вечером он заберет ее с собой и сделает своей женой? Она едва могла поверить в то, что это был не сон, пока не увидела все еще привязанный к перилам шелковый платок, который она оставила там вчера ночью в качестве сигнала. Она поднесла его к губам и вернулась в комнату.

Как, спрашивала она себя, сможет она вытерпеть длинные часы, которые должны пройти, прежде чем снова наступит ночь? Но это на самом деле не имело ровно никакого значения. Все ее существо было хладнокровно спокойно, и все остальное казалось тривиальным и незначительным. Даже мысль об Артуре не могла выбить ее из равновесия. Одевшись, она села за письменный стол и принялась сочинять ему письмо.

Подобрать слова, чтобы сказать Артуру, что он; больше не любит его и что не может быть его женой, было не трудно. Намного труднее было написать леди Тетфорд. Мать Артура была так добра к ней, и Сабина верила, что привязанность, которую пожилая женщина, несомненно, испытывала к ней, не имела ничего общего с ее отношениями с Артуром. Трудно было передать все ее сожаление. Как это было неблагодарно с ее стороны, но тем не менее ей нечего было сказать, кроме правды. Наконец она написала:

«Я влюблена так же, как однажды были влюблены вы, так что вы поймете: весь мир и даже люди, которых я люблю больше всего на свете, ничего не значат по сравнению с мыслью о том, что я буду его женой».

Она запечатала оба письма и заперла их в маленький ящик письменного стола, от которого у нее был ключ. Затем она приступила к написанию письма маме. Это была самая трудная задача. Она знала, как поражены, как удивлены и огорчены будут ее родители. Впервые с тех пор, как она проснулась, она почувствовала, как ее счастье омрачилось. Что подумает о ней мама?

Они так гордились ее помолвкой с Артуром. Даже папа, несмотря на то что он так был далек от мирских дел, понял, каким социальным

достижением это было после стольких лет игнорирования его дочерей Бартрамами и другими влиятельными семьями графства, которые редко находили нужным приглашать к себе девушек из дома священника.

Лицо Сабины было неподвижно и бледно, когда она начала писать. Скоро по ее щекам уже струились слезы, и она всхлипывала, когда уж в который раз писала слова: «прошу вас, простите меня».

Едва она успела закончить письмо, как раздался стук в дверь и ей доложили, что леди Тетфорд готова принять ее. Сабина торопливо вытерла глаза и прошла по коридору в спальню хозяйки. Пожилая женщина сидела в кровати с наполовину распечатанной пачкой писем в руках, на одеяле перед ней лежали газеты.

— Доброе утро, Сабина, — улыбнулась она. — У меня здесь есть записка от придворной дамы принцессы Уэльской, в которой говорится, что их королевские высочества окажут мне честь и приедут на чай в субботу днем и что они с нетерпением ждут, когда смогут увидеть мой сад.

— Как прекрасно! — воскликнула Сабина, но тут вспомнила, что в это время ее здесь уже не будет.

— Ты должна будешь надеть это новое платье из голубого бенгалина, которое прибыло из Парижа только вчера, — улыбнулась леди Тетфорд. — Их королевские высочества привезут с собой нескольких людей из своего окружения, а я приглашу принца Чарльза — у нас будет прекрасная компания.

— Это будет замечательно, — пробормотала Сабина.

Ей вдруг стало интересно, скажет ли леди Тетфорд принцу и принцессе, что с ней случилось. Она могла себе представить, как поражены они будут. Возможно, из-за ее плохого поведения Гарриет не позволят быть представленной ко двору. Нет, она не должна думать о таких вещах. Она отмахнулась от навязчивых мыслей, которые, словно маленькие дьяволята, пытались нарушить ее душевный покой, и заставила себя слушать леди Тетфорд.

— Артур приедет сегодня на чай, — сказала она. — По крайней мере, так он мне сказал вчера вечером. А на вечер у нас нет никаких планов. Есть что-нибудь такое, чем бы ты хотела заняться в это время?

— Нет-нет, — торопливо ответила Сабина.

— Может быть, это и к лучшему, — заявила леди Тетфорд. — Откровенно говоря, сегодня утром у меня небольшая мигрень, и обычно, когда у меня начинаются такие головные боли, с течением дня они только усиливаются. Тогда давай не будем строить никаких планов, дорогая Сабина. Если мне станет лучше, мы можем поехать в казино, а если мне станет хуже, ты должна простить меня, если я рано лягу в постель.

— Я думаю, это будет лучше в любом случае, — ответила Сабина голосом, который она постаралась заставить звучать естественно. — Вчера ночью мы поздно легли спать.

— Ах, но ты молода. Я уверена, тебе не знакомо чувство усталости! — воскликнула леди Тетфорд. — Для меня же поздние ночи — целое испытание, когда начинаются эти головные боли. Ума не приложу, откуда они, но я всегда страдаю от них весной.

— А не остаться ли вам сегодня в постели?

— Нет, у меня слишком много дел, — ответила леди Тетфорд. — Я должна подготовить свои цветы к субботе. Принцесса обожает цветы, и я хочу, чтобы моя гостиная выглядела прекрасно. Кроме того, надо поговорить с шеф-поваром. Он придет в ужасное волнение, когда узнает о предстоящем королевском визите.

К счастью, леди Тетфорд была так занята мыслями о своем чайном приеме, что не заметила, что Сабина была невнимательна, а с течением дня становилась все бледнее и бледнее, а ее глаза то и дело темнели, словно от внутреннего беспокойства.

Артур приехал на чай, а накануне его приезда Сабину обуял страх. Она почувствовала, что не переживет еще одну сцену, еще одну стычку характеров. Ее нервы были напряжены до предела, а все мысли вертелись вокруг того, что должно произойти сегодня ночью.

Когда он вошел в комнату, как обычно облаченный в костюм с иголки, ей показалось, что она увидела его сейчас впервые, и поразились: неужто она хоть на секунду могла представить себе, что найдет счастье с этим человеком? От нее не укрылась ни холодность его глаз, ни сжатые, узкие губы и упрямый подбородок. С годами он превратится в настоящего тирана, подумала она, но он никогда, даже если доживет до ста лет, не узнает, что такое настоящая любовь.

Он сдержанно извинился за свое поведение прошлой ночью. Нет, он не был смущен, напротив, держался так, , словно сейчас проявляет

великодушие, вспомнив о произошедшем.

— Ох уж эти приемы, которые дает русская знать, — заявил он раздраженно. — Вообще же я должен просить тебя, Сабина, видаться с Шерингемом как можно реже. Не думаю, что это подходящая кандидатура для друга моей будущей жены.

— А мне он нравится, — ответила Сабина, набравшись смелости: ведь с завтрашнего дня ей уже больше никогда не придется выслушивать наставления Артура.

— Тогда я вынужден сожалеть о твоём вкусе, — холодно заявил он.

— Кроме того, — продолжала Сабина, — я считаю, что мужа и жены не должны выбирать друзей друг другу.

— Не должны! — воскликнул Артур в изумлении. — Сабина, ты забываешься! Впрочем, я не готов сейчас это обсуждать. Шерингем не будет желанным гостем в нашем доме, когда мы поженимся, и в сложившихся обстоятельствах тебе лучше перестать его принимать уже сейчас.

— Но ведь я уже сказала, Артур, он мне нравится, — настаивала Сабина.

Артур вскочил с места и подошел к окну.

— Я с самого начала знал, что твой приезд сюда — ошибка. Ты изменилась, Сабина. Ты уже не та девочка, какой была, когда мы впервые встретились.

— Ты хочешь сказать, что мы должны расторгнуть помолвку? — тихо спросила Сабина.

— Ничего такого я не хочу сказать, — возразил Артур. — Но я думаю, тебе не повредит вспомнить мое положение и свои обещания слушаться меня, когда ты станешь моей женой.

— Вот когда я стану твоей женой, тогда я это и вспомню, — тихо сказала Сабина.

— Ты молода и наивна, — надменно сказал Артур. — Ты должна оставлять все решения, имеющие какое-то значение, мне. Скоро ты поймешь, что мои суждения намного вернее твоих, и такая зависимость от меня оправдана.

— Ну, это покажет время, — возразила Сабина.

— Конечно.

В этот момент к ним присоединилась леди Тетфорд, и возможности поговорить наедине больше не было. Уходя, Артур поцеловал Сабину в щеку, и она с удивлением обнаружила, что ей это безразлично — словно ее целовала каменная статуя. Она больше не боялась его, не боялась его ярости или похоти, с которой она столкнулась в карете прошлой ночью. Он больше не мог причинить ей никакого вреда. Она уезжает от него, уезжает туда, где он ее никогда не найдет. Она почувствовала, что оковы, которыми он приковал ее к себе, вдруг спали и она стала свободной, словно ветер, вольно дующий с моря.

Время шло. Сабина почти молилась, чтобы головная боль леди Тетфорд помешала ей пригласить гостей на ужин или пойти в казино. В последнем случае она была готова остаться дома под предлогом своей собственной мигрени, но, к счастью, ей не пришлось лгать. В шесть часов леди Тетфорд объявила, что поужинает в постели.

— Только тарелку супа, Бейтс, больше ничего, — сказала она дворецкому. — Когда у меня эти мигрени, мне лучше поголодать. Я приму таблетку снотворного и буду молиться о том, чтобы завтра мне было лучше. Прости меня, детка, что я такая слабая.

— Нет, что вы, — со всей искренностью возразила Сабина.

Она проводила леди Тетфорд наверх и нежно поцеловала ее.

— Я не могу видеть, как вы страдаете, — сказала она. — Если бы только я могла вам чем-нибудь помочь.

— Ты помогаешь мне уже своим присутствием здесь, ответила леди Тетфорд. — Для тебя это будет скучный вечер, Сабина, но я уверена, ты чем-то займешься — найдешь хорошую книгу для чтения или напишешь письма домой.

— Не беспокойтесь обо мне, — ответила Сабина. — И спасибо вам, дорогая, дорогая леди Тетфорд. Спасибо вам еще раз за то, что вы так добры ко мне.

— Глупышка, ты и так меня уже достаточно отблагодарила, — возразила леди Тетфорд. — Как бы мне хотелось быть более веселой компанией для тебя сегодня вечером. Спокойной ночи, Сабина.

— Спокойной ночи, — сказала Сабина, едва дыша, так что ни леди Тетфорд, ни Мари не услышали ее, а потом вышла из комнаты.

Часы медленно тянулись. Она поужинала в одиночестве, и ей прислуживали только Бейтс и Джеймс, лакей. Сказав им, что ей

больше ничего не потребуется этим вечером, она поднялась к себе в спальню. Ее сердце беспокойно колотилось. Скоро наступит время. Скоро она снова увидит его, услышит его голос, почувствует его руки, его губы...

Она захлопнула дверь в свою спальню, подошла к шкафу и мгновение помедлила. А вдруг она не найдет нужного платья? Или вдруг карета не приедет? А что, если она придумала все это — его обещания, его любовь, чувства, которые он пробудил в ней?

С внезапной решительностью она распахнула дверцу, почувствовав слабость в ногах, а затем чуть не упала в обморок, увидев то, что было в шкафу. Вздох облегчения вырвался из ее груди. Среди модных платьев, которые леди Тетфорд купила для нее в Париже, висела короткая цветная юбка, расшитая золотом, черный бархатный корсаж и белая блуза, вышитая сложным и очень красивым узором. Костюмы для цыганской свадьбы! Сабина положила одежду на свою кровать. Она не смела даже подумать о том, как они попали сюда, она только знала: он выполнил обещание. Карета будет ждать ее, и в конце пути она найдет его.

Она быстро разделась. Ей потребовалось какое-то время, чтобы правильно одеться во множество цветных нижних юбок, которые она обнаружила под вышитой юбкой. Головной убор лежал тут же в шкафу. Это была диадема, украшенная золотой нитью, полудрагоценными камнями и яркими лентами, которые свисали ниже плеч.

Одевшись, Сабина взглянула на себя в зеркало и улыбнулась. Она совсем не походила на цыганку. Ее кожа была чересчур белая, а ее золотые волосы говорили о нордической крови. Она подумала о женщинах, которых видела у костра, об их смуглой коже, горящих черных глазах, длинных темных волосах и их странном характере, таком примитивном, но свободном, и испугалась. Примут ли они ее или будут ненавидеть за то, что она пришла и украли любовь их короля?

Она вспомнила танцовщицу: в ее первый визит они была мрачная и печальная, во второй — злобная и агрессивная. Не воспользуется ли однажды она во мраке ночи своим длинным острым кинжалом, который каждая цыганка носила в своем чулке? При этой мысли Сабина вздрогнула, но потом вспомнила, что рядом будет он. Он будет

рядом, чтобы защитить ее, любить ее, сделать ее своей женой, своей королевой. Больше ничего не имело значения.

Она подошла к письменному столу, повернула ключ в замке, вытащила письма, которые написала утром, и сложила их в ряд на туалетном столике. Теперь она увидела, что, когда подписывала конверт маме, слеза упала на слово «Кобблфилд» и оно смазилось. «Это символично», — подумала Сабина. Это место исчезало из ее жизни, но она знала, что никогда не сможет полностью стереть его из своего сердца и памяти. Большой полуразвалившийся дом священника, с его истоптанными лестничными коврами и обтрепанными стенами, в котором жили те единственные люди, которых она любила, навсегда останется ее домом.

И тем не менее все это она должна оставить. Она отказывалась от любви своих родителей, принижала их чувство собственного достоинства и, возможно, рвала все связи со своей семьей. И все же, как ни странно, это сейчас было не важно. Она любила его. Она ехала к нему, и это значило для нее все.

Только положив на стол свои письма, она подумала, что даже не знала его имени. Эта мысль пришла ей в голову, когда она подумала о папе и вспомнила, как часто он говорил, что сам венчает ее, когда придет время, в маленькой деревенской церквушке, где ее крестили и где она молилась Богу с тех пор, как себя помнила.

Она так часто представляла себя стоящей у алтаря во всем белом, с закрытым кружевной фатой лицом. Она даже слышала свой собственный голос, который повторял: «Я, Сабина, беру тебя...», а теперь она даже не знала имя мужчины, за которого собиралась выйти замуж. Она едва могла в это поверить, и все же это была правда. Она всегда думала о нем как о короле, и почему-то в их разговорах так и не представилось случая тактично спросить его имя.

Не сошла ли она с ума, спрашивала она себя, вот она уезжает, приносит в жертву все и отдается во власть мужчины, который даже теперь, в последний момент, так и не назвал своего имени! А потом она поняла: услышь она, что он сам Дьявол, все равно бы поехала к нему.

Это и есть любовь! Неодолимое бушующее море, о котором он говорил, огонь, который, как сказала леди Тетфорд, мог и уничтожать и творить. Любовь уничтожила все ее желания, все амбиции, весь

снобизм. Единственное, чего она хотела, — принадлежать мужчине, которого любила. Не важно, что ее постелью станет жесткая земля, что у нее не будет ничего, кроме того, что даст ей он, что она должна отказаться от всех и от всего, что до этого момента казалось, ей необходимым. Она любила, и такой любви нет сил сопротивляться. Она всепоглощающа.

Сабина взглянула на часы, стоящие на каминной полке. Десять часов! Она быстро задула

свечи, бросила последний взгляд на свое бледное, напряженное и одухотворенное лицо, осторожно прошла на цыпочках по балкону и спустилась по деревянным ступенькам в сад. Пройдя между деревьев, она подошла к стене, нашла камень, на который можно было поставить ногу, подтянулась и заглянула через край. Внизу стояла запряженная парой лошадей карета.

В своей жизни Сабина ездила на многих каретах, но ни одна из них не двигалась так быстро, как та, что прислал за ней цыганский король. Лошади, подумала она, должно быть, похожи на того коня, на котором ездил он сам, ведь длинный и крутой подъем до дороги Гранд-Корниш, казалось, отнюдь не заставил их замедлить свой бег, и не раз, когда карета вдруг начинала качаться из стороны в сторону, Сабине приходилось держаться за стенки, чтобы не упасть на пол.

Лошади быстро уносили ее прочь от цивилизации, которую она покидала, предпочтя ей примитивную жизнь, ждавшую ее впереди, и Сабину вдруг охватил дикий восторг. Окно было открыто, и она чувствовала на своих щеках морской бриз, нежно нашептывающий что-то в лентах, которые свисали с ее головного убора.

Теперь, когда они были уже далеко за городом, цыганский возница начал выкрикивать странные слова, чтобы подстегнуть своих коней, и не раз вдруг начинал петь — странные, мелодичные песнопения, которые, казалось, так гармонировали со всем происходящим.

— Ай-я! Ай-я! — звенел его голос во мраке. Лошади мчались галопом, колеса кареты грохотали по неровной земле, и Сабине то и дело казалось, словно ее подкидывали вверх огромные штормовые волны.

— Ай-я! Ай-я! — снова и снова выкрикивал цыган.

Наконец Сабина увидела впереди рой огней. Она понятия не имела, что это было, пока они не подъехали ближе и она не увидела вереницу факелов, которая тянулась от ослепительного света огромного костра.

Карета резко остановилась, дверцу распахнули, и молодой цыган на ломаном французском пригласил ее спуститься. Теперь она должна пройти сквозь ряд факелов. Сегодня не могло быть сомнений по поводу ее приема: в мерцающем свете маленьких огоньков она видела, что мужчины с факелами в руках улыбались — их белые зубы сияли на смуглой коже и яркие глаза смотрели на нее не с гневом, а с восхищением и дружелюбием.

Она медленно прошла сквозь их строй. Те, кого она уже миновала, вереницей шли за ней следом. И все двигались вперед к огромному маяку взметающихся к небу языков пламени.

Он ждал ее. Сердце девушки подпрыгнуло в груди, и она с трудом заставила себя не побежать. Он стоял у огня, и она увидела, что он был еще великолепнее, чем когда-либо. На его белой блузе сверкала золотая вышивка, на пальцах и в ушах блестели драгоценные камни. Они украшали рукоятку его ножа, наполовину спрятанного за красным поясом, обвивавшим его талию.

Наконец он двинулся ей навстречу. Триумф и вместе с тем удивление, которые отразились на его лице, заставили ее опустить глаза.

— Ты приехала!

Эти слова прозвучали с такой невыразимой радостью, что она схватила его руки — ей нужно было почувствовать их силу, поддержку.

— Я... приехала.

Он почувствовал ее дрожь, и его пальцы сжали ручку.

— Моя мечта сбылась, сердце мое, жизнь моя, любовь моя! — воскликнул он, и его голос заставил ее затрепетать от невыразимого восторга.

Затем он повернулся к цыганам, которые собрались вокруг, и закричал громким голосом, который, казалось, эхом вернулся к ним из темноты. Сабина не поняла самих его слов, но догадалась, что он только что представил ее своему народу. Раздался громкий гул голосов, и старик с длинной бородой и золотой цепью с драгоценными

камнями, которая, как догадалась Сабина, была неотъемлемым атрибутом всех церемоний, вышел вперед, держа в руке нож.

Она заставила себя не дрожать и не кричать, когда он сделал надрез на ее запястье. Брызнула алая кровь, а затем, когда похожий надрез был сделан и на запястье короля, их руки связали — его правую и ее левую — и, пока старик произносил над ними странные слова, их кровь перемешалась.

Когда с этим было покончено, им поднесли огромный глиняный кувшин с вином. Старый цыган протянул его Сабине, она отпила из него, то же сделал и король, и с криком кувшин бросили на землю. Он разлетелся на кусочки. Проворные руки собрали осколки, и Сабине дали подержать один из них.

— Пока мы будем хранить эти кусочки, — тихонько пояснил цыганский король, — наша любовь будет жить.

— Моя никогда не умрет, — прошептала Сабина.

— И моя, — ответил он.

Из другого кувшина на них плеснули воды жестом, который, как догадалась Сабина, должен был очистить их от злых духов. На этом церемония была закончена, их руки развязаны. Все еще держа пальцы Сабины в своих, цыганский король подвел ее туда, где перед огнем стоял импровизированный диван.

Музыка, которая еле слышно звучала с тех пор, как Сабина приехала, теперь разразилась неистовым крещендо. Дюжина танцоров, мужчин и женщин, впрыгнули в открытое пространство перед костром. Они танцевали самозабвенно, и их танец был волнующим и страстным. Остальные раскачивались в ритм всем телом, хлопали в ладоши и пели.

Все это время вино ходило по кругу. Сабина получила свою долю в огромном позолоченном кубке, украшенном драгоценными камнями и таком истертом годами, что нетрудно было догадаться о его древности.

— Первый раз, когда ты оказалась здесь, душа моей души, — сказал цыганский король, — ты сказала мне, что слышала о тех кубках, что племена, подобно моему, хранят многие века. Вот они.

Фрукты, которые поднесли Сабине, лежали на золотых тарелках, странные лакомства, которые были тут же изготовлены на огне, принесли на украшенных драгоценными камнями блюдах, а вино было

налито в кувшины и кубки всех форм и размеров, так, что глаза разбегались. И все же, несмотря на танцы, песни и музыку, Сабина не видела и не слышала ничего, кроме мужчины, рядом с которым она сидела. Она знала, что и он смотрит только на нее, его глаза были устремлены на ее лицо, губы, на изящный изгиб белоснежной шеи.

— Жизнь моя, любовь моя, душа моя, — однажды шепнул он, и она затрепетала от глубины страсти в его голосе.

Танцоров стало больше, музыка зазвучала громче. Теперь уже мало кто просто наблюдал, все принимали участие в диком празднестве свадебной церемонии. Языки пламени взметались все выше и выше, в костер подбрасывали все больше и больше дров. Жар был почти невыносим, и Сабина прикрыла глаза рукой.

В этот миг король поднял ее на ноги.

— Пойдем, — сказал он.

Она вопросительно посмотрела на него, но подчинилась. Он повел ее прочь от огня, провел сквозь круг фургонов и направился к деревьям, которые росли позади лагеря.

— Куда мы идем? — спросила она.

— Туда, где ты и я будем одни, — ответил он, и она затрепетала. — Мои люди будут танцевать до полного изнеможения, — сказал он. — Нет ничего на свете, чего цыгане любили бы больше, чем свадьбу.

Теперь, когда ее глаза привыкли к мягкому свету луны, она ясно видела, куда он ее вел. Деревья были высокие и темные, а земля под ногами песчаная и мягкая. Вокруг пахло смолой и хвоей, и к этому запаху примешивался еще один странный, экзотический аромат, который она никак не могла распознать. Мгновение спустя они вышли на опушку, вокруг которой высились деревья. Кустарник и ветки служили защитной стеной, и Сабина увидела перед собой самую странную спальню, которую она только могла себе представить.

На земле была сооружена огромная кровать, накрытая белой шкурой медведя. На ней лежали атласные и шелковые подушки разных цветов, а большой балдахин из шелка и атласа всевозможных оттенков, который, казалось, был сшит из лоскутков, чудесным образом сливающихся воедино под серебряным светом луны, полностью отгораживал волшебное ложе от внешней стены ветвей и кустарника.

На земле лежал ковер, но потолком было усеянное звездами небо, на котором четко вырисовывались, словно стражи, вершины деревьев. И тут Сабина увидела, что и земля, и кровать, и все до самого кустарника было усыпано лепестками цветов.

Она узнала туберозу, тигровые лилии и сладкий аромат левкоя, но там было еще много других странных и разнообразных ароматов, которых она не знала. Оглядевшись, она повернулась к цыганскому королю и в тот же миг позабыла обо всем, кроме того, что они были наконец наедине.

— Жена моя!

Он произнес эти слова очень тихо, обнял ее и принялся осыпать ее поцелуями так, как обещал. Его губы оставили свой след на ее глазах, щеках, жилке, неистово бьющейся у самого основания шеи, в маленьком углублении на руках и запястьях. Он увлек ее на мягкий покрытый мехом диван. Его руки сняли корону с ее головы, вытащили булавки, которые поддерживали и заковывали в кандалы волосы. Они упали ей на плечи, и он стал осыпать поцелуями и их, зарывшись в них лицом, накинув их, словно вуаль, ей на лицо и через них ища ее губы.

— Я люблю тебя! Боже, как я люблю тебя!

Она слышала его голос, страстный, ликующий, восторженный, и чувствовала, что все ее существо вторит ему. Она беззаветно отдалась прикосновению его рук, желанию его губ. Теперь она знала, что это стоило всего того, от чего ей пришлось отречься ради этой любви. Она больше ни о чем не сожалела, не думала о том, от чего отказалась, приехав к нему. Это была жизнь, это была любовь, это было счастье!

Время текло незаметно. Часы шли, а тело Сабины продолжало трепетать и отвечать ему, подобно тому как инструмент трепещет и отвечает на прикосновение пальцев музыканта. Он взглянул на нее и сказал:

— Вот теперь твои глаза — огненные звезды, как я и обещал.

И он снова принялся осыпать ее поцелуями, и она почувствовала, словно сгорает от страсти, которая, казалось, уже поглотила их обоих. Она чувствовала, как его сердце бьется рядом с ее, чувствовала его крепко прижимающееся к ней тело, чувствовала его настойчивые губы. Вдруг он поднялся и посмотрел в небо.

— Что случилось? — спросила она.

— Я люблю тебя, — сказал он. Его голос был очень низкий и взволнованный. — Я люблю тебя, моя прекрасная возлюбленная, так что я попрошу тебя доверять мне и дальше.

— Доверять тебе? — переспросила она.

— Да. Ты не поймешь, что Ъ прошу от тебя, только доверяй мне, как доверяла мне до сих пор. Достаточно ли ты меня любишь для этого?

— Ты же знаешь, что да, — ответила она. — Ты же знаешь, что я люблю тебя так сильно, что позабыла в мире все, кроме тебя.

— Именно о таком ответе я и молился, — ответил он. — А теперь, дорогая моя, любовь моя, моя драгоценная жена, я отправлю тебя назад.

Мгновение Сабина думала, что неправильно его поняла.

— Отправишь меня... назад... но куда? — спросила она голосом, который едва походил на ее собственный.

— На виллу, — ответил он. — Никто не узнает, что ты была здесь, — но я хочу, чтобы ты мне доверяла. Все будет хорошо, я обещаю.

— Как... но... я не понимаю, — пролепетала Сабина. Она откинула волосы со лба, но он обнял ее, и снова его губы завладели ей.

— Я люблю тебя, — сказал он. — И это все, что тебе надо помнить. Я люблю тебя.

Он отпустил ее и, протянув руку, налил бокал вина из позолоченного кувшина, который стоял рядом с кроватью.

— Выпей, — тихо сказал он.

— Прошу тебя, объясни... ты должен объяснить. Я все пойму, — сказала Сабина.

— Сперва выпей, — настаивал он.

Она была так поглощена собственными мыслями, что покорно сделала как он велел. Только когда она проглотила последние капли вина в бокале, она поняла, что в нем было снотворное. Внезапная вялость окутала ее. Она было попыталась заговорить, попыталась спросить его, что он ей дал, но он обнял ее, и его губы вновь не дали ей вымолвить ни слова.

Несмотря ни на что — ни на ее внезапные сомнения, ни на безотчетный страх, который охватил ее, ни на облако, которое неумолимо опускалось на ее разум, затуманивая его, — она

чувствовала, что все еще трепещет от прикосновения его губ. Постепенно она стала погружаться глубоко во мрак, откуда ей, казалось, не было возврата...

Глава 12

Сабина очнулась от глубокого забытья. Она слов — но продиралась сквозь густой туман. Сперва медленно, но неумолимо вернулось сознание Того, что она это она, но еще долгое время больше ни одна мысль, ни одно чувство не беспокоили ее. Она знала одно: ее существо подобно зерну растения, закопанного глубоко под землей, и она упорно пробивается к солнцу.

Медленно, почти незаметно туман рассеивался. К сознанию прибавилась память. Воспоминания, словно внезапный пронизывающий темноту свет, ударили ее в самое сердце и пронзили ее душу.

Она открыла глаза. Она была в спальне с белыми стенами, которую занимала с тех пор, как приехала на виллу «Мимоза». Мгновение она не могла поверить в то, что это правда. Она закрыла глаза: только бы не видеть это оправленное в золото зеркало, картины на стене, мягкие занавески из камчатного полотна цвета персика. Ей захотелось кричать от боли.

— Где он? Где он?

Она снова открыла глаза. Ей показалось, что золотое сияние комнаты — самая глубокая и мрачная темница какого-то неприступного замка, гнетущее чувство охватило ее. Это сон или реальность?

К своему удивлению, Сабина обнаружила, что ее теле завернуто в шаль. Огромную, одноцветную шаль из бархатистой шерсти. Ее руки прижаты к бокам, и, когда ей наконец удалось из нее выпутаться, она увидела, что ее вышитая золотом юбка и черный бархатный корсаж исчезли. На ней были только белая блуза с разноцветной вышивкой и пышные шелковые нижние юбки, которые шелестели при каждом движении.

Кто-то снял с нее туфли — возможно, заботясь о ее удобстве. Но ничто не могло утешить Сабину в этот момент. Она взглянула на яркие нижние юбки и прикоснулась к ним. Нет, они были настоящие. С едва слышным стоном глубокого и неподдельного страдания, который, казалось, исходил из самой глубины ее сердца, она бросилась на

подушку и зарылась в нее лицом, словно пытаясь заглушить воспоминания о прошлой ночи. Но тщетно.

Она снова пережила ту удивительную церемонию в свете танцующих языков пламени, и ее губы нашли надрез на запястье. Он все еще немного причинял боль, и когда она прижалась к нему губами, она почувствовала слабый привкус крови — его крови и... ее!

Они поженились, поженились в тот миг, когда их кровь смешалась, и она, как его жена, ушла с ним в темноту в ту удивительно прекрасную спальню под защитой высоких сосен.

Трепеща, словно она снова слушала неистовую каденцию цыганской музыки, она вспомнила те моменты, когда лежала на белой шкуре медведя, он обнимал ее и его губы искали ее. Она и не верила в то, что на свете может существовать подобное счастье, не знала, что ее тело может испытать такой восторг и блаженство. Все ее существо жаждало прикосновения его сильных рук и губ, неистовых поцелуев на глазах и волосах и внезапную, неожиданную нежность.

Она принадлежала ему, она отдала себя ему — тело и душу. Но он так и не овладел ею. Боль и страдание нахлынули на Сабину с новой силой. Почему он не взял ее, когда их желание друг друга поднялось выше звезд и они знали, что духовно были едины? — не уставала спрашивать себя Сабина.

Почему, почему он это сделал? И главное, почему он отослал ее назад? Она подумала, еще крепче уткнувшись лицом в подушку, что достигла самых глубин унижения.

Он завоевал ее, но счел, что добыча не стоит того, чтобы ее взять. Она предложила себя и ее отвергли! Но сквозь мрачные глубины ее горя она вдруг услышала его голос. «Доверяй мне, — сказал он. — Только доверяй мне».

Что бы это могло значить? Доверять ему что и ради чего? Она пришла к нему, она бросила все ради него. Она была готова лишиться любви и уважения своей семьи, она сочла, что сможет легко отречься от золотой клетки, которую предлагал ей Артур. Она хотела одного — любить и быть любимой.

Сабина почувствовала, как слезы струятся по ее щекам, медленные горькие слезы разочарования и беспредельного отчаяния. Что с ней теперь будет? — думала она. Теперь уже ничего не вернется. Она любила его — любила отчаянно, зная, что попроси он и она

босиком пошла бы по миру, чтобы быть рядом с ним. Она не хотела от него ничего взамен, кроме разрешения видеть его и быть с ним, слышать его голос и знать, что он рядом.

В этот момент она вновь погрузилась в тяжелый, глубокий сон, граничащий с забытьём...

Только спустя долгое время она снова подняла голову и, задыхаясь от рыданий, подошла к умывальнику за стаканом воды. Ощувив ее прохладу на языке, она вспомнила бокал вина, который он дал ей прошлой ночью. Должно быть, в нем были подмешаны травы, подумала она — какой-то особый цыганский отвар, — раз она так быстро потеряла сознание.

Она поставила стакан с водой, стряхнула с себя шаль, подняла ее с пола и поднесла к лицу. Она была мягкая, как шелк, ведь ее сделали из шерсти овец Южной Европы. Он закутал ее в нее, чтобы она не замерзла. Его ли руки принесли ее сюда? Или он был слишком к ней безразличен, чтобы лично хлопотать о ее возвращении, и поручил эту миссию кому-то из своих людей?

— Я больше никогда его не увижу! — в отчаянии воскликнула Сабина. И все же она в это не верила. Он любил ее, она была в этом убеждена. Что с того, что его любовь длилась столь недолго?

Впрочем, что она знала о любви? Она поднесла руки к глазам и снова почувствовала, как слезы закапали между ее пальцев.

— О! Мама! Мама! — вслух пробормотала Сабина. Она плакала — плакала, как ребенок, которого обидели, но который знает, что есть только одна защита в мире, один человек, к которому можно прийти в беде.

Она вдруг вспомнила еще кое-что и взглянула на туалетный столик. Ее письма исчезли! Она оставила их лежащими в ряд — письмо маме, леди Тетфорд и третье Артуру. Они исчезли!

Сабина подошла к двери — та была заперта. Прошлой ночью, прежде чем выйти на балкон и сбегать вниз по деревянной лестнице в сад, она сама поворачивала ключ в замке. Значит, с тех пор, как она ушла, никого в ее комнате не было. Никого, кроме человека, который принес ее сюда на рассвете, положил спящую на кровать и ушел один.

Один! Ей было больно произносить, даже думать об этом. Он ушел, и она была не с ним. Свернули ли уже цыгане свой лагерь? Грохотали ли их фургоны к какому-то новому неведомому горизонту,

не оставляя за собой ничего, кроме выжженной золы своих костров? И это все, что она найдет, если вернется на дорогу Гранд-Корниш?

— Я не вынесу этого, не вынесу.

Она бросилась на пол рядом с кроватью, но, как ни странно, слезы прошли, улеглась и буря в ее сердце и разуме. Она вдруг обнаружила, что думает о том, что жизнь продолжается, хотя она больше и не нужна ему. Сабина хотела умереть, и все же вряд ли смерть заберет ее так легко. Сабина хотела бы отправиться на его поиски — но куда она могла пойти, если только ветер знал, в каком направлении они ушли?

— Боже, помоги мне! — вырвался крик из самой глубины сердца Сабины.

Никогда в жизни она еще не молилась так горячо. Она истово звала на помощь всю свою гордость и чувство достоинства. Тогда она сможет почувствовать себя злой или оскорбленной, ведь он столько всего обещал ей, а потом обманул ее доверие. Но тщетно: она ничего не чувствовала, кроме беспомощных страданий женщины, которую бросили, жены без мужа.

Медленно повернула она голову и взглянула на свое запястье. Надрез был ярко-красным и слегка испачкан кровью. Сабина долго смотрела на него.

— Я люблю его... я люблю его... я люблю его.

Она повторяла эти слова вновь и вновь, пока наконец звук часов на каминной полке не заставил ее взглянуть на них. К своему крайнему изумлению, она увидела, что был уже почти час. Медленно она поднялась на ноги. Почему никто до сих пор не пришел к ней? Что случилось? Неужели леди Тетфорд дала указание, чтобы ее не тревожили, пока она не позвонит в колокольчик?

Леди Тетфорд! Артур! Мама! Девочки! Все они снова вернулись в ее жизнь. Вернулись к ней, хотя еще прошлой ночью она думала, что навсегда покидает их. Медленно, словно она была стара и обременена годами. Сабина подошла к шкафу. Она вытащила белый пеньюар и, сняв шелковые нижние юбки и белую расшитую блузу, надела свежую ночную рубашку, а поверх нее накинула пеньюар. Затем она отперла дверь и позвонила в колокольчик.

Ивонна прибежала через несколько секунд.

— Вы поздно встали сегодня, мадемуазель, — весело сказала она, отодвигая шторы и впуская солнечный свет. Так как Сабина не

отвечала, она продолжала: — Ее светлость предложила, чтобы вы позавтракали сегодня в постели. Она думает, что вы, должно быть, сильно устали, раз так долго проспали, и, когда я услышала ваш звонок, я как раз давала указания повару относительно того, что вам приготовить.

— Ее светлость желает меня видеть?

Сабина услышала свой голос откуда-то издалека, словно это был совсем чужой голос. Она снова возвратилась к своей старой жизни. Она говорила те же привычные слова, которые произносила до прошлой ночи, до того, как поверила, что ее жизнь изменилась.

— Нет, ее светлость завтракает не дома, — ответили Ивонна. — Она оставила вам записку, мадемуазель, в которой говорится, что сегодня днем вы должны отдохнуть, так как вечером должны будете присутствовать на важном приеме.

— Приеме? — переспросила Сабина тупо, словно никогда раньше не слышала этого слова.

— Да, мадемуазель, и я думаю, что ее светлость хочет, чтобы вы выглядели наилучшим образом. Ложитесь обратно в постель и после завтрака еще поспите.

Сабина сделала так, как говорила Ивонна. Она была слишком истощена, чтобы спорить, слишком убита, чтобы попытаться что-либо понять, кроме страданий своего сердца. Ивонна принесла ей свежих подушек, поправила покрывало, поставила у края кровати маленький столик и спустя несколько минут появилась с подносом, на котором стояли вкусные блюда.

— Попробуйте поесть, мадемуазель, — уговаривала она, когда Сабина покачала головой. От одного только вида еды ей сделалось нехорошо.

Наконец, чтобы доставить удовольствие Ивонне, она съела несколько ложек супа, и поднос снова унесли.

— Повар будет очень огорчен, мадемуазель, — с упреком сказала Ивонна. — Он старается изо всех сил, чтобы угодить вам, и всегда чувствует себя обиженным, если его блюда возвращаются на кухню нетронутыми.

— Мне очень жаль, — вздохнула Сабина. Любое слово требовало от нее невероятных усилий, кроме того, она знала, что лжет. Она не жалела никого и ничего, кроме себя.

Ее мозг лихорадочно работал, пытаясь найти ответы на мучившие ее вопросы. Что она сделала? Может быть, она обидела его? Или, что еще хуже, может быть, она вызвала в нем отвращение чем-то, что было недоступно ее пониманию? Хотел ли он просто того, что было недостижимо? Или из-за того, что она была так готова отдаться ему и так хотела его поцелуев — на самом деле страстно желала их, — он больше не находил ее привлекательной? И все же, в который раз, хоть эти мысли и причиняли ей почти физическую боль, так что руки ее дрожали, она снова услышала его голос: «Доверяй мне. Только доверяй мне».

Как, как — если его здесь нет? Она откинулась на подушки. Вопросы, на которые она не могла найти ответа, продолжали роиться в ее бедной маленькой головке, пока наконец, к своему удивлению, она не заснула. Ей приснился сон, в котором он был с ней. Она снова испытала то чувство защищенности, которое он всегда давал ей. Ее рука лежала в его руке — ничто больше не имело значения, кроме того, что он был рядом.

Должно быть, она проспала несколько часов. Когда она проснулась, Ивонна входила в комнату.

— Да вы спали, мадемуазель! — воскликнула она. Это хорошо. Теперь вы почувствуете себя лучше, намного лучше. Видите, я принесла вам чашку чаю, а повар сделал вам маленьких пирожных — «волшебные пирожные», так он их называет. Они всего лишь на один зубок, но, если вы их съедите, мадемуазель, вы почувствуете себя лучше. Долго голодать нехорошо.

— Я постараюсь, — пообещала Сабина. Она успокоилась. Ее сон казался настолько реальным, что ее страх и страдания уступили место умиротворению. Как хорошо, что он хотя бы приснился ей!

Чтобы доставить удовольствие Ивонне и, возможно, потому, что она была, несмотря на все, немного голодна, она выпила чай и даже умудрилась съесть два волшебных пирожных, которые повар испек специально для нее. Не успела она доесть последний кусочек, как в ее комнату вошла леди Тетфорд:

— Тебе уже лучше, детка?

Сабина не ожидала подобного вопроса и удивилась.

— Ивонна сказала мне, что ты устала, и поэтому я хотела, чтобы ты осталась в постели сегодня, — пояснила леди Тетфорд. — Эта

бурная жизнь дурно сказывается на тех, кто к ней не привык.

— Да, конечно, — пробормотала Сабина.

— Но тебе не придется долго лениться, — продолжала леди Тетфорд. — Сегодня вечером мы идем на большой прием, и я хочу, чтобы ты выглядела как можно лучше.

— Разумеется, — машинально ответила Сабина.

Она вдруг подумала, не рассказать ли все леди Тетфорд, не объяснить ли ей, что она не может идти на прием, где бы он ни происходил и кем бы он ни был дан.

Она хотела признаться в том, что совершила прошлой ночью, поведать, как она ушла из этого дома, чтобы больше никогда в него не вернуться. Но, осознав всю невозможность убедительно объяснить все это, рассказать историю, у которой не было разумного или вероятного конца, девушка промолчала.

Как мог кто-нибудь понять, каким он был и что значил для нее? Как смело, как глупо прозвучало бы: «Я убежала с цыганом». И все же за этими словами крылось намного большее. Она нашла человека, который, как она верила, был ее другом с самого начала, человека, которого она любила превыше всего — даже больше, чем свою жизнь. А теперь она его потеряла! Он вошел в ее жизнь и исчез, и теперь уже ничто не подтверждало, что он там вообще когда-то был, — ничто, кроме разбитого сердца.

Это правда, подумала Сабина. Ее сердце было разбито, и какая-то часть ее, которую он пробудил к жизни, умерла. Теперь она знала, что без него она никогда не будет чувствовать себя живой. Теперь под грудью был лед. Ее чувства, само ее сердце замерзли. Она больше ничего не чувствовала, даже отчаянные, раздирающие душу страдания, которые она испытала сначала, как только поняла, что потеряла его, и те стихли.

— Мари приготовила для тебя новое платье, — между тем говорила леди Тетфорд. — Я хранила его для особого случая. Но я хочу, чтобы ты надела его сегодня вечером, и, когда ты будешь готова, приходи ко мне в комнату. Я хочу тебе кое-что дать.

— Я приду, как только оденусь, — послушно ответила Сабина.

Ивонна приготовила ей ванну и добавила в воду сладко пахнущую эссенцию. Ее аромат заставил Сабину заплакать. Он напомнил ей о цветах, которые лежали на земле той спальни среди деревьев. Но

спустя мгновение она снова погрузилась в полубессознательное состояние и оцепенение. Для нее ничто не имело значения. Способность чувствовать покинула ее.

— Я умерла, — сказала Сабина своему отражению в зеркале немного позже.

Она пробормотала эти слова едва слышно, но Мари, которая вместе с Ивонной подгоняла по ней платье, спросила:

— Мадемуазель что-то сказала? О, это ravissant, прекрасное, самое красивое платье, которое когда-либо носила мадемуазель.

Мари одернула кружевные оборки, которые спадали вниз с тонкой талии Сабины до самого пола, и они упали поверх огромного колокола юбки. Прилегающий корсаж обрамлял плавные изгибы ее фигуры, а ее бледные плечи были почти такими же белыми, как и обрамляющее их мягкое кружево. Мари зачесала ее золотистые волосы наверх и заколола их там большими черепаховыми заколками. На верхушке каждой из них поблескивала маленькая бриллиантовая звездочка.

— Ее светлость особенно хотела, чтобы вы надели именно эти сегодня вечером, мадемуазель, — объяснила она.

Сабина едва слышала ее голос. Из зеркала на нее смотрели темные, пустые глаза, которые вдруг показались слишком большими на фоне ее крошечного мертвенно-бледного личика. Она и в самом деле была так бледна, что не раз задавалась вопросом, не упадет ли она сейчас в обморок, и леди Тетфорд, войдя в комнату, воскликнула:

— Боже, дитя мое! Ты так долго одевалась, что мне стало интересно, что с тобой случилось! С тобой все в порядке?

— Да, со мной все хорошо, — грустно ответила Сабина.

— Что ж, Мари должна непременно нанести тебе румян на щеки, — критично заметила леди Тетфорд. Они подумают, что я привела на прием привидение, а не молодую девушку. — Она мгновение подождала, словно ожидала, что Сабина что-нибудь скажет. Но поскольку та продолжала хранить молчание, она прибавила: — Артур с нами не едет, так что не беспокойся, никто не заметит. Я только хочу, чтобы ты выглядела самым лучшим образом.

— Благодарю, — пролепетала Сабина.

— И у меня есть для тебя подарок. Я берегла его для твоей свадьбы, но я хочу, чтобы ты надела его сегодня же вечером.

И леди Тетфорд открыла бархатную шкатулку, которую все это время держала в руках. Внутри лежало бриллиантовое кольцо. Оно было полностью сделано из звезд, разных по величине, и заканчивалось огромной звездой в самом центре. Стоило ей вынуть его из шкатулки, как оно засверкало и заискрилось на фоне изящной, округлой белой шеи девушки.

Сабина грустно смотрела на него, вспомнив, как однажды, давно, очень давно, кто-то говорил, что ее глаза похожи на огненные звезды. Теперь этот огонь погас, больше не было искр света на ее лице, только печальная пустота смирения.

— Мадемуазель еще не была прекраснее! — воскликнула Мари.

И Ивонна тоже не удержалась:

— Она словно сказочная принцесса!

Сабина ничего не ответила, но подумала, что уж лучше быть просто женой цыгана. Ей были не нужны ни изысканные платья из Парижа, ни кольцо и бриллианты, ни заколки со звездами из драгоценных камней. Лучше неровная, пыльная дорога под ногами да грохот колес фургона, который подскакивает на камнях. »Главное — быть с человеком, которого она любила, и знать, что и он любит ее.

Леди Тетфорд терпеливо ждала, и Сабина вдруг вспомнила, что не поблагодарила ее за кольцо. Она поднесла к нему пальцы и потрогала камни, холодные и твердые. С этих пор такова будет и ее жизнь, подумала она, ее жизнь с Артуром — холодная и твердая.

— Спасибо, — выдавила она из себя и, запинаясь, прибавила: — Это очень мило с вашей стороны.

Леди Тетфорд, казалось, собиралась что-то сказать, может быть, поинтересоваться, что было не так, но потом передумала.

— Мы должны идти, — сказала она немного резко. — Впереди у нас длинная дорога.

Ивонна принесла Сабине накидку и набросила ее девушке на плечи.

— Берегите это прекрасное платье, мадемуазель, — предостерегла ее Мари, когда она повернулась к двери.

Сабина не ответила. «Я хотела носить лохмотья, а вы дали мне шелка и кружево», — хотела сказать она. Но какой был в этом смысл? Кто поймет, что она хочет сказать? Он ушел, и осталась только пустота

— безграничная, приносящая боль пустота, простирающаяся в вечность.

Для леди Тетфорд и Сабины в карету положили грелку для ног, чтобы они не снимали вечерних туфель, и лакей заботливо укрыл их меховым пледом. Наконец дверцу захлопнули, и лошади тронулись вверх по склону холма. Солнце только начало опускаться за море, и по мере того, как они ехали, быстро наступили сумерки, и на горизонте осталось только красное сияние.

Должно быть, они ехали уже около часа, когда леди Тетфорд сказала:

— Ты не спросила меня, куда мы едем.

— Нет? — ответила Сабина. — Как невежливо с моей стороны не спросить это.

— Отнюдь, — ответила леди Тетфорд. — Недостаток любопытства — это да, но это так несвойственно тебе.

— Простите меня, — извинилась Сабина.

На самом деле, я думаю, ты заинтересуешься, когда мы приедем, — сказала леди Тетфорд. — Потому что сегодня тебе предстоит встретиться с весьма выдающейся личностью и большой моей подругой. Принцесса Ракоци тридцать лет назад была одной из самых потрясающих красавиц в Европе. Теперь она постарела и не всегда в добром здравии, но она все еще прекрасна и все еще обладает обаянием, против которого невозможно устоять.

Сабина что-то пробормотала в ответ. Она была не очень-то заинтересована в принцессе, с которой должна была встретиться. Интересно, будет ли она когда-нибудь вообще в чем-нибудь заинтересована, покажется ли ей что-нибудь веселым, чудесным и волнующим, или же эта ужасная, замерзшая неподвижность внутри ее груди помешает ей не только наслаждаться вещами, но и счесть их безвкусными? Возможно, даже Артур никак не заденет ее и ей будет все

равно, что он делает и что говорит. Возможно, ей даже не придется шарахаться от прикосновений его рук.

— Принцессе принадлежит замок в горах, — продолжала леди Тетфорд. — Ей нравится тамошний климат, поэтому она и проводит многие месяцы в году в той части света. И разумеется, у нее множество друзей.

— Да, конечно, — пролепетала Сабина, так как сочла, что должна что-то да сказать в ответ.

Леди Тетфорд вздохнула и погрузилась в молчание. Уже почти стемнело, но Сабина мельком увидела башни, вырисовывающиеся на фоне неба, ров, который окружал некогда обнесенный стеной замок, сады, разбитые красивым геометрическим узором, и мост, через который они проехали в огромный двор.

Слуги бросились открывать дверцы, и на ступенях расстелили ковер, по которому они прошли через огромные готические двери в залу с колоннами. Служанки провели их в туалетную комнату, где в камине пылал огонь, на стенах висели зеркала, а в углу стоял туалетный столик, пестревший множеством золотых расчесок и гребней с драгоценными камнями.

Сабина даже не удосужилась взглянуть на все это великолепие. Она безучастно стояла в ожидании, пока служанки снимут с нее накидку. Кто-то расправил оборки ее платья, кто-то ловкими пальцами поправил ее прическу. Она мельком увидела блеск звезд на шее, легкий румянец на своих белых щеках и огромные темные глаза, которые даже ей показались полными боли.

— Ты выглядишь очаровательно, дорогая, пойдём же, — позвала ее леди Тетфорд и направилась в главную залу.

Сабина последовала за ней. Слуги в ливреях и напудренных париках провели их по коридору, увешанному картинами в дорогих рамках. В конце коридора были высокие двойные двери, их распахнули, и Сабина увидела перед собой громадную гостиную, наполненную людьми.

Краешком глаза она заметила канделябры с сотнями горящих свечей, огромные букеты цветов, источающих опьяняющий, экзотический аромат, который, казалось, наполнил всю залу. А потом она увидела, что голову каждой из присутствующих здесь женщин венчала диадема, парадные формы и вечерние костюмы мужчин украшали ордена и награды.

От всего этого блеска и сверкания у Сабины зарябило в глазах. Она покорно ступила следом за леди Тетфорд на мягкий ковер, и они направились туда, где в конце залы стояла женщина, явно ожидая их.

Одежда дамы отличалась изысканностью и роскошью, а ее седые волосы, высоко подобранные над выпуклым лбом, венчала корона из

бриллиантов и жемчужин. Те же драгоценности ниспадали тяжелым каскадом с ее шеи до самой талии.

Не успела леди Тетфорд подойти, как женщина вскрикнула от радости и протянула к ней руки.

— Мои дорогие, дорогие друзья, — сказала она нежным, мелодичным голосом. — Это для меня поистине счастливый день.

Она поцеловала леди Тетфорд и вопросительно повернулась к Сабине.

— Это Сабина, принцесса, — как-то по-домашнему просто сказала леди Тетфорд.

Сабина сделала глубокий реверанс. Принцесса протянула руку и так пристально взглянула на нее, что девушка даже удивилась.

— Я так рада познакомиться с вами, Сабина, — нежно произнесла принцесса. Она замолчала, не выпуская руку Сабины, а потом с улыбкой прибавила: — Я думаю, вы уже знакомы с моим сыном Микелем.

Сабина автоматически подняла глаза. Кто-то стоял рядом с принцессой в белой форме с голубой лентой, перекинутой через плечо. Он не говорил, не двигался, но Сабина оцепенела, не в силах отвести от него широко раскрытых глаз. Ее губы приоткрылись.

Это был он. В мире не могло быть двух разных людей, столь похожих друг на друга. Да и как могла она ошибиться в выражении его глаз, изгибе его губ?

Все вокруг завертелось у нее перед глазами, земля ; ушла из-под ног. Лед в ее сердце растаял, и к ней снова вернулась жизнь. Она, должно быть, выглядела так, что J сейчас упадет в обморок, так как обе ее руки вдруг оказались в его. Она прильнула к ним, черпая в них силу и утешение, которые накануне испытала в своем сне.

— О, любовь моя, разве я не говорил тебе, чтобы ты ! мне доверяла? — спросил он.

— Это... правда... это не сон, что ты... здесь? — пробормотала она запинаясь.

— Тот же вопрос я задавал и себе, когда ты приехала ко мне прошлой ночью, — нежно сказал он.

На большее не было времени. Принцесса повернулась к нему, чтобы что-то сказать. Сабина взяла его под руку, и он повел ее на середину комнаты. Стоявшие по сторонам гости делали реверансы,

когда они проходили } мимо, а затем вереницей двигались за ними следом. Молча и торжественно шли они по просторным коридорам замка, где через каждую дюжину ярдов стояли лакеи, держа зажженные свечи в позолоченных подсвечниках.

Сабина не спрашивала и даже не думала о том, куда они шли. Она лишь знала, что все ее тело ликовало от того, что он был рядом, что ее рука была в его руке, что его пальцы касались ее. Наконец до нее донеслись низкие звуки органа и высокие сладкие голоса хора мальчиков.

Она увидела перед собой распахнутые настежь двери высокой капеллы и поняла, куда они идут и почему гости следуют за ними. Воздух наполнился едким запахом ладана, высокие тонкие свечи осветили позолоченную запрестольную перегородку за алтарем. Священник в своем одеянии уже ждал, и перед ним лежали две белые атласные подушечки.

Медленно шли они бок о бок к ступеням перед алтарем. Высокие голоса хора эхом звенели под куполом Гости расселись на места позади них, и, когда на собравшееся общество опустилось безмолвие, служба началась и второй раз в своей жизни Сабина услышала имя мужчины, которого она любила, мужчины, за которого она уже вышла замуж однажды, но по цыганским законам.

— Я, Сабина, беру тебя, Микель, в мужья. В счастье и в горе, в богатстве и бедности, в болезни и здравии... слышала она свой голос, который повторял эти прекрасные слова.

А когда он надел ей на палец золотое кольцо, она по чувствовала, как на ее запястье запульсировал маленький красный шрам. После этого столько всего произошло, что она едва помнила, в какой последовательности события сменяли друг друга.

Она знала, что принцесса поцеловала ее и произнесла добрые и милые слова; что леди Тетфорд сказала ей, что все понимает и что рада ее счастью.

— Микель пришел ко мне сегодня утром, — сказала она. — Я знала его еще ребенком, и я уверена, как и он, что вы созданы друг для друга.

Затем был большой банкет, на котором молодым предложили множество необычных и прекрасных блюд. Пили за здоровье, один за другим произносили тосты знатные гости, увенчанные титулами и

наградами. Если бы не чувство, что Микель был рядом, если бы он то и дело не склонялся к ней, чтобы прошептать нежные, волнующие слова на ушко, Сабина решила бы, что все это плод ее воображения.

Неужели это правда, неужели она не спит?.. Но стоило ему прикоснуться к ней или произнести слова, которые были слышны только ей, как все сомнения рассеивались, сердце подпрыгивало в груди, а по телу пробегала радостная дрожь.

Когда пир закончился, гости перешли в огромную белую с золотом бальную залу, где цыганский оркестр Е играл веселые, неистовые мелодии, которые заставляли, даже самых степенных кружиться в вихре танца.

Принц вывел Сабину на площадку, положил ей руку на талию и закружил, как в ту ночь во дворце, когда цыган осмелился попросить ее станцевать с ним. Они не разговаривали — в словах не было нужды.

С каждой секундой, проведенной с ним, сердце Сабины все больше наполнялось ликованием. Она и в самых дерзких мыслях не могла допустить, что такое чудо возможно — вот она снова танцует с ним, чувствует его руку в своей, они так близки, его глаза смотрят в ее лицо.

Продолжая танцевать, Микель вывел Сабину из бальной залы в другую комнату, к маленькой лестнице. Когда они наконец остановились, он прижал ее к груди и, взглянув на нее с улыбкой, которая заставила ее сердце перевернуться, сказал:

— Я думаю, желание моей души, отсюда мы и убежим. Он повел ее вверх по лестнице. На площадке была дверь, он открыл ее, и они очутились в комнате с высоким потолком. В камине пылал огонь, и его свет освещал огромную кровать на четырех резных серебряных столбиках с пологом из бирюзового атласа. А венчали полог веера из страусиных перьев, в ногах лежало покрывало из белого горноста с каймой из соболя.

Когда ее глаза привыкли к полутьме и взметающимся вверх языкам пламени в камине, Сабина увидела, что ее собственные вещи лежали тут же. Ее ночная рубашка и пеньюар были аккуратно сложены на стуле у огня, а тапочки из бархата и лебяжьего пуха, которые подарила ей леди Тетфорд не далее как несколько дней назад, стояли у камина.

Но ее глаза не видели ничего, кроме мужчины, который смотрел на нее. Она подошла к камину, — на ее шее и в волосах мгновенно вспыхнули бриллианты.

— Почему ты мне ничего не сказал? — спросила она.

— Красавица моя, верная, моя женщина дорогая! воскликнул он. — Неужели мне нужно объяснять тебе мое глупое тщеславие? Я хотел, чтобы ты любила меня таким, каков я есть.

— Но я бы любила тебя, кем бы ты ни был! — вое кликнула она.

— Как я мог быть в этом уверен? Если бы ты узнала, что я королевский принц, история нашей любви могла бы быть не столь прекрасной.

— Но почему... почему ты притворялся цыганом? спросила Сабина.

Я не притворялся, — ответил он. — На самом деле я наследный король племени запак. Мой прапрадедущка женился на дочери их короля много лет назад, она была единственным ребенком, и их сын, мой прадед, стал, естественно, цыганским королем. С тех пор в нашей семье стало традицией в течение трех недель или месяца каждый год оставлять жизнь в замке и следовать с племенем, куда бы ни завели их странствия. Я побывал во многих местах и видел много удивительных вещей с моими цыганами, но в этом году, поскольку моей матери нездоровилось, я настоял, чтобы мы разбили лагерь близ Монако. Возможно, это интуиция подсказала мне, что я должен быть там и ждать тебя, когда ты придешь, может быть, это была судьба. Как бы там ни было, возлюбленная моя, ты пришла ко мне.

— Если бы я только знала, — вздохнула Сабина.

— Разве это бы не испортило все? — спросил он. — Ты можешь себе представить, что для меня значило, когда вчера ночью ты бросила все, что было для тебя дорого, ради мужчины, который ничего не мог предложить тебе, кроме своей любви?

— И все же ты отправил меня... обратно, — сказала Сабина, и стоило ей вспомнить о всех тех страданиях и горе, которые она пережила этим утром, как ее голос задрожал.

— Я отвез тебя обратно, — поправил он, — потому что хотел привязать тебя к себе всеми связями и церемониями, которые только существуют на свете. Ты вышла за меня дважды, Сабина, — и теперь тебе не уйти от меня.

— Да я этого хочу меньше всего, — сказала она, и ее глаза засияли, словно две ярких звезды.

— Не смотри на меня так, — сказал он хрипло. — Если ты будешь так смотреть, я прикоснусь к тебе, а если я прикоснусь к тебе, я забуду все то, что хочу тебе сказать и объяснить.

Сабина невольно затрепетала: неужели в ее власти было так взволновать его? И как поступила бы любая женщина, она нежно спросила:

— Так ты меня все-таки хочешь?

— Через несколько секунд, — ответил он, — я заставлю тебя забрать назад то сомнение, что прозвучало в твоем вопросе. Я докажу тебе свою любовь, душа моя. Ты станешь умолять меня о пощаде. Но теперь дай мне сказать тебе еще кое-что. Во-первых, сегодня утром я встречался с лордом Тетфордом!

— Ты встречался с... Артуром! — В голосе Сабины прозвучал ужас.

— Да, и я сказал ему, что ты, моя дорогая, принадлежишь мне.

— И что он... сказал? О, он был очень... разгневан? В глазах принца загорелся огонек.

— Разгневан — не совсем подходящее слово. Он был в ярости! Да, он был оскорблен, но сильнее всего, я думаю, было его удивление, что ты вообще могла предпочесть ему другого.

— Он не очень... переживал, что... потерял меня?

— Я думаю, этот твой поступок просто подтвердил его и без того плохое мнение о представительницах слабого пола. Но давай больше не будем тратить время на разговоры о нем. Он больше не имеет для тебя ни малейшего значения, а я ревную к каждому мужчине — да, даже к самоуверенному лорду Тетфорду, — если он занимает хоть каплю твоего внимания.

— Я даже не хочу думать о нем, — прошептала Сабина. — Я хочу быть уверенной в том, что ты действительно здесь и что... я принадлежу тебе.

— Ты убедишься в этом, моя единственная любовь, и больше никогда не будешь в этом сомневаться. Но я должен тебе сказать еще одну вещь. Ты отказалась от своей семьи ради меня, маленькая Сабина, — или думала, что отказываешься. Так я верну ее тебе. Гарри перейдет в кавалерийский полк, как он всегда хотел. Я так ему и сказал

сегодня, и сейчас он самый счастливый молодой человек, полный надежд на будущее. А Гарриет, Меллони, Ангелина и Клер приедут и останутся у нас. Когда они станут старше, ты представишь их, моя дорогая, твоей королеве в Лондоне и моему королю, то бишь моему двоюродному брату, при его дворе в Будапеште. Я хочу, чтобы все они были счастливы, если это сделает счастливой и тебя.

— О, как мило, как же это мило с твоей стороны! — воскликнула Сабина, и на ее глазах заблестели слезы.

Растеряв все свое железное самообладание, он заключил ее в объятия и страстно прижал к себе. Их губы слились, и в тот миг не было на свете людей счастливее их.

Наконец он отпустил ее и, взглянув на ее нежное пылающее личико, уютно покоившееся у него на плече, на ее полуоткрытые губы, на глаза, полузакрытые от страсти, которую он пробудил в ней, сказал:

— Вот чего я так ждал. Ты никогда не узнаешь, моя сбывшаяся мечта, что значило для меня прошлой ночью не сделать тебя своей, не овладеть тобой, когда я держал тебя в своих объятиях, когда мы лежали вместе под звездами и твои прекрасные волосы накрывали нас обоих, словно облако.

Он протянул руку и вытащил бриллиантовые заколки из ее волос. Они упали ей на плечи, и в тот же миг его пальцы коснулись крючков на корсете ее платья. Мгновение спустя он поднял ее на руки, и его губы снова нашли ее сквозь завесу ее волос.

— Ты моя, — сказал он. — Моя по законам человека и Бога — моя цыганская жена, моя любовь, моя жизнь, моя королева.

---

notes

Примечания

1

«Железная дорога» — азартная карточная игра (фр.).

Содержание

[Барбара Картленд Королевская клятва](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Примечания](#)

[1](#)